1 р. 50 к.

М. А. ДРОБОВ

МАЛАЯ ВОЙНА
ПАРТИЗАНСТВО И ДИВЕРСИИ

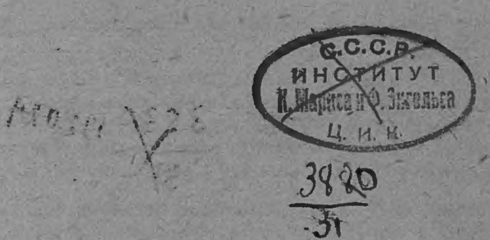

Государственное Военное Издательство
Москва 1931

М. А. ДРОБОВ

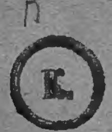
МАЛАЯ ВОЙНА

ПАРТИЗАНСТВО И ДИВЕРСИИ

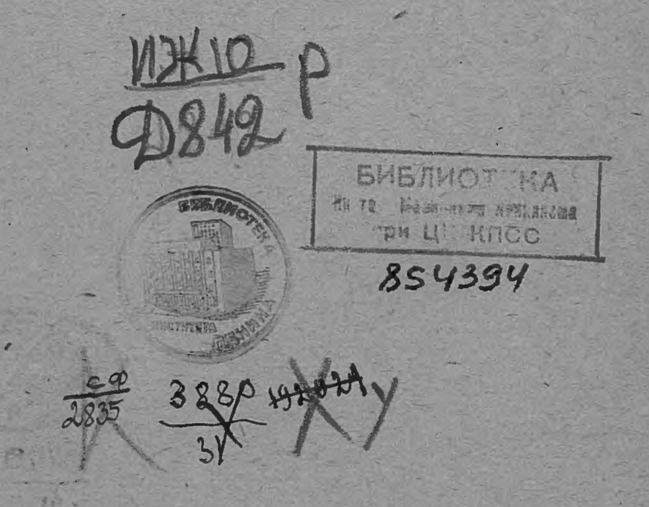

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931

М. А. Дробов. — «*Малая война* (*партизанство и диверсии*)». Настоящая работа дает обстоятельное освещение и тщательный анализ форм и методов малой войны—партизанства и диверсий. В разработке данной проблемы, до сих пор совершенно неисследованной, автор использовал богатейший разрозненный материал (свыше 370 названий — русских и иностранных). Книга представляет крупнейший интерес не только для начальствующего состава Красной армии, но и для каждого подготовленного гражданского читателя.

Типография „Печатный Двор". Ленинград, Гатчинская, 26.

В. 10. Гиз № 8991.
Ленинградский Областлит № 3887.
$9^1/_4$ л. Тираж 4000. Зак. № 914.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаемая вниманию читателей работа т. Дробова «Малая война (партизанство и диверсии)», является первой попыткой систематического изложения этой совершенно неисследованной проблемы. Автор кропотливо собрал разрозненные сообщения из разнообразнейших источников на русском и иностранных языках как литературных, так и архивных. В общей сумме использовано свыше 370 трудов. Уже одно это обстоятельство делает его труд полезным для всякого интересующегося вопросами малой войны.

Однако автор не ограничивается простым собиранием фактов. Он делает попытку систематически их изложить, проанализировать и дать *теорию малой войны*. В основном его точка зрения сводится к следующим положениям:

1. Малая война происходит не только в военное, но и в мирное время.
2. Основными формами ее являются партизанство и диверсии.
3. В общей системе вооруженной борьбы между государствами малая война имеет подсобное значение, но роль ее в современных условиях все более возрастает в связи с обострением социально-классовой борьбы.
4. По отношению к последней малая война является подчиненным средством: задачи, формы и методы ее обусловливаются ходом и условиями классовой борьбы:
5. Действия малой войны организуются и ведутся как силами армии, так и силами гражданских властей, самого населения и политических партий.
6. Малая война оперирует всевозможными средствами борьбы — как военными, так и «мирными», социально-культурными.
7. В будущей войне империалистов против СССР она будет играть большую роль, так как применение ее форм (особенно диверсий) со стороны врагов СССР имеет место уже и в настоящее время, в период «передышки».
8. В связи с этим требуется заблаговременная подготовка к отпору нападения, проводимого по методам малой войны, а равно

и использованию форм малой войны при соответствующих условиях, в особенности при наличии массовой борьбы против нападающих империалистов.

Редакция считает эти положения в основном правильными, но одновременно с этим не отрицает, что по мере углубления нашей научно-исследовательской мысли в данную проблему некоторые положения и формулировки автора потребуют в дальнейшем уточнения и большей четкости.

По ряду обстоятельств, не зависящих от издательства и автора, книга задержалась выходом из печати и т. Дробов не имел возможности использовать в своей работе свежие материалы, в частности материалы о диверсионной и вредительской деятельности контр-революционной «Промышленной Партии», выполнявшей задания французского генерального штаба. В свете этих новых данных труд т. Дробова приобретает особую актуальность.

Редакция.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ МАЛОЙ ВОЙНЫ.

Определение Балка, типичное для военной мысли Запада. Точка зрения Клембовского. Разбор мнений некоторых советских военных писателей. «Юридическая» точка зрения. Ее несостоятельность. Эволюция в понимании малой войны. Определение малой войны как формы, сочетающей партизанство, повстанчество и диверсии.

До мировой войны под «малой войной» понимали (а некоторые понимают и теперь) действия малых отрядов, — разобщенных с главной армией, — наносящих противнику вред нападением с флангов и тыла, набегами, отбитием транспортов, засадами и т. п.

Балк например давал такое определение, которое нужно признать типичным для военной мысли Запада:

«Под малой войной мы понимаем всю совокупность самостоятельных операций малыми отрядами, которые ведутся или на ряду с большими операциями и независимо от них, или же заменяют их при недостатке регулярных войск; при этом только в редких случаях преследуется уничтожение неприятельских сил; большею частью задача заключается в том, чтобы тревожить и теснить врага, принуждать его к выделению части своих главных сил и этим косвенно содействовать успеху».[1]

Поэтому в «малую войну» входят действия — летучих колонн, партизанских отрядов в виде внезапных нападений, засад, разрушений, прикрытий транспортов, границ, этапов, железных дорог и рейдов. Приблизительно такое же понимание было у фон-Виддерна, Новицкого, Богуславского, Гершельмана и др.

Колуэл в малую войну включал все операции, которые ведутся высоко обученными, хорошо вооруженными, организованными и дисциплинированными войсками против иррегулярных масс, не могущих бороться в открытом поле с регулярной армией; он разумел главным образом войну в колониях и из-за колоний, а также подавление восстаний. Поэтому он относил к малой войне следующие кампании: подавление индейцев Mutiny, англофранцузскую экспедицию в Peiho, английскую против Египта в 1882 г., североамериканскую — против «краснокожих», испанское вторжение в Марокко в 1859 г., французскую алжирскую экспедицию, русскую закаспийскую, подавление восстания кафров и матабилей в Южной Африке, абиссинскую экспедицию в 1868 г. и т. п.[2]

---

[1] *Балк*, Малая война, М. 1919, стр. 6.
[2] Callwell, Small wars, pp. 25 — 31.

Балк и другие признавали самостоятельный характер малой войны только на внеевропейских театрах, где она «является надежнейшим средством борьбы с обученными дисциплинированными европейскими армиями», например война афганцев и англичан в 1842 г. и др. Сюда же относились и так называемые «народные войны», проводимые методами «малой войны», как это было во время восстания в Тироле, Герцоговине и т. д. Последнюю поправку вносили более поздние военные писатели.

Таким образом, малая война в этом представлении всегда:

— происходит в обстановке *юридической и фактической войны* между двумя или больше государствами или народностями;

— ведется *силами организованной армии*, выделяющей малые отряды или отдельные части на основах организации регулярных войск;

— оперирует методами борьбы при помощи *только вооруженной силы*; народ, в среде которого действуют отряды, может и не оказывать им активной поддержки, но не должно быть с его стороны и враждебных действий; конечно, сильная народная поддержка чрезвычайно облегчает ведение малой войны, но эта поддержка мыслится, как оказание отрядам со стороны населения частичной помощи более или менее пассивного порядка; «при ведении малой войны войска должны заменять (свой) недостаток в численности и боевой подготовке знакомством с местностью, внезапностью нападения, хитростью и уловкой; связь с другими отрядами, потайные убежища и надежные начальники обеспечат дальнейшие успехи» — вот рецепты ведения «малой войны»;

— осуществляет свое руководство только *военной инстанцией*, штабом, войсковым начальником или уполномоченным на это от правительства лицом, как указывает Балк;

— является *подчиненной большим операциям*, решающим в конечном результате исход войны, или — для слабых государств на мало культурных театрах — единственно возможной формой для временной защиты своей родины, чтобы не быть сразу же проглоченным сильным интервентом; в последнем случае малая война хотя и самостоятельна, но безуспешна, как это было с бурами и др.; наконец,

— состоит из *партизанских действий* — рейдов, набегов, засад и разрушений, проводящихся солдатами, «вольными стрелками» и другими гражданами, но действующими «по военным обычаям» или, как говорил Бисмарк, «считающими за честь походить и наружным видом на солдат».

Таковы были задачи, формы и методы «малой войны» в понимании военных деятелей недалекого прошлого.

Вообще нужно отметить, что понятия «малой» и «большой» войны с точки зрения характера боевых действий, количества комбатантов и др. — чрезвычайно условны и искусственны. В «большой войне» есть целый ряд операций, требующих для своего выполнения небольших войсковых единиц, как напр. все виды боевого охранения (на походе, при расположении на месте и в бою) в мас-

штабе дивизии или корпуса, входящих в армию, операции войсковой разведки перед фронтом и на флангах, различные демонстрации и т. п. В то же время партизанские действия иногда охватывают десятки тысяч сражающихся, применяющих всю доступную им армейскую технику и тактику, устанавливающих фронты на сотни верст и опустошающих страну или район не хуже большой войны.

Между малой и партизанской войнами существенную разницу видели в том, что войска, назначенные для малой войны, всегда сохраняют связь со своей армией и действуют по правилам регулярных войск, партизаны же прерывают временно эту связь и действуют самостоятельно, иногда даже вопреки уставным требованиям. Значит, разведывательная партия, эскадрон, выделенные на походе или в бою дивизией или полком, должны считаться войсками, предназначенными для малой войны, так как они не прерывают связи с главными силами, а сама дивизия или полк явятся войсками большой войны, т. е. происходят две войны на 10-*км* пространстве, что является конечно абсурдом.

Такого рода путаницей особенно страдает известный труд Клембовского «Партизанские действия». Эскадрон, забравшийся в тыл противника с разведывательной целью, будет, как говорит Клембовский, — летучим разъездом (малой или большой войны?), но этот же эскадрон, «попутно с разведкой уничтожающий железную дорогу, телеграф, — будет партизанским отрядом», как-будто все дело в уничтожении чего-либо и как-будто разведка не требует боевых действий — безразлично, партизаны ли это делают или регулярные части. А если вооруженный отряд, созданный самим населением того или иного района, выступает в тылу противника — будет ли он партизанским? Клембовский вообще ничего не говорит о таких отрядах. Он разумеет только части, выделенные армией.

Клембовский дальше писал: «Самостоятельность и *отсутствие определенных правил* для действия составляют одно из важнейших отличий партизанской войны от малой и народной, с которыми ее часто смешивают по сходству в подробностях исполнения. Каждое *отдельно взятое нападение партизан* на неприятеля *принадлежит к области малой войны*, но совокупность действий партизанов составляет в руках главнокомандующего, хотя и второстепенное, однако не маловажное средство для достижения конечной цели операции и *не может быть причислена к малой войне*; последняя относится к первой, как часть к целому».[1] Путаница изумительная! Если партизанские действия отличны от действий малой войны, очевидно, и каждое отдельно взятое нападение партизан будет отлично от действий малой войны, а значит не может принадлежать к области малой войны. Ведь если одно дерево по своим признакам принадлежит к сосновым породам, то и все подобные ему будут соснами, но ни в коем случае не превратятся в дубы. По Клембовскому же дубы появляются именно из сосен, так как он одно дей-

[1] *Клембовский*, Партизанские действия, изд. 2-е, П., 1919, стр. 3 — 4.

ствие относит к малой войне, а совокупность этих действий никак не хочет причислить к ней. Конечно «антонов есть огонь, но нет того закона, чтобы огонь всегда принадлежал Антону».

Безусловно неверно замечание об отсутствии определенных правил у партизан. Правила у них имеются и должны быть, другое дело — какие? Ведь тот эскадрон, который Клембовский зачисляет в партизанский отряд только потому, что он во время разведки разрушит железную дорогу, — будет действовать по тем правилам, которым его обучили в мирное время в казармах, он использует те навыки, которые он приобрел до войны или во время войны, действуя по регулярным регламентам, — не иначе. А разве партизанские отряды в североамериканской войне 1861 — 1864 гг., численность которых доходила до 10 000 коней, действовали без правил? Разве Денис Давыдов тоже не имел правил тактических, организационных и др., когда он первый в России попытался дать «Опыт теории партизанских действий»?! Правда, сам автор на следующей же странице разъясняет, что народная война, в противоположность партизанской, не подчиняется никаким правилам и ведется населением на свой риск и страх без всякой связи с действиями армии. Значит, партизанская война имеет правила, если в противоположность ей народная война не подчиняется *никаким* правилам. Наконец, вся работа Клембовского не есть ли суммирование некоторых правил по партизанству, осуществление которых он считает необходимым на практике?! Противоречие странное для исследователя, к каким видимо причисляет себя автор, судя по названию работы, отдельные положения которой к тому же совершенно бездоказательны.

Тов. Каратыгин в своей книжке о партизанстве дает иную установку в вопросе о малой войне и партизанстве, под которым он понимает действия «вооруженных групп местного населения или выделенных из состава армии соответствующих войсковых частей, поставивших себе целью (или получивших задачу) — истребление противника путем нападения в моменты наименьшей способности его к сопротивлению, не связывая себя в остальных случаях постоянным вооруженным соприкосновением с врагом».[1]

Дальше он поясняет, что «партизанство есть первая возможность и первое средство слабейшей стороны вести самостоятельную борьбу, что партизанство самобытно и не обусловливается наличием своей армии, что партизанские отряды из армии не больше, как частностный тип. Главная масса партизан всегда выходит из среды народа в моменты наибольшей опасности стране от тех или иных враждебных посягательств, и, в большей степени, *партизанство обусловлено именно отсутствием армии*, способной отстоять интересы страны».

В этом определении нет путаницы Клембовского, но оно страдает неполнотой, так как партизанство не только истребляет неприятеля, но захватывает, портит или уничтожает целый ряд объектов материального порядка для ослабления и истощения мощи

---

[1] *Каратыгин, П.*, Партизанство, изд. УВО. Харьков. 1924 г., стр. 16.

противника, — это во-первых; партизаны могут нападать на противника и в моменты его высшей способности к сопротивлению при условии своего превосходства или же когда они попадают в мешок, из которого выбраться необходимо во что бы то ни стало, — это во-вторых; постоянная связь через вооруженное соприкосновение не обязательна и для регулярной армии за все периоды войны, значит это не характерно и для партизанства, — это в-третьих; и наконец в определении не дано характеристики партизанства по существу его действий в отличие от большой войны или практики малой войны.[1] Однако важно отметить, что этим определением партизанство не противоставляется регулярной армии, не рассматривается как ее антитеза и не связывается только с армией как источником его организации, питания и боевых действий, что наблюдается у Клембовского и др. и что не может служить аргументом в пользу разграничения малой партизанской и большой войн.

Тов. Свечин, зачисляя партизан в вооруженные силы государства, резко отграничивает их от регулярной армии, ставя во главу угла отношение вооруженных сил к исполнительной власти государства. «Регулярные войска являются беспрекословными исполнителями приказов исполнительной власти. Положение партизан можно охарактеризовать понятием попутчика».[2] Если партизаны выделяются из армии, — они также беспрекословно выполняют приказы своего начальства, следовательно, они не только попутчики. Если они создаются самим населением в противовес власти государства, — они естественно и не могут быть заодно с армией этого государства, с которой они должны бороться, следовательно, они никак не могут быть попутчиками. Тов. Свечин далее говорит: «Французская революция, выдвинувшая массы на первый план исторической арены, открыла значительный простор для участия в войне партизан. Наполеон одним росчерком пера устранил испанскую регулярную армию, но не успел справиться с народным движением, с крайним обострением партизанства в форме гверильи. В Тироле народное восстание доставило ему много хлопот. Русские партизаны в 1812 г. обратили неудачу наполеоновского похода в катастрофу. В 1813 г. в Германии также развивалась значительная деятельность партизан». Совершенно верно, что массы открыли значительный простор партизанскому движению, но автор нисколько не обосновал и не может обосновать того положения, что партизаны этих масс не являлись исполнителями приказов своих исполнительных властей. Разве испанские гверильясы своей практикой доказали положение автора? Они точно исполняли приказы своей исполнительной власти, но так как эта власть организовывалась в про-

[1] Кстати, т. Гусев о партизанстве дает такое указание: «партизанство может быть допускаемо (?) лишь при условии строгого подчинения и теснейшей связи его с регулярной армией». (Уроки гражданской войны, изд. Редизд. Укрпура 1921 г., стр. 19). Взгляд, как мы видим, недалеко ушедший от «теории» Клембовского...

[2] *Свечин, А.*, Стратегия, 2-е изд., «Военный вестник» 1927, стр. 117.

цессе самой борьбы и не могла работать в таких же условиях, как и наполеоновская власть, естественно, что ее приказы не всегда предупреждали действия партизан, которые проявляли иногда свою инициативу, становясь в одно и то же время исполнительной властью и вооруженной силой. Чем тверже и устойчивее была власть, тем тверже было и руководство партизанством, беспрекословно повинующимся своему начальству. Дело не в росчерке пера Наполеона, который, конечно, не «устранил испанской регулярной армии». Именно эта «устраненная» армия, но в иных тактических единицах, с иными средствами и организационными «штатами» боролась вместе с гверильясами в полном согласии с задачами своих властей. То же было и в Германии, о чем будет сказано ниже.

Денисов, Фигнер, Сеславин, Платов, Дорохов и другие — разве они, как попутчики, не исполняли приказов свыше? Они со своими отрядами входили органической частью в армию Кутузова и беспрекословно выполняли те задания, которые им поручало командование и, следовательно, исполнительная власть государства, в том же размере, как и вся армия. Конечно, не потому они партизаны, что беспрекословно или с некоторым замедлением выполняли приказы власти, и не потому они попутчики, что «обратили неудачу наполеоновского похода в катастрофу». Все это лишь формальные признаки, не объясняющие сути партизанства вообще и отнюдь не раскрывающие взаимоотношений партизан и регулярной армии в частности.

Тов. Свечин констатирует, что «за последнее столетие роль партизан уменьшилась до самых скромных размеров», якобы потому, что всеобщая воинская повинность оставляла ничтожный материал для вербовки партизанских отрядов (большой процент молодых мужчин втягивался в ряды регулярной армии) и что у воюющих сторон появилось опасение насчет «классовости» партизан, могущих повернуть свое оружие против властей. В качестве иллюстрации он приводит указания только на отряды франктиреров 1870 г. Объяснение не верное по существу и не соответствующее историческим фактам.

Во-первых — за последнее столетие партизанство не уменьшилось до самых скромных размеров, доказательством чему служат: польские партизаны 1830 — 1831 гг., затем 1863 г., партизанство на Кавказе в течение нескольких десятилетий, в среднеазиатских районах, в целом ряде колоний «великих держав», партизанство наших крестьян в 1905 — 1907 гг. и др. Все это говорит не за уменьшение партизанства, а наоборот, за его возрастающую роль, но с изменением характера и форм. [1]

Во-вторых — всеобщая повинность не могла оказать такого влияния на партизанство уже потому, что партизаны выделялись и из армии, как это было в России в 1812 г. и др. При восстаниях же партизаны комплектовались из армии и из населения, как это было в Польше в 1863 г., тем более что всеобщая повинность никогда

[1] Подробно см. в следующей главе.

не охватывала всех возрастов полностью для укомплектования регулярной армии, в колониях же и «малокультурных» районах она и вовсе не применялась (или ограниченно) ни царским правительством, ни другими государствами, тогда как эти именно районы являлись за последнее столетие ареной действий партизанства.

В третьих — организация партизанства не всегда во власти командующих классов, по своему желанию могущих создать партизанские отряды, а равно и армии. Именно «в условиях современного экономического развития» партизанские действия, приобретая классовый характер, имеют тенденцию к усиленному росту, на зло и вопреки желаниям буржуазии. Современное партизанство связывается своим существом по всем линиям с революционными движениями; оно вырастает из социальной борьбы рабочих и крестьян или из национально-освободительного движения в угнетенных странах — колониях и полуколониях, что подтверждается и нашими революциями и целым рядом восстаний и «бунтов» в «малокультурных» странах Азии и Африки. Следовательно классовость партизанства ни в коей мере не может служить доказательством уменьшения партизанства до самых скромных размеров.

Отсюда неправилен с нашей точки зрения и общий вывод т. Свечина о партизанстве: «XX в. открывает успех для организации, для дисциплины, для сплоченности, для борцов, поставленных в твердые рамки и послушно устремляющих к цели свои усилия, а не для попутчиков или капризных и впечатлительных или случайных, всегда не подготовленных, не снабженных и разно понимающих свои задачи». И организация, и дисциплина, и сплоченность, и послушание с полным сознанием ответственности за свое дело — вовсе не чужды партизанству, в особенности классовому, как это видно из практики красных партизан, из практики марокканских, сирийских, китайских и других партизанских отрядов.

Именно поэтому наши партизаны и смогли ускорить катастрофу колчаковцев и выдержать натиск интервентов в Приморье, на Украине, Волге, Урале и в Белоруссии. Такие же партизаны борются сейчас в Китае, Индии, Индонезии и других местах. Именно XX век заставил Швейцарию и Германию говорить об организации партизанства на новых началах и с новыми задачами, ничуть не противопоставляя его «борцам, поставленным в твердые рамки и послушно устремляющим к цели свои усилия». Очевидно партизанство т. Свечина есть партизанство уже изжившее себя или же выдуманное, не существующее в действительности и во всяком случае не партизанство настоящего времени, имеющее даже по аргументам самого автора — безусловно широкую перспективу и могущее оказать немалое влияние на чашах весов будущей войны.

Иные теоретики применяли «юридические» критерии при установлении понятия малой войны. Для них были важны вопросы, *кем* и *как* объявлялась война, *кем* и *как* отправлялись войска в бой. Большая война всегда объявлялась главой государства — особым правительственным актом (манифестом). Это был царь, король или парламент. По этому акту производилась мобилизация армии; орга-

низация частей и учреждений по обслуживанию вооруженной силы; вводился особый военный режим на железных дорогах; в крупных центрах, где скоплялась людская масса, начинал действовать упрощенный суд; расширялись права административных органов и т. п. Малая война ничего подобного не требовала. Главе правительства докладывалось о ней, а иногда сообщалось пост фактум, и само военное ведомство без всякой мобилизации отправляло вооруженные силы куда было нужно, не прибегая к широковещательным манифестам. Так было в целом ряде государств во время так называемого «Боксерского восстания», завоевания царским правительством «Средне-азиатских владений», высылки войск США в Никарагуа, англичан в Китай, французов в Африку и др. Но юридическое оформление войны — по международному или общегосударственному праву — ничего не говорило о содержании войны, нисколько не характеризуя отличительных черт ее; к тому же указанные операции назывались *экспедициями*, а войска, предназначенные для действий, *экспедиционными корпусами*, сохранявшими свою штатную организацию регулярной армии, а не партизанами.

К этой же категории относились и все операции по борьбе с восстаниями, различные карательные и усмирительные экспедиции не только на некультурных театрах против «непокорных туземных племен», но и внутри культурнейших центров государства. В зависимости от обстановки, действия экспедиционных отрядов были конечно различны — от обыкновенного расстрела безоружной толпы (или одиночек) до больших сражений по всем правилам тактики и фортификации, т. е. характер действий по существу не отличался от характера тех или иных операций большой войны, объявленной манифестом и ведущейся мобилизованной армией. Таким образом юридическое оформление, превратившись в известный документ, не оказывало никакого влияния на самую войну, и, во всяком случае, не из юридических норм вырастала форма войны и не ими она определялась, а значит юридическая точка зрения должна быть признана несостоятельной.

Установлению правильного понимания сущности малой войны может помочь краткий обзор эволюции этой формы вооруженной борьбы.

В эпоху пятипереходной магазинной системы (первая половина XVIII в.), когда война велась сравнительно небольшими профессиональными армиями, прикованными к своим складам, при ограниченности производственных центров страны, разобщенных между собой, при отсутствии дорог и средств связи, при общей раздробленности полунатуральных и мелкотоварных хозяйств — пути сообщения были ахиллесовой пятой армии; нанесение удара по ним влекло за собой или развал армии, или ее сдачу, так как она обрекалась на полную изоляцию от своих баз (продовольственных и боевых). Поэтому нападения на сообщения противника, уничтожение его баз и складов, захват обозов и транспортов — диктовались социально-экономическими условиями того времени, определившими производственно-заготовительную структуру войны и ее боевую форму.

Сообщения являлись уязвимым местом и с тактической точки зрения, так как добраться до них борющейся стороне было сравнительно легко при «пассивности населения», небольших пространствах, занимаемых армиями (следовательно рвать фронт не было нужды, обход был всегда возможен), и слабости вооруженной охраны общегосударственного аппарата, находящегося в руках феодалов, игравших тогда еще прогрессивную роль «собирателей земли». Поэтому, напр. во время силезских войн, мы встречаем чрезвычайное развитие партизанских действий, в особенности выделяются партизаны—Менцель, Тренк, Надости и др. представители правящего класса, полного силы и веры в свое могущество. Они с отрядами из венгров и хорват, прирожденных конников, свободно проходили через всю Германию, перебрасывались даже за Рейн, все время занимаясь порчей путей сообщений, уничтожением транспорта, нападением на склады и их охрану, захватывая обозы, разрушая лагери и т. п. Такая форма войны была естественна в тех условиях: она не требовала больших сил, но малые летучие и смелые отряды помогали главным силам выдерживать натиск врага и вести большие операции. Это была малая война—партизанство на сообщениях противника, организуемое армией по типу регулярной армии, но состоявшее из внезапных нападений и засад.

В первой четверти XIX столетия, когда силы и средства армии увеличились, состав ее, благодаря изменениям социальной структуры общества (после французской революции), стал более доброкачественным, участие населения в войне стало правилом, оформилась национальная сопротивляемость, пути сообщения и связь улучшились, производственные центры сблизились, административно-снабженческий аппарат стал более гибок и менее зависим от пятипереходной системы и баз, — малая война и партизанство также претерпели изменения.

Буржуазия, пришедшая на смену феодалам, начала эпоху завоеваний торговых путей и рынков, колоний и стран. Нации должны были «самоопределяться» с оружием в руках, чтобы не превратиться в рабов более сильного соседа. Наполеоновские войны усилили этот процесс самоопределения. Испания и Германия первыми выявили свое национальное сопротивление и связали малую войну (партизанство) с массовым движением в противовес прежним войнам только армий и правительств. Сфера малой войны расширилась, значение ее возросло, формы и пути стали разнообразнее. Малая война начинает использовывать путь организации народных восстаний.

После поражения немцев у Иены, при виде героической борьбы Испании пруссаки приступили к организации народного сопротивления войскам Наполеона и его власти.

«Не только каждый физически здоровый мужчина должен был пройти военное обучение и служить в ландвере до 40-летнего возраста, но и юноши между 17 и 20 годами должны были составлять часть ландштурма или осуществлять партизанское движение. Они должны были образовать отряды в тылу и на флангах противника, препятствовать его движению, перехватывать его снабжение и его

курьеров, пользоваться всяким годным оружием, *употреблять без разбора всякие средства для нанесения ущерба врагу*: чем действительнее эти средства, тем лучше, и, — самое главное, — это не носить никакой формы, так чтобы ландштурмисты могли в каждый момент вновь превратиться в мирных граждан и остаться неизвестными врагу».[1] Появились «вольные стрелки». Первый отряд был сформирован драгунским корнетом Шиллем, который захватывал врасплох патрули, отряды, подготавливая всеобщее восстание в тылу французских войск и на их коммуникациях.

Теоретиком этого движения был А. фон-Гнейзенау. В августе 1811 г. он составил план народного восстания. Для этого должна была быть организована милиция, которая не имела бы военной формы, за исключением кепи и белого с черным пояса. «Если неприятель появится в превосходных силах, оружие, кепи и пояс прячутся, и милиционеры приобретают вид простых деревенских жителей... На долю этих милиционных войск выпадали следующие обязанности: беспокоить неприятеля, прорывать его коммуникационные линии, захватывать или уничтожать его обозы или снабжение, избегать правильных атак и удаляться в леса и болота при приближении регулярных войск... До 1813 года Гнейзенау не знал отдыха, подготовлял не только регулярную армию, но также и народное восстание как способ сбросить французское иго. Когда наконец, война наступила, то сейчас же начались восстания, сопротивление крестьян и вольных стрелков. Местность между Везером и Эльбой взялась за оружие в апреле, несколько времени спустя было народное восстание в Мекленбурге»[2]...

К этому же времени подоспели и русские партизаны. В феврале 1813 г. они захватили в тылу у французов Берлин, в марте — Гамбург. В мае Чернышев сделал налет у Гальберштадта, а затем у Лейпцига. В сентябре он же произвел набег на Кассель, объединился с пруссаками, и в результате началось восстание, уже подготовленное — Вестфальское королевство рушилось, государства Рейнского союза распались...[3]

Это была малая война на расширенной базе; она проводилась не главными силами армии, а *населением* при помощи особых отрядов, незначительных по числу и без тяжелого вооружения, но при содействии регулярной армии, ее руководства и инструктажа. В такой войне было занято больше лиц, чем в операциях регулярной армии, но эти лица выполняли боевые обязанности сплошь да рядом без оружия, если не считать оружием топоры, ножи, вилы, спички, керосин и т. п. Разведка, связь, охранение (в смысле предупреждения об опасности) неслись также населением, равно как и служба снабжения и прочие обслуживания отрядов.

---

[1] *Энгельс Фр.*, Статьи о войне 1870 — 1871 г., изд. ВВРС. 1924 г., стр. 154. Королевский указ от 21 апреля 1813 г. ввел эти положения (§§ 7 — 9 и др.). официально в организацию народного ополчения. Ср. *Мох.* — Постоянная армия и милиция, биб-ка «Просвещение», СПБ, стр. 102 — 103.

[2] *Энгельс*, цит. соч., стр. 184 — 185.

[3] Ср. *Шпехд*, Разрушение Вестфальского королевства в 1813 году.

Такая война раньше называлась «народной войной», так как отряды восставшего населения вели войну якобы «на свой риск и страх и были привязаны к родным местам», что конечно неправильно. Отряды были организованы армейским командованием и правительственными агентами, то-есть господствующим классом крепнущей буржуазии (феодально-торговой); были, правда, отряды, вышедшие из самых недр народа, созданные силами и уменьем самого крестьянства, но и они потом сравнительно быстро подпадали под влияние армии. Отряды не привязывались к своим местам, а передвигались и даже перебрасывались на далекие расстояния, смотря по боевой обстановке. Напр. указанный выше драгун Шилль в 1809 г., когда Пруссия не вела официально войны с Францией (ее вела Австрия), перебросил свой полк партизан, сформированный в Кольберге, против наполеоновских армий и был разгромлен у Штральзунда.

Эта партизанская, как ее расценивал Энгельс, война была малой войной, возникшей в тылу противника, на его флангах и даже на фронте. В ней — с точки зрения числа организационных оформлений частей и правил тактики — грани между большой и малой войнами стерлись, но содержание этой формы было отличным от содержания прежних войн, в том числе и наполеоновских сражений с крупными войсковыми единицами и мощной по тому времени артиллерией.

Первая четверть XX века, при вполне развившемся империализме и обострившихся классовых противоречиях, дала массовые войны, вовлекая в них миллионы людей, целые хозяйственные организмы стран с огромными ресурсами материальными и техническими, при уничтожении делений фронта и тыла. По своему численному составу, протяжению фронтов, богатству техники и чрезмерному напряжению хозяйств стран — это были войны, невиданные до сего времени в мире. Учитывая опыт мировой войны, американцы напр. отказываются теперь от термина «большая война». Они стали употреблять для характеристики форм войны понятия: *полная война* [1] (for major effort—то, что раньше называлось большой войной), то-есть война, требующая полного напряжения всей страны, мобилизации всех людских и материальных сил и средств, и *война особых обстоятельств* (Specific emergencies — for minor effort), когда требуется частичное отмобилизование сил и средств, когда мирное развитие страны не прекращается и боевые операции ведутся малыми силами, выделенными на это из армии. Такое деление более целесообразно, но оно не охватывает все-таки полностью содержания так называемой малой войны.

Немцы подошли иначе к вопросу, называя операции малой войны *импровизацией*, в противовес заблаговременной более или менее

[1] Термин не новый. Насколько нам известно, он употреблялся *В. Блуме* («Стратегия» 1912 г.), который делил войны по напряжению на войны до последней крайности — Vollkrieg, как, напр., война Пруссии против Наполеона в 1806—1807 гг., на укороченные войны — abgekürzter Vollkrieg — законченные до полного использования своих средств, и на войны с ограниченной целью; как видим термин употребляется не в том смысле, как это делают сейчас американцы.

длительной подготовке к действию организованной регулярной армии, снабженной в мирное время всей доступной стране боевой техникой, средствами связи и т. п. Импровизация будет касаться не только вопросов мобилизации, организации, тактики, боевой подготовки, вооружения, но, и прежде всего, снабжения и питания, вопросов транспорта и связи, разного рода экономических баз, без которых немыслимо вести какие бы то ни было операции и которые обусловливают величину отрядов, размах и характер их действий.

Естественно, что такие же действия могут быть и на культурных театрах, и в районах пустынь, степей, гор и лесов (с малокультурным противником); на флангах и в тылу, а равно составлять и самый фронт; могут быть наступательными и оборонительными, похожими на действия регулярных армий, а иногда быть их полной противоположностью и т. д.

Польский устав полевой службы определяет партизанскую (малую) войну как совокупность действий партизанских отрядов, то-есть — а) организованной «части, выделенной для исполнения особой задачи и действующей *вне* района действий главных сил, которые ее выделили, б) части, *быстро сформированной* вне района действий собственной армии и действующей до момента установления связи с главными силами самостоятельно, по собственному решению». [1] При этом партизаны из добровольцев должны иметь командиров, назначенных военной властью, носить отчетливые военные знаки, открыто носить оружие и считаться «с правами и обычаями войны»... «Однакоже партизанская война сама по себе не может привести к уничтожению противника и может быть только вспомогательным средством большой войны, ищущей победы при помощи сражения и единственно могущей обеспечить победу». [2]

Такое определение неполно уже по одному тому, что оно не охватывает партизанских действий повстанцев, организовавшихся самостоятельно без всякой армии и правительства. Однако в нем характерно признание элемента импровизации («быстрое формирование») в малой войне. Как видим, все определения отличаются формальными признаками более или менее полно схваченными, но не покрывающими всю объективную совокупность отношений, противоречий и тенденций интересующего нас явления, не дающими ответа на основной вопрос—в чем же главная пружина действия малой войны.

С нашей точки зрения малую войну можно будет пока определить как *импровизированные активные действия небольших (сравнительно с регулярной армией) отрядов, организованных населением, армией, правительством или партией по особому для каждого случая (района) типу для нанесения своему противнику непосредственного материального или иного ущерба всюду, где это возможно, и всеми доступными им средствами.*

---

[1] Польский устав полевой службы 1921 г., изд. РУ Шт. РККА. 1923 г., стр. 389 и др.
[2] То же, стр. 402.

Такое определение шире определения Балка и др. Оно дает понятие о содержании как самих операций, так и организации их во всех отношениях. Поэтому в *малую войну войдут операции и партизанского порядка, организуемые армией во время войны, и повстанческие действия, не связанные с войной, и разного рода активные действия индивидуального или группового порядка, как напр. порча, поджоги, взрывы и т. п., практикуемые во время войны — в тылу или на флангах противника, а также и в период мирного времени для ослабления мощи врага.* Последние носят иногда название «активки» или «активного саботажа», чаще же всего диверсий.

В таком понимании мы оставляем (повторяем — *пока*) термин «малой войны», несмотря на его условность, в качестве служебного термина. Конечно конкретное содержание малой войны видоизменяется в соответствии с обстановкой. Задачи, формы и методы ее будут обусловливаться социально-экономическим развитием страны, будут вытекать из характера борьбы, классовой природы руководителей и организаторов этих операций, материальных достижений, имеющихся в их распоряжении, структуры общества, выделяющего активистов малой войны, словом — всей конкретности общественной обстановки, в которой осуществляется малая война. Очевидно в эпоху Фридриха Великого она была иной, чем в эпоху Наполеона, как это мы вкратце и указывали. Теперь задачи, формы и методы также изменились по сравнению с тем периодом, когда Балк писал свою тактику.

Чтобы выяснить современное содержание малой войны и окончательно установить ее понятие, обратимся к рассмотрению конкретной борьбы последнего времени. Это, с одной стороны, послужит лучшим подтверждением правильности наших суждений, и с другой — более точному определению характера этих операций и основного их содержания, что в свою очередь до некоторой степени уяснит и характер будущей малой войны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

БУРЖУАЗНЫЕ АПОЛОГЕТЫ МАЛОЙ ВОЙНЫ.

Мнения английского генерала Айронсайда, французского майора Грассэ, швейцарцев Дисбаха и Бореля и др. Опыт испанской гверильи наполеоновских времен в освещении буржуазных военных авторов. Их оценка позднейших продолжателей гверильи. Идеи малой войны в послевоенной Германии. Наше отношение к факту заинтересованности буржуазии в применении малой войны.

Анализируя современные организации вооруженных сил, стабилизированную численность их штатных кадров, образцы вооружения и снаряжения, уставы, насыщенность техникой, подвижность тыла и упругость всей материальной базы, соотношение моральных и материальных величин во всем процессе развития военного дела после мировой войны и т. д., — военные деятели приходят к выводам о характере и размере отдельных операций и характере будущей войны в целом, причем, стремясь определить — куда растут военные силы и средства, какая форма борьбы обусловливается этим ростом,— многие авторы подчеркивают и возросшую роль малой войны. Некоторые же прямо выступают апологетами малой войны. Среди них на первом месте стоят английские авторы.

Английский генерал Айронсайд [1] — бывший главнокомандующий английскими интервенционными войсками в Архангельске в 1919 г. — в «Artillery journal», говоря о развитии будущей войны между государствами, разделенными сухопутными границами, приходит к выводу, что решительные удары, имеющие целью сломить врага, не могут привести к концу военные действия, что война на уничтожение материальных ресурсов и истребление вооруженных сил противника при помощи авиации, газов, артиллерии и других машин не сможет привести страну к разгрому, что наступательные маневренные операции и позиционность не охватывают собой всех видов войны. Может случиться, что страна даже после поражения большей части своей армии (а иногда и до поражения) «перейдет к партизанской войне». «Правда,—добавляет он,—партизанская война в таких странах, как Германия или Франция, мало вероятна (но не исключена), но в России она вполне возможна и примет затяжную форму».

Сам Айронсайд не хочет партизанской войны, он считает ее

[1] О «операциях» Айронсайда на нашем севере см. любопытные воспоминания ген. *Марушевского* (командующего белой армией Северной области). Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.), «Белое дело. Летопись белой борьбы», кн. II и III. Изд. «Медный всадник» Берлин. 1927 г.

следствием слабого развития экономики страны и прежде всего соответствующих путей сообщения — железнодорожных и шоссейных, но избежать такой войны в данное время, по его мнению, пока невозможно. «Лишь появление механического транспорта, бронированного и не бронированного, и крупных воздушных сил облегчит заселение пустынных стран и прекратит возможность партизанских войн». А пока... пока будущая война мыслится и как война партизанская, малая война на ряду с маневренными формами большой войны, ведущейся «подвижными войсками» (The mobille forces).

До мировой войны в Англии господствовали взгляды на партизанство и вообще на малую войну, изложенные в книге полковника Колуэл. Малые войны,[1] а именно: малая война и партизанство мыслились только как операции, проводимые с одной стороны иррегулярными войсками или восставшими племенами в колониях, или «бунтовщиками» и в цивилизованных странах. Колуэл классифицировал операции малой войны следующим образом: 1) экспедиции для завоевания или аннексии великой державой «иностранных земель» в целях увеличения своих колониальных владений; 2) подавление восстаний и бунтов; 3) «операции наказания» за «оскорбление чести» великой державы каким-либо полуцивилизованным племенем или неповинующимся правительством в колонии.

Айронсайд принужден таким образом ревизовать эти взгляды на основании опыта последних лет, признав партизанскую войну как равноправную большой войне и как войну, ведущуюся не только дикарями и малокультурными племенами. Однако английский устав полевой службы предусматривает малую войну как особую войну только с малокультурным противником и ничего не говорит о партизанстве и малой войне-повстанчестве на культурных театрах войны.[2]

Адепты малой войны имеются и во Франции.

В «Revue militaire générale», почти одновременно со статьями англичан, печатается ряд статей майора Грассэ о «войне в Испании» — войне Наполеона в 1808 г. Редакция журнала первую статью сопровождает следующим предисловием: «Сколь ни парадоксально подобное утверждение, статья эта имеет злободневный интерес. Испанская милиционная система, существовавшая на ряду с постоянной армией, была во многом аналогична современной всеобщей воинской повинности. Армия Наполеона, считавшая себя победительницей, расположившись в разоруженной по ее мнению стране, столкнулась вдруг с могучим восстанием широких масс, и в борьбе с последними императорская стратегия оказалась побежденной. Обстановка эта весьма аналогична той, которая может сложиться в будущей войне для какой-либо современной европейской армии, оккупировавшей страну, население которой, не имея

[1] Smale wars. Their principles and practice, by colonel C. E. Callwell, General statt-war office, 1906, London, pp. 21 — 22, 25 et ss.

[2] Вр. английский устав полевой службы, т. II, «Ведение операций», изд. Шт. РККА, 1923, М., гл. XIV, стр. 303 — 338.

армии, воодушевлено тем не менее национальным стремлением и ненавистью против иностранцев, обладает запасами вооружения, многочисленными кадрами обученных резервистов и всевозможными обществами, преследующими цель военной подготовки всей нации». Очевидно речь идет о Германии, но это применимо и к СССР, против которого точат зубы империалисты всех мастей.

Разбирая подробно схему восстания испанцев и действия французского командования по подавлению его, Грассэ приходит к ряду практических выводов для своей армии и ее настоящей подготовки к будущей войне на европейском и внеевропейском театрах военных действий. Правда, у автора уклон больше в сторону борьбы с повстанцами, войны с партизанами, но сама постановка вопроса о будущей малой войне как вполне закономерной форме борьбы любопытна и симптоматична.

Помимо указанных работ имеется целый ряд статей — во французской, немецкой и английской прессе, посвященных повстанчеству, выяснению методов борьбы с ним, организации вопросов, вооруженных сил, нужных для ведения малой войны и т. д. Таковы статьи подп. *Бухзенштутца*, Действия партизан в Марокко, подп. *Люгана*, Исследования боевых действий в Марокко, *анонимного автора*, Кампании в Южном Курдистане в 1919 г., *Грассэ*, Армии против народа—Валенсия и Мурсия в 1808 г., подп. *Ричардсона*, Народная война во Франции в 1870 — 1871 г., *Клем. Гранкур*, *Орр* — О тактике малой войны на востоке и в Африке, кап. *Фуллер*, О филлипинских повстанцах, и др., не считая толстых книг мемуарного порядка, как напр. ген. Денстервилля, — о действиях англичан в Персии и на Кавказе, ген. Aylmer L. Haldane, The insurrection in Mesopotamia, H. de Watterville — Waziristan 1919 — 1920, Annals of an active life, by gen. Sir Nevil Macready и т. п.[1]

Капитан швейцарской службы Дисбах идет дальше Айронсайда и других его соплеменников, выдвигая партизанскую войну и для «цивилизованной» Швейцарии в будущей вероятной борьбе с европейскими державами. Статья Дисбаха в сокращенном виде была помещена в жур. «Война и революция» — 26 г., кн. 9 под заглавием «О методах и организации обороны Швейцарии».

[1] Причем за последнее время английские военные писатели (отчасти и французские) особенно подчеркивают необходимость организации малой войны, имея в виду борьбу в колониях, где усиливается национальное движение, и борьбу против рабочих. Напр. некто, скрывшийся под псевдонимом «Festine lente» в «Армейском трехмесячнике» (Army quarterly, 1929 г., январь), напористо, но бестолково и легковесно доказывает необходимость для «цивилизованных» наций вооружения до зубов, так как-де малокультурные и дикие народы, которых численно на земном шаре больше, могут уничтожить саму цивилизацию и ее носителей. Поэтому мол естественно, что необходимо «цивилизованным» англичанам в первую голову ускорить механизацию армии в Индии и других подобных местах (колониях и полуколониях), усилить насыщенность техникой, авиацией, бронетанками и пр. корпуса и дивизии в Азии и т. д. См. напр. статьи: майора *Франкса*, Об ускорении механизации в Индии, «The journal of the united service institution of India» 1928, октябрь, и *Блекера*, О механизированной войне в Азии, «Journal of the Royal service institution, 1929, февраль и др.

Капитан Дисбах указывает, что горячим сторонником «нового веяния», именно партизанской войны, был полковник Борель, который утвердился в своем мнении еще больше «на основании полученных им заграницей знаний» (он был командирован в Париж в Военную академию для отбытия 2-летнего стажа).

Дисбах и Борель и ряд других военачальников хотят вести будущую войну «путем засад, устраиваемых многочисленными мелкими отрядами на флангах и в тылу противника: огромное количество ружей, пулеметов, скрытно расположенных при прохождении авангардов противника, должно вырастать как бы из-под земли при появлении главных сил, быстро поражая живую силу противника и немедленно скрываясь, чтобы опять появиться немного дальше. Неприятельская разведка может открыть такие пулеметы только в исключительных случаях. Авиация их не найдет, артиллерия не в состоянии с ними бороться, а газы и подавно ничего с ними не сделают».

Для этого предполагается на каждый первоочередной полк пехоты создать роту из 300 отличных стрелков, при 24 ружьях-пулеметах и отборных офицерах. Каждой такой роте должна соответствовать территориальная рота такого же состава и того же призываемого участка, но организованная из добровольцев, давших клятву «атаковать противника, без промедления и отдыха, если он только появится во время войны в их секторе, и никогда не сдаваться в плен».

Эти отряды автор называет «карабинерами» и предлагает не смешивать их с вольными стрелками (Francs-tireurs) и обыкновенными партизанами. «Активность вольных стрелков обыкновенно бывает разрозненна и без определенной цели и плана. Они являются продуктом несвязности, диллетантизма и фантазии. Существенная разница между карабинерами и партизанами, предусматриваемая нами, заключается в том, что первые являются солдатами, а вторые нет. Карабинеры — это отборная часть регулярной армии, ведущая борьбу, не выходя из рамок международного права».

В другом месте характеризуя современных партизан-карабинеров по сравнению с «авантюристами», «свободными ребятами» или «потерянными детьми» героических времен Швейцарии, он пишет: «Вся деятельность современных партизанских отрядов должна быть сосредоточена на ведение войны путем засад, и существенная разница будет скорее порядка *морального*, чем технического».

Отряды карабинеров должны действовать по своим секторам, «во взаимной связи, но без общего командования и не подчиняясь друг другу», чтобы, измотав противника, подвести его под главные силы (регулярную армию) потерявшим «свою первоначальную уверенность в себе, много людей и немало времени»...

Английский майор Денинг на страницах «The army quarterly» ставит новую проблему о будущей войне отчетливо и с бо́льшим обоснованием, чем это делает Айронсайд и Дисбах. [1] «В настоящее

[1] «The army quarterly», 1927, vol. XIII, январь, Modern problems of guerilla warfare, by major B. C. Dening.

время, — говорит он, — перспективы больших войн отдалены и мало вероятны. Британская империя, призванная контролировать политическое бытие многих национальностей, должна быть во всякое время готова к борьбе с особым взрывом насилия, а именно к войне-гверилье (guerilla warfare). Изучение этой формы войны становится с каждым днем все более интересным и необходимым... Под этим термином одни понимают «партизанскую войну», другие «повстанчество» (rebellion) и третьи «малую войну». Но эти термины ничего не определяют. Истинная война-гверилья бывает тогда, когда гверильясы или бойцы слабой стороны не образуют постоянных организованных войсковых единиц (bodies), но соединяются всякий раз для каждой операции и быстро рассеиваются по ее окончании. В этом главная характерная черта гверильи... Теперь стало аксиомой, что как только гверилья переходит к организации постоянных войск, так тотчас теряет свою специфичность». Гверилья переходит в малую войну и терпит поражение. Бурская война началась малой войной, а окончилась гверильей. Французская война в Марокко и Сирии по природе была малой войной, зато Ирландская война — 1919 — 1921 гг. была типичной войной гверильей.

Гверилья сурова и жестока. Гверильясы всегда действуют разрозненно — в этом их тактика. Подвижность, отличная разведка, внезапность, хитрость и уловка — в природе гверильясов, изменяющейся лишь в деталях от столетия к столетию. Сильная держава (сторона) не всегда справляется с гверильей, в доказательство чего автор приводит таблицу о гверильясах (см. стр. 25).

Рассматривая эти войны, автор приходит к выводу, что, пока гверильясы действуют в соответствии со своей природой, — они побеждают, но, как только они переходят к организации постоянных частей, к изменению методов своей борьбы — сильная сторона всегда одерживает верх. Так было в Алжире, на Кавказе и др. местах. Однако теперь методы борьбы меняются. Суровость и жестокость гверильи остаются, но сильная сторона не сможет проявить такую же жестокость по отношению к гверильясам благодаря общественному мнению страны, обусловленному современным социальным положением. На стороне гверильясов теперь будет сильнейшее оружие — политпропаганда и агитация, направленная не только против армии, но и против всего правительства в стране. Она охватит фронт и тыл, тогда как против гверильи подобное оружие является мало действенным.

Операции гверильи — это не «булавочные уколы», как это бывает в малой войне. Это систематические удары, рассчитанные на затяжку войны, на экономическое истощение страны (правительства), на причинение материального ущерба государству, что вызывает общехозяйственное и политическое расстройство и расслабление. Поэтому прежде всего объектами нападения гверильи будут: склады, запасы, поезда, дороги, мосты и т. п. В 1921 г. ирландцы добивались больших результатов, когда переходили на этот метод борьбы, тем более что организация государственных баз при массовости современных армий, их чрезмерных снабжений и питания, — чрезвычайно громоздка, а следовательно и легче всего

ТАБЛИЦА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ РЕЗУЛЬТАТЫ ГЛАВНЕЙШИХ ВОЙН ГВЕРИЛЬИ с 1792 г. по 1926 г.

Дата	Главные вожди	Район	Сильная держава	Национальность гверильясов	Продолжительность войны	Результаты	Объяснение результатов
1792	Charette	Вандея, Бретань	Франц. республика	Французские роялисты	4 года	Победа сильной державы	Окружение враждебной территории; прогрессивное развитие по всей стране усиленных постов и патрулей; дипломатические меры
1809	Hofer	Тироль	Франция и Бавария	Тирольцы	1 год	Победа сильной державы	Превосходство в силах. Ограниченная возможность укрытия для гверильи, то-есть природа страны
1810	Bolivar	Венецуэла	Испания	Венецуэльцы	9 лет	Победа гверильи	Решительное истощение сильной державы. Внешняя помощь гверильясам людьми и средствами
1811	Juan Martin	Испания	Франция	Испанцы	2 года	Неопределенно	Вначале успех у гверильясов; позже они растворились в испанской армии без следа
1830	Abd-el-Kader	Алжир	Франция	Арабы	15 лет	Победа сильной державы	Занятие всего района сильными войсковыми подвижными колоннами
1830	Шамиль	Кавказ	Россия	Черкесы	29 лет	Победа сильной державы	Превосходство в силах; территория гверильясов окончательно занимается войсками и опустошается артиллерией; гверильясы вынуждены к открытой атаке
1848	Гарибальди	Италия	Франция и Австрия	Итальянцы	12 лет	Победа гверильи	Слабые усилия великой державы
1895	Several	Куба	Испания	Кубанцы	2 года	Победа гверильи	Слабые усилия великой державы. Угрова американской интервенции. Недостаток инициативы войск
1900	de Wet	Южная Африка	Англия	Буры	2 года	Победа сильной державы	Превосходство в силах, система блокгаузов, «drives», подвижные колонны, захват скота и припасов
1919	Collins	Ирландия	Англия	Ирландцы	2 года	Неопределенно	Недостаток войск и военных средств.

уязвима со стороны гверильи, то-есть населения, ставшего на путь борьбы с сильной державой (со своим правительством). Таким образом гверилья-война понимается и как война цивилизованных государств на культурных театрах, а не только против дикарей и варварских племен, или война в колониях.

Рассматривая современную боевую технику — бомбы, автоматы, самовзрывающиеся мины и технику взрывчатых веществ, механический транспорт, радио и др., Денинг утверждает, что современная обстановка будет все-таки гораздо выгоднее для гверильясов, чем для великой державы—подавительницы гверильи даже при условии развития военной и политической техники. [1] Особенно это будет сказываться на театрах больших пространств и на театрах большой плотности населения, с крупными городами в роде Дублина.

В конце своей работы Денинг однако забывает о гверильясах и их тактике, а, становясь на свойственную ему классовую точку зрения, рассматривает методы подавления и уничтожения гверильи и повстанчества, то-есть определенно подчеркивает классовый характер малой войны. Но в отношении методов подавления он совершенно не оригинален; он не только ничего нового не сообщает, но повторяет зады полицейских инструкций, разработанных у немцев, напр., гораздо талантливее и полнее [2]. Статья Денинга заканчивается требованием сосредоточить внимание военной мысли на необходимости: 1) предварительной разработки мер против гверильи, 2) заблаговременного опубликования соответствующего военного закона (устава), 3) организации разведки, 4) выработки методов борьбы, годных для определенных театров, и 5) решительного и твердого руководства всей страной, — держать ее постоянно в узде.

В Германии, лишенной по Версальскому миру права иметь большую армию, вооруженную по всем правилам современной боевой техники, вопросы партизанства встают с особенной резкостью прежде всего из-за решения проблемы подготовки армии к будущей большой войне (идея реванша), накопления запасов людских и материальных, своевременного развертывания вооруженных сил, могущих противостоять наступлению противника и др.,

В докладной записке военному министру и главнейшим фашистским союзам капитан Эргардт, один из известных «путчистов» Германии, писал, что Германии нужно рассчитывать на две войны — одну, «неожиданную внешнюю», именно: с Францией, Польшей и может быть с Чехо-Словакией, а равно и с их союзниками, — и другую — внутреннюю, гражданскую.

«В первом случае мы определенно не будем в состоянии противопоставить противнику нашу регулярную армию. Мы должны будем

[1] ... «that by modern developments, guerilla forces have gained more than the forces of Great Powers».

[2] См. напр. Sartorius, F., Polizei major, Die Schutzpolizei und ihre Gefechtsgrundsätze, Darmstadt, 1922; Schmidt, Polizeihauptmann. Der Einsatz der Schutzpolizei im Aufruhrgebiet, 1929; Schutzinger, Burgerkrieg, 1923; «Vom Bürger, krieg», Heft 10, 13, 20, 6/7 (3 Jahargang) и др. На русском языке — *Димма*. Приемы борьбы вооруженных сил германской республики с революционным пролетариатом в 1918 — 1923 гг. «Военная мысль и революция» 1923 г., кн. 5.

импровизировать нашу оборону в том или ином виде (партизанские действия, неожиданные нападения и т. п.). Это несомненно будет иметь больше успеха, чем подобные же действия французов в 1870 и 1914 г., так как в нашем распоряжении имеется боеспособная молодежь и много офицеров. Из этих партизанских отрядов потом можно будет формировать более крупные регулярные части»... Таким образом будущая война, или точнее — ее начало, мыслится как импровизированная оборона при помощи партизанских отрядов, связанных с регулярной армией, не могущей быстро развернуться и сосредоточиться для больших операций. Это будет так называемая малая война в целях выигрыша времени и прикрытия мобилизации, малая война, состоящая из партизанских действий, различных нападений в тылу противника при помощи небольших боевых групп, активно действующих в стане врага и оружием, и взрывами, и демонтажем, и т. п.

«Мы не имеем времени спокойно и медленно подготовливаться к войне в течение многих лет, — говорит дальше Эргардт. — Мы должны... попытаться дать военное обучение (даже не вполне удовлетворяющее современные требования) по возможности большей массе. Мы должны готовиться к импровизации и помнить, что это ставит высшие требования дисциплине, национальному фанатизму и инициативе офицеров и солдат». Отсюда и необходимость развития организации боевых союзов, в данное время гражданских организаций, тем более что эти союзы будут очень нужны и во внутренней войне — гражданской, так как никто лучше их не выполнит всевозможных задач по борьбе с революцией и коммунистическим движением. Союзы разбросаны по всей стране, они мало зависят от железных дорог, и значит в случае забастовки железнодорожного транспорта смогут сразу же выступить с боевыми целями, равно и сорганизовать штрейкбрехеров и т. д. Во внешней войне они возьмут на себя ведение партизанства, а против не слишком высоко расцениваемых в боевом отношении противников смогут даже противостоять и их регулярным армиям на фронте. Так аргументируется необходимость классового партизанства, организуемого при помощи скрытых вооруженных сил промышленной буржуазии и аграриев. Помимо этого в Германии разрабатываются и вопросы партизанских действий.

Не особенно давно вышла небольшая книжечка под самым невинным заглавием: «Военноисторические воспоминания в форме тактических задач» (Kriegsgeschichtliche Erinnerungen in Form von taktischen Aufgaben, vom *Erich Agger*). По существу она является детально разработанной на конкретных примерах (числом 28) инструкцией ведения партизанских действий и их организации на основании последней практики немцев, сербов, латышей и др.

Анализируя свое рурское «пассивное» сопротивление (саботаж) в 1923 г. немцы считают, что, помимо организационных недостатков,[1]

---

[1] Насколько было слабо поставлено дело в Рурской области, показывает следующий факт: через несколько недель «пассивного» сопротивления в Руре

основной причиной неудачи было непонимание сущности партизанских действий. «Пытались при помощи каких-нибудь 500 партизан вести самостоятельно партизанскую войну без наличия большой войны, упустив из виду, что успешная малая война немыслима без большой войны, что партизанская война является лишь вспомогательным средством большой войны». Поэтому подготовка будущей партизанской войны не мыслится без действия регулярной армии, ведущей большие операции, и вообще не мыслится без связи с большой армией — источника ее питания и всяческой поддержки. В этом смысле и ведется работа с командирским и рядовым составом. Нигде не говорится о том, что партизанство должно быть связано с массами, что оно обусловливается массовым движением и может развиваться вширь и вглубь только на этой почве. Напротив, резко подчеркивается преимущественная связь с армией, однако по вопросу о требованиях, предъявляемых к начальнику партизанских отрядов и групп, указывается на необходимость наличия у него «чувства долга, политического чутья для выбора настоящего момента своих действий (чтобы поднять энтузиазм масс и вызвать панику у противника) и некоторой дозы авантюризма».

Территория разбита на районы, подрайоны и участки. Район выставляет приблизительно одну дивизию партизан 3-полкового состава (полк — три батальона, батальон — четыре роты, рота — три взвода, взвод — три группы). Начальники районов изучают технику «секретной службы», налаживают связь (голуби, радио, аэроплан, сигнал и др.) и транспорт всякого рода, организуют заранее склады оружия, взрывчатых веществ и др., сеть конспиративных квартир и убежищ, заготовку иностранных паспортов для снабжения своих людей на случай провала, необходимых печатей и бланков известных учреждений противника, ведут разведку и контрразведку, занимаются дезинформацией, составлением «черных списков» (лиц, признанных ненадежными и вредными с точки зрения фашистской обороны, а потому подлежащих при известных критических обстоятельствах аресту, и т. п.)...

Относительно Франции и Англии мы не имеем документальных данных, подтверждающих, что приведенные положения отдельных авторов являются официальным мнением военной головки армии; не можем утверждать также, насколько эти положения широко охватывают военные и правительственные круги в смысле проведения этих положений в жизнь в отношении подготовки страны к войне. Для нас важно установить, что империалисты все более и более интересуются вопросами повстанчества, все глубже и шире стремятся к разрешению проблемы борьбы с ним, а следовательно и готовятся не только к большой войне — позиционной и маневренной, но и к малой войне, к партизанству.

Отсюда и повышенный интерес к истории подавления восстаний, к борьбе с народными движениями, к войне на «некультурных

французы имели фотографии почти всех немецких партизан, знали почти все их конспиративные квартиры и явки и т. п.

театрах», отсюда и оформление теорий такого рода войны, с учетом изменений в ее формах и методах на основе прогрессирующей техники и всех современных условий организации вооруженных сил.

Однако в официальных уставах иностранных армий по этим вопросам мы ничего не находим, за исключением английскиго устава, о котором мы уже упоминали, и польского устава полевой службы 1921 г., где помещены две главы (IX и X) о партизанской войне и о борьбе с партизанскими действиями.

Для нас, мыслящих будущую войну как войну революционно-классовую, роль повстанчества, роль малой войны приобретает исключительное значение. Не останавливаясь подробно на доказательстве этого положения (об этом уже писалось достаточно), мы приведем лишь слова М. В. Фрунзе, неоднократно доказывавшего необходимость подготовки к ведению партизанской войны на территории наших возможных театров военных действий. Он указывал на необходимость изучения действий партизан в Сибири, Туркестане, на Украине, в казачьих областях и др. для получения соответствующих обобщений тактического порядка. «Но обязательным условием плодотворности этой идеи малой войны, повторяю, — говорил он, — является заблаговременная разработка ее планов и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому *одной из задач нашего генерального штаба должна стать разработка идеи малой войны в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас*»... (Собран. соч., т. I, стр. 224.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРИМЕНЕНИЕ ФОРМ МАЛОЙ ВОЙНЫ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Малая война на европейских театрах. Малая война на внеевропейских театрах и на морях. Организация Германией повстанческих отрядов в странах Востока против Антанты.

Мировая война, превратившаяся для некоторых комбатантов в гражданскую войну (Россия, Германия и Австрия), целый ряд войн революционного порядка в различных колониях после мировой войны, начавшаяся и продолжающаяся до сего времени полоса восстаний в странах Европы, Азии, Америки, Африки и на островах Великого океана, как результат чрезвычайного обострения социально-экономических противоречий империалистической системы, а главное — практика нашего Октября, опыт борьбы и победы пролетариата, взявшего у буржуазии власть и руководство над такой огромной страной как СССР, — все это выявило новый характер и роль малой войны.

Напрасно Айронсайд и Денинг оставляют «привилегию» малой войны только для государств внеевропейских, государств, в которые вступают войска сильной державы для «контроля политического бытия», оставляя себе как сильной державе только «большую войну» и подавление малой войны или гверильи. Опыт последних лет показывает, что малая война фактически признана «жизненно необходимой» и «сильными державами» — прежде всего Англией.

В Европе во время мировой войны, при сплошных стабилизованных фронтах, малая война почти не практиковалась. Ее вели бельгийцы при занятии их территории немцами, сербы (комитаджи) на своем театре и отчасти латыши в Прибалтике; ее пробовали вести, но крайне неуспешно, вследствие полной неподготовленности и русские в 1915 г. при отступлении их армии из Царства Польского и Литвы.

Клембовский указывает лишь на единственный «подвиг, которым ознаменовалась деятельность партизан в войну 1914 — 1917 гг.» со стороны русских — именно, нападение партизан на Невель (14 — 15 ноября 1915 г.) и захват ими начальника 82-й германской резервной дивизии и штаба полка.

В Сербии, оккупированной австрийцами, малая война велась небольшими отрядами — четами, руководимыми особыми комитетами. В отряды вливались молодежь, старики и даже женщины. В одном

из воззваний к населению повстанческого комитета так определялись формы борьбы: «Вы должны сомкнуть свои ряды, объединиться в отряды, выступить на улицы и дороги с целью нападения на неприятельские части, где бы они ни находились на территории Сербии. Телефоны, телеграфы и железные дороги разрушать, обозы уничтожать, а всех солдат с почтовыми повозками (и сумками) захватывать и задерживать. Части противника, выдвинутые против нас, уничтожать». [1]

Состав комитаджей был преимущественно крестьянский, ремесленники и рабочие принимали незначительное участие. Города вообще служили в большинстве случаев местами явок, резидентурами разведки, изредка складов. Комитаджи гнездились прежде всего в селах, деревеньках, в горах и лесах. Оккупанты стремились «успокоить» страну и держать ее в своей узде для выкачки разного вида сырья, сельскохозяйственных продуктов, хлеба, для безопасности движения своих транспортов и войсковых частей по дорогам в целях поддержки своего фронта. Поэтому комитаджи нападали на охрану австрийцев, мелкие гарнизоны их, расположенные вдоль путей сообщения, взрывали железнодорожное полотно, мосты, всячески тормозили вывоз из Сербии материалов, хлеба и др. Во время сбора жатвы они несли охрану крестьянских работ, а где оккупанты ставили вооруженный контроль на полевых работах, — внезапным налетом обезоруживали контролеров или убивали их из засады.

Для расширения своей базы сербские комитаджи связывались с болгарскими крестьянами, организуя вместе с ними восстания или нападения одновременно, в особенности при усилении сил оккупантов. Помимо указанных форм борьбы комитаджи вели ожесточенную борьбу с помещиками и их клевретами, работавшими вместе с оккупантами, передавшимися на сторону австрийцев албанцами и др.

Для руководства этим движением крестьянства великосербским комитетом выделялись особые офицеры из армии, уже отступившей с территории Сербии. Офицеры конечно прибывали к повстанцам нелегально, используовывая для этого иногда аэропланы, которые доставляли их из района салоникской армии куда-либо в горы или лесные поляны. Таким образом малая война организовывалась за счет невоеннообязанных из крестьянства, и не выделением специальных отрядов из войсковых частей, но при помощи армии, некотором руководстве армейского командования и его материальном содействии. Темпы и размахи операций малой войны по возможности увязывались с темпами фронтовых операций, что однако не всегда удавалось.

Общее количество вооруженных чет не превосходило за весь период войны на всей территории Сербии 6 000 — 7 000 человек. Австрийцы же для борьбы с ними держали армию в 70 000 человек,

---

[1] Ген. *Керхнаве*, Banderkrieg und Bandenbekämpfung im serbischen Okkupationsgebiet, «Militärwissenschaftliche und technische Mitteilungen» 1929, Januar — Februar.

усиливая ее иногда до 90 000 человек, снимая целые пехотные и артиллерийские части с Изонцовского и других фронтов. При этом действия регулярных войск должны были в корне измениться, приспособляясь к местному повстанчеству, постоянно меняясь в процессе борьбы как в тактическом отношении, так и организационном (импровизация).

В конечном результате комитаджи не были сломлены, и до самого конца мировой войны продолжали наносить удары австрийцам.

Больше всего малая война господствовала в Африке, в колониях, в Сирии, Месопотамии и вообще на малоазиатском театре военных действий. Эта малая война в виде партизанства велась за счет войсковых частей, действовавших по ближним тылам противника. Партизанские отряды организовывались штабами армий и фронтов, причем в них (отряды) отбирались по специальным признакам рядовые и офицеры. Численность их была различна, вооружение — армейского образца, но местное население как правило не привлекалось в партизанские отряды и использовалось только для целей разведки, редко связи и в качестве проводников. Объектами нападений служили: пути сообщения, средства связи, склады, штабы, небольшие войсковые части. Леттов-Форбек, напр., так характеризует действия немцев в Африке:

«Ничего не оставалось другого, как достигнуть намеченной цели мелкими отрядами — патрулями... Маленькие смешанные отряды от 8 до 12 человек огибали лагери противника и действовали на его сообщения с тылом... С 30 *м* противник обстреливался из засады, брались пленные и добыча, а патруль исчезал снова в бесконечной степи... Таким образом добывалось... оружие, патроны и всякого рода военное снаряжение»... «Однажды отбили лошадей и образовали две конные роты. Это дало нам возможность посылать сильный партизанский отряд в продолжительные рейды... разрушать мосты, нападать на железнодорожные посты, подкладывать мины под железнодорожное полотно и производить всякого рода внезапные нападения на путях сообщения в районе между железной дорогой и неприятельскими лагерями... Патрули действовали скрытно, избегая столкновений, и взрывали железную дорогу... На ряду с этим развивали деятельность и боевые патрули. Они, состоя из 20 — 30 и больше аскари, иногда вооруженные одним или двумя пулеметами, искали неприятеля и старались нанести ему потери в бою...» и т. п.

Всего у немцев в Африке было в различных отрядах до 3 000 европейцев и 11 000 аскари (туземцев), а против них насчитывалось 130 генералов и около 300 000 солдат.[1]»

Таким образом малая война выражалась в действиях по ближним тылам противника партизанских отрядов, организованных исключительно за счет регулярных войск и под руководством армейских штабов.

---

[1] *Леттов-Форбек*, Мои воспоминания о восточной Африке, изд. «Военный вестник», М., 1927 г., стр. 20, 61, 63 и др.

Лоуренс — «некоронованный король Аравии» — рассказывает о действиях англичан в Аравии, где Англия вела организацию восстания племен против Турции, эксплоатируя национальное арабское движение. Умело используя местные силы, англичане взяли на себя не только снабжение их оружием, огнеприпасами и т. п., но и переброску туда своих офицеров, формирование пушечных и пулеметных команд из солдат регулярной армии, подкрепление речным и морским флотом, централизуя все руководство этим фронтом в своем армейском штабе.[1] То же проделал в Персии ген. Денстервилль, организуя из местных жителей запасные отряды для охраны путей, разрушения средств связи противника, мостов, складов и т. п., но руководя их работой при помощи своего армейского ядра — офицеров и др. специалистов военного дела.

К такого рода действиям тесно примыкает диверсионная и партизанская деятельность военных кораблей на морских коммуникациях. Особенно большую деятельность проявила Германия, широко практиковавшая партизанство своих крейсеров, выпуск «судов-ловушек» (имевших личину коммерческих судов, но фактически занимавшихся уничтожением торгового флота Антанты и нейтральных стран), а также «подводную войну».

На ряду с этим мировая война, вопреки существовавшей теории «малой войны», вынесла ее (малую войну) на другие «мирные» театры, или точнее — настолько расширила понятие фронта и тыла, что они охватили собой и страны, юридически и фактически не участвовавшие в мировой бойне.

Антанта постепенно, но неуклонно стягивала кольцо вокруг союза центральных держав, главным образом вокруг Германии. Естественно, что Германия должна была искать таких возможностей, которые облегчали бы ее стратегическое и экономическое положение в окружении. Это можно было сделать, или вырвав из кольцевой цепи несколько звеньев посредством перетягивания на свою сторону того или иного государства в качестве союзника, или, прорвав блокаду боем, на что нехватало сил и средств, или же, растянув кольцо и ослабив таким образом его обжим с внешней стороны в наиболее уязвимых для противника местах, посредством системы малых ударов в соответствии со своими средствами и силами.

Последний путь и был выбран Германией на Востоке. Ею, прежде всего, имелась в виду Россия, которую легко можно было сковать выступлением против нее Китая или отпадением от союза Японии, наконец простым разрушением транзитных путей подвоза от портов океана через Сибирь, что ослабило бы не только снабжение и питание русской армии, получавшей целый ряд материалов, снаряжений и видов довольствия по этим путям, но и ее живую силу на фронте из-за невозможности перебросить сибирские части на Запад. В этом направлении и была поведена Германией малая война против России, Франции и Англии на территории Китая и отчасти Америки, то-есть стран, еще не принимавших участия в войне, но по своему

---

[1] *Лоуренс*, Восстание в пустыне, «Моск. рабочий», 1929 г.

положению являвшихся важнейшим тылом для всех воюющих государств Антанты и серединных держав.

Задачи малой войны в Китае были:

1. Добыча всякого рода сырья для отечественных фабрик и заводов (вначале снабжение Циндаоского гарнизона) и транспортировка его (сырья) с мерами охранения, всякой предосторожности и маскировки (захват грузов своих противников или их уничтожение).

2. Перерыв коммуникаций союзников и разрушение транспорта — железнодорожного и водного, складов и баз, портов, скотобоен, холодильников и др. предприятий, работавших на оборону Антанты.

3. Организация «беспорядков и волнений» среди соответствующих слоев населения с целью ослабления производства и снабжения Антанты и привлечения на свою сторону нейтральных государств Азии и Америки.

4. Разложение войск, предназначенных к перевозке на европейские фронты, и организация саботажа в учреждениях и заведениях, связанных с обороной Антанты.

5. Обесценение валюты своих противников.

6. Содействие побегам военнопленных.

7. Создание благоприятной для себя обстановки путем прессы, устной агитации и пропаганды, сеяния паники и муссирования слухов, вредных для Антанты.

8. Разведка.

Все эти задачи были между собой тесно связаны, и ни одна из них в боевой практике не имела без других самостоятельного значения. Все вместе они приводили к одному—бить, где можно и чем можно, своих противников. [1]

Для осуществления этих задач были организованы небольшие отряды под руководством офицеров. Отряды комплектовались отчасти из военных, но более всего из местного населения с привлечением хунхузов и др. Некоторые отряды были чисто немецкими, но с проводниками из китайцев или монгол. Численность отрядов колебалась от 3 до 400 — 500 человек; некоторые операции сосовершались и одиночками.

Отряды формально рассматривались как «добровольческие», фактически же носили наемнический характер. Структура их была преимущественно следующая. Главный добровольческий отряд имел местопребывание в главном городе провинции и распространял свою деятельность на все ее уезды при посредстве отдельных, подчиненных ему отрядов на местах. Иногда в наиболее важных уездных

---

[1] На русском языке печатных материалов об этой деятельности Германии в нейтральных странах совершенно нет. Равно эти сведения отсутствуют в более или менее обработанном и систематизированном виде и в иностранной прессе. Мы пользовались архивными материалами русского Генерального штаба, куда попадали данные генеральных штабов Англии и Франции и отчасти Японии, а также материалы российских миссий и консульств по линии Министерства иностранных дел.

городах формировался вспомогательный отряд, которому подчинялись другие уездные и местные отряды. Все местные отряды получали руководящие указания от главного отряда, держа с ним постоянную связь и обмениваясь взаимно информацией. При главном отряде состоял начальник туземной организации с двумя помощниками, число же рядовых членов не ограничивалось. Во главе каждого отдельного отряда на местах ставились особые начальники, имевшие в своем подчинении по одному отделенному начальнику с помощниками. Численный состав рядовых членов этих отрядов также не был ограничен.

Управление главного отряда состояло из четырех отделений: 1) секретного (оперативного), занимавшегося разработкой оперативных планов на основании информации мест; 2) связи для сношений с отрядами на местах; 3) финансово-продовольственного (снабжение) и 4) боевых снаряжений — заготовка и доставка в отряды оружия, взрывчатых веществ, патронов и т. п.

В каждом отделении имелся заведывающий, с 3 — 4 секретарями. Управление отрядов на местах состояло из трех отделений: оперативного, боевых снаряжений и финансов, которыми руководили особые старшины при двух помощниках.

Начальнику главного отряда назначалось жалованье в 200 долл., в месяц, его помощникам по 150, а рядовым по 30 долл. в месяц. Заведывающие отделениями управлений получали по 80 долл., а секретари по 60 долл. в месяц. Руководителям отрядов на местах жалованье назначалось по 80 долл., отделенным по 60, а их помощникам по 40 долл. в месяц.

Насколько эта организация была наемнической, видно из той таксы за «подвиги», которая там практиковалась, а именно: всякий рядовой член организации, причинивший вред торговле или промышленности, должен был получить вознаграждение от главного отряда. Вознаграждение было трех разрядов — от 500 до 1 500 долл. Высшие индивидуальные подвиги (сожжение интендантских складов, арсеналов, взрыв ж.-д. моста и др.) расценивались в 3 000 долл. и даже до 30 000 марок и т. д.

Формами такого рода войны были — набеги, налеты, засады, индивидуальный террор, «пехотные рейды», поджоги, взрывы при помощи пловучих мин, самовзрывающихся снарядов, организация заговоров, восстаний и т. п.

Объектами нападений являлись — железные дороги, лесные заготовки в районе этих дорог, военные посты, переправы и мосты, военные или транспортные пароходы, поезда, склады, арсеналы, и др. Нужно отметить, что вся эта деятельность сопровождалась умелой и обильной печатной и устной агитацией, приносившей практические результаты.

Ввиду того, что эта «малая война» проводилась в атмосфере местного повстанчества — монгольского, китайского, дунганского, корейского, индусского и др., она естественно восприняла некоторые формы этого повстанчества, ассимилировалась с ним, благодаря чему усилились прежде всего элемент агитации и пропаганды, эле-

мент разложения сил противника, организация восстаний, то-есть малая война стала добиваться результатов не только одним *боевым* путем, посредством голой вооруженной борьбы, но увеличила свои средства, контактируя чисто военное руководство с руководством политическим. Отсюда изменение форм и методов малой войны, переросшей рамки «международного права» и «юридически законной», объявленной большой войны регулярных армий....

Нечто подобное наблюдалось и в среднеазиатских владениях бывшей царской России в 1915—1916 гг., где в это время началась «малая война» со стороны туркменов, киргиз, иомудов и др.[1]

Иомуды начали с отказа давать рабочих в тыловые дружины, затем перешли к налетам вооруженными группами на русские патрули и разъезды, пригpаничные посты, к разрушению телеграфной и телефонной линий, к набегам на русские склады, хозяйства и крупные имения, наконец захватили крепость Аккала. Всего повстанцев было около 3 000 чел., вооруженных наполовину шашками и пиками, а наполовину берданками, трехлинейками и некоторыми иностранными винтовками. Против них был выслан 10 000-й отряд генерала Мадритова с пушками, пулеметами и автомобилями. Тогда повстанцы сконцентрировали свои силы за пределами русских владений — за персидской границей, откуда продолжали делать набеги и налеты, устраивая засады русским и являясь для них неуловимыми.

С другой стороны, наблюдались такие явления, как обращения ирландских синфейнеров (повстанцев) чрез действующий фронт к врагам своего «отечества», в тыл Германии, чтобы там нарекрутировать в свою ирландскую бригаду пленных ирландцев и таким образом укомплектовать повстанческие части, а равно получить оттуда и оружие.[2]

Таким образом новая малая война стерла грань между фронтом и тылом в прежнем понимании этих слов; сама буржуазия не связывается теперь условными «юридическими» формами ведения войны. Малая война использовывает все средства для достижения своих целей и действует всюду, где возможно и нужно, устанавливая свои фронты и тылы, особые, ей только присущие, коммуникации и базы питания, особые методы. Отсюда англичане занимаются «восстаниями» в пустынях и полуколониальных странах; немцы в Африке, при помощи аскари, партизанят на фронте и в тылу, с боя берут лошадей и только тогда приступают к организации импровизированной кавалерии; иомуды идут в бой преимущественно с холодным оружием, режут телеграфные провода, жгут и разрушают имения; комитаджи не дают оккупантам убирать крестьянский хлеб и вывозить сырье с своей территории, делая внезапные налеты на гарнизоны австрийцев; синфейнеры добывают оружие у «отечественных врагов»; там происходят взрывы, поджоги и нападения на склады, здесь индивидуальные убийства и разрушения мостов, в третьем

[1] *Шестаков, А.*, Восстание в Средней Азии в 1916 г., «Историк-марксист», № 2, 1926.
[2] Beaslai, Piaras, Michael Collins, vol. I, pp. 58, 85, 86 и др.

месте подкупы и провокация, забастовки и саботаж с активным вредительством в области материальных средств противника и т. д. и т. п.

Австрийская военщина для борьбы с крестьянством Сербии привлекает «разбойничьи банды» албанцев, раздувая религиозную и национальную вражду между ними, для закрепления своих позиций ищет себе союзников прежде всего в албанских нотаблях (принц Вид, Гассан-бек и др.), крупных помещиках и денежных тузах, при помощи которых организует «добровольческие» элементы для формирования боснийско-герцеговинских полков и др. Лоуренс, Денстервилль и им подобные опираются в своей подрывной работе на князей племен, помещиков, торговцев и духовенство, мошеннически используя растущее национальное движение; немцы в Китае связываются с зажиточными слоями населения, компрадорами, купцами, владельцами контор или же с деклассированными элементами в виде хунхузов и т. п.

Начинаясь отдельными актами, не связанными между собой территориально, а иногда и по времени, нападениями, экспроприациями, поджогами и др., — малая война переходит от одной формы к другой, от диверсий к партизанству армии или от партизанства к повстанчеству, сплетается с формами большой войны, прерывается периодами затишья, снова начинаются переходы, устанавливаются новые связи, но всегда объективно в одном направлении — борьбы за интересы класса (за национальным интересом также стоит интерес класса). Следовательно опыт мировой войны в отношении малой войны показывает, что содержание малой войны определяется теми задачами, которые она призвана осуществить в интересах эксплоататоров или эксплоатируемых, то-есть того или иного класса, теми методами, до которых вырос этот класс, и теми средствами, которыми он располагает в данное время.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАЗМАХ МАЛОЙ ВОЙНЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД. РОСТ ПАРТИЗАНСТВА И ПОВСТАНЧЕСТВА.

Применение форм малой войны империалистами против СССР, в борьбе друг с другом и в целях закабаления отсталых стран. Малая война в форме массового повстанчества, обращенного против империализма: Марокко, Месопотамия, восстание племени Мопла в Индии, восстания в Вазиристане и Персии, борьба ирландских синфейнеров.

С окончанием мировой войны применение форм малой войны не прекратилось. Наоборот, мы наблюдаем расширение ее размаха. Этому способствуют главным образом три фактора: 1) борьба мирового империализма, в первую голову Англии и Франции против СССР, 2) обострившаяся конкурентная борьба между самими империалистическими государствами за «сферы влияния» и 3) национально-революционная борьба в странах Востока (Азии, Африки и Индонезии).

Англия в полном контакте с Францией в годы нашей гражданской войны вооружала и снабжала всем необходимым Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича и др.

На средства этих держав и при помощи их агентов организовывались Ярославский и Кронштадтский мятежи и заговоры и т. п.[1] Все это происходило, несмотря на то, что юридически мы не состояли в войне с Англией.

Не ограничиваясь организацией блока государств против СССР в целях его экономического удушения и подготовки плацдармов к будущей войне, — Англия перешла к действиям по нашим тылам для ослабления мощи, расстройства хозяйственной системы и внесения паники.[2] Эта война ведется при помощи одиночных агентов, небольших отрядов и групп — пятков или десятков, комплектуемых из русских белогвардейцев, эстонцев, финнов и др. Свидетельство белогвардейца Эльвенгрена, соратника Савинкова, а также и других ясно указывают, какие поручения давались Черчиллем отправке в СССР агентов для организации поджогов, покушений и восстаний.

[1] См. *М. Ветошкин*, «Союзники и белогвардцейы на севере России, журнал «Новый мир» 1928 г. кн. I, М.

[2] *Кичкасов, Н.*, Белогвардейский террор против СССР, изд. НКИД, М., 1928; *Баторский М.*, Бандитизм и борьба с ним, изд. Отд. воен. лит-ры при РВС Зап. фронта. 1921 г.; *Болтов С.*, Из истории Осиповского мятежа в Туркестане. «Прол. революция № 6(53) 1926; *Субботин А.* (Eater), Дипломатия или разбой, «Моск. рабочий» 1927; *Дашиньский* и *Радопольский*, Подготовка войны против СССР и др.

Покушение на т. Мессинга, представителя ОГПУ, в Ленинграде, неудавшееся покушение на тт. Чичерина, Красина, Чубаря и Петровского и др. были связаны с работой английских агентов. Поджог огнескладов в Ленинграде, завода в Дубровке, бомба в партийном клубе в Ленинграде, железнодорожная катастрофа, во время которой погиб зам. полномочного представителя ОГПУ по БВО т. Опанский, события на шахтинских рудниках; уничтожение шахт, оборудования заводов, разрушение системы Донбасса (угольный центр) и т. п., разве это не типичные акты «малой войны», своеобразного партизанства навыворот, осуществляемого в условиях мирного времени?!.

Англия организует у нас в тылу, на нашей территории, бандитские шайки для совершения террористических актов, разных налетов и порчи государственного имущества, заговоров и восстаний; Финляндия при содействии «великой державы» выбрасывает в Карелию ряд банд для захвата территории и железных дорог без всякого объявления войны; то же проделывают Польша и Румыния.... [1]

В связи с процессом фальшивомонетчиков в Берлине «Vossische Zeitung» в первых числах февраля 1930 г. опубликовала некоторые данные об антисоветских планах империалистов, зафиксированных на организованном нефтяным магнатом Детердингом лондонском совещании в 1926 г. В этом совещании принимали участие, кроме Детердинга и немецкого генерала Гофмана, товарищ министра иностранных дел Англии Леккер Лемпсон, белогвардеец грузин Кедия и др.

Первый пункт порядка дня совещания, озаглавленный: «Европейские государства и большевизм», заканчивается краткой формулой: «Большевизм следует ликвидировать». Второй пункт, озаглавленный: «Интересы Европы на Ближнем востоке», заканчивается выводом: «Общие интересы Англии и Германии заключаются в том, чтобы преградить путь панславизму и закрыть для него рынки. Кавказ представляет громадную важность как для Германии, так и для Англии в отношении блокады СССР и преграждения большевистской экспансии в направлении Турции, Персии и Индии».

Участие Германии в «освободительной работе» было формулировано в следующих пунктах: 1) военнотехническое руководство, 2) вербовка человеческого материала и инструкторов, 3) снабжение техническим материалом, а также производство военного материала по фиктивным заказам пограничных государств, и частично производство военных материалов в самих государствах, принимающих практическое участие в операциях, 4) с официальной стороны внешнее соблюдение нейтралитета из тактических соображений, диктуемых особенностями положения Германии после Версальского договора, 5) участие в хозяйственном восстановлении «освобожденных стран», которое впоследствии должно быть оформлено договором, 6) использование немецких элементов за границей, как,

[1] «Правда» от 5 апреля 1928 г. № 81.

например, колонистов, 7) активизация русского магометанского населения.

Заслуживает упоминания еще один пункт повестки этого совещания, который касается помощи соседних с СССР государств.

В числе этих государств упомянуты Турция, Болгария, Персия, Румыния, Польша, Чехо-Словакия и Финляндия. По этому поводу в повестке дня указывается следующее: Турция поддерживает военные приготовления, обеспечивает связь, а при случае поставляет человеческий материал и оказывает дипломатическую помощь. Такая же подготовка ведется в Болгарии. В Персии дело обстоит благоприятно. Констатирована также заинтересованность в этом начинании Румынии. В Польше сторонники Пилсудского заинтересованы в Украине. Сотрудничество Польши и Румынии представляется возможным при дипломатической поддержке Англии и при условии гарантии, что Польша не должна будет освобождать оккупированные ею украинские области. В Чехо-Словакии украинской культурной пропаганде оказывается «дружественный прием», причем отдельные министры дружественно относятся к украинскому националистическому движению. В Финляндии контакт с представителями шюцкорских кругов, а также с представителями одного ведомства показал, что эти планы встречают там сочувствие.

Что же касается экономических интересов, составлявших фундамент всего этого предприятия, то о них красноречиво говорит особый пункт повестки дня об англо-кавказских переговорах и подготовке совещания с представителями нефтеносных областей Кавказа. В том же пункте предусмотрено предложение сформулировать впоследствии также англо-германские интересы на Украине и равным образом отложить дальнейшее обсуждение германских экономических интересов. При осуществлении проекта германскому техническому руководству гарантируется свобода действий при условии лойяльного сотрудничества с английскими представителями. Управление финансовыми фондами поручается представителям Германии. Предусмотрено также предоставление возможности переселения участвующих в этой интервенции немцев. При содействии англо-германских и кавказских фирм могут быть образуемы хозяйственные консорциумы с вовлечением других хозяйственных группировок.

«Fossische Zeitung» указывает, что этот порядок дня совещания, происходившего в 1926 г., должен был служить основой для предполагавшегося похода против СССР.

Желательных результатов от этого похода империалисты не получили, зато успели создать кое-какую организацию фальшивомонетчиков из монархистов, международных жуликов, авантюристов и разных отребьев буржуазных клоак с шумными планами о «всероссийской раскачке», долженствующей выразиться в организации на территории СССР повстанческих боевых дружин, в устройстве забастовок, взрывов правительственных учреждений, мостов, нефтепроводов, препятствий вывозу нефти, зерна, леса и т. п. [1]

[1] «Правда» от 22/I — 30 г. № 22 (4467) и др. «Дело монархистов-фальшивомонетчиков».

Некоторые группы таких активистов перешли нашу границу, но были быстро раскрыты...[1]

Во взаимных отношениях между самими империалистами также наблюдаются тенденции к причинению своим конкурентам вреда всеми доступными средствами. Италия, для «освоения» Югославии посредством Албании, в мирное время организует партизанские отряды из македонских автономистов, которые оперируют в Югославии по складам, железным дорогам, комендатурам и т. д. В самое последнее время белградская газета «Политика» сообщала, что под влиянием Италии албанское правительство закрыло Албанско-Югославскую границу для того, чтобы провести соответствующие весенние приготовления к партизанской деятельности. По словам газеты, «в окрестностях местечка Гаш эммисар албанского диктатора Ахмед-Зогу роздал партизанам некоторые суммы для ведения наступления. Из Рима приезжал делегат македонских автономистов Протодоров и также раздавал деньги на организацию весенних выступлений против Югославии. В настоящее время в Албании имеется около 250 итальянских офицеров, работающих в качестве инструкторов».

Летом 1929 г. в «Джорнале Д'Италия» опубликован документ, относящийся к организации Югославией пограничных банд (комитаджиев), находящихся в непосредственном подчинении Белграду.

Назначение банд — в случае конфликта с Италией или Венгрией вести малую войну в тылу противника. Участники этих банд проходят специальный курс обучения и должны быть в высшей степени здоровыми и физически крепкими людьми, способными наводить трепет и ужас на противника кинжалом, ядом и огнем. Для облегчения выполнения порученных задач они маскируются под противника, переодеваясь в его форму. Все пленные, взятые ими, подлежат уничтожению, то же самое относится и к собственным раненым, которых нельзя отправить к себе. Попавшие в плен — должны покончить самоубийством и т. д.

Подобная деятельность наблюдается и со стороны Франции по отношению к Германии, африканским государствам и др., у Японии в отношении Китая и Америки, у Америки в отношении Японии и т. д. и т. п.

Эта «малая война» мирного времени, война по тылам противника, ведется не регулярными войсками в массах, а небольшими группами, даже одиночками, обучеными, организованными и снабженными всем необходимым для боевых операций, и таким образом является одним из новых видов «малой войны», не предусмотренных ни Балком, ни кем-либо другим из военных исследователей.

«Военные обычаи», «честь походить наружным видом на солдат», — отошли в область преданий; границы государств стерлись, как стерлись и грани между фронтом и тылом; «международное

---

[1] Вспомним к примеру так называемое Кайдановское дело, организованное, как это было установлено на суде рядом свидетелей и документов, вторым отделом польского генерального штаба. См. речь государственного обвинителя т. Вышинского «Правда» № 51 от 3/II — 1925 г.

право» и «прирожденное человеку понятие о праве и рыцарский дух, живущий в армиях всех цивилизованных государств» (Балк),— превратились в обветшалые одежды, проеденные молью, в которые еще пробуют кутаться простаки-пацифисты или же отъявленные хищники для одурачивания своих жертв.

Классовая борьба, переходящая в вооруженное восстание, вливает новое содержание в задачи, формы и методы вооруженной борьбы и, прежде всего, обусловливает неукротимую и жестокую злобу буржуазии, не брезгующей никакими средствами для подавления движения трудящихся — безразлично на европейских или внеевропейских театрах.

Особенность революционной борьбы на фоне классовых противоречий заключается в том, что она продолжается и «во время войны» и в «мирные периоды», вовлекая в свою орбиту и солдат регулярных армий, и остальных граждан страны. Во время войны действуют крупные армейские массы и отдельные мелкие отряды, а в «мирное» — только мелкие отряды и группы, могущие однако вырасти в поголовное массовое восстание, сметающее с лица земли целые регулярные армии буржуазии.

Мировая война углубила противоречия капитализма, усилила конкуренцию между отдельными государствами за экономическое и политическое господство, развязала силы новых восходящих классов, показав буржуазии непрочность ее положения и создав постоянную угрозу для нее лишения источников грабежей и колониальной эксплоатации. Поэтому правительства буржуазных государств не только усиливают вооружения своих армий, но уже в мирное время организуют целый ряд действий против своих противников для ослабления их мощи, замедления их хозяйственного роста, разложения государственной системы и усиления различных антагонизмов (классовых, национальных, религиозных и др.), не забывая однако борьбы с революцией и «большевистской заразой». Борьбу с последней империалисты ведут на широком фронте, охватывая и подчиненные им колониальные и полуколониальные страны. Особую активность в этом отношении проявляет британский империализм.

В целях защиты Индии от могущего просочиться туда через Афганистан «большевистского влияния», Англия стремится обработать афганского эмира и стать твердой ногой в Афганистане (Афганистан на протяжении свыше 3 000 *км* примыкает к самой беспокойной части английских владений, населенных афганскими или родственными им племенами). Для этого английское правительство принимает целый ряд мер вплоть до поддержки деньгами, оружием и другими средствами всех реакционных элементов в стране (Хостинское восстание в 1924 г. и др.).

Любопытная картина развертывается в Персии и в частности в персидском Курдистане, где англичане заинтересованы в образовании для себя экономической сырьевой базы, а также стратегического плацдарма против СССР. Поэтому Курдистан стал ареной английской политики и в отношении Турции, и в отношении Персии, и в отношении СССР. Чтобы нажать на Резу-шаха и заставить его быть

уступчивее, английские агенты стараются использовать малейшие затруднения персидского правительства внутри страны, создавая их иногда своими дипломатическими и экономическими, довольно искусными, комбинациями, не брезгуя при этом никакими средствами. Когда персидское правительство решило разоружить курдов, английские агенты учли возможности сопротивления со стороны последних и заблаговременно приняли участие в подготовке этого сопротивления в целях ослабления правительства Персии. Они прежде всего озаботились организацией своих консульств в Сенне и Банне, как баз руководства и снабжения курдов, а также для беспрепятственного наблюдения и своевременного получения соответствующей информации с мест. Керманшахский консул объехал район в качестве «знатного путешественника». После этого вождь иракских курдов — англоагент — Сеид-Таги, совместно с английскими офицерами, начал чисто военную подготовку восстания; в качестве активного участника англичанами был выдвинут дядя Ахмет-шаха Каджара-Садар-од-Довле, один из преданнейших агентов англичан; на случай неудачи была создана база в Ревандузе и пр. Так подготовлялась организация восстания в районе Керманшаха, Сенна и Сердешта, а затем и в Урмийском районе в 1926 г. с целью создания «независимого Курдистана» при поддержке Англии, обещавшей оружие, амуницию, деньги и пр.

Чтобы ослабить влияние Турции, с одной стороны, и получить свободный доступ к Черному морю, с другой, — английское правительство в 1922 г. «симпатизирует» греческой организации на территории Турции — «Понтос», задавшейся целью вызвать вооруженное восстание на побережьи Черного моря, в районе Синоп—Трапезунд под лозунгом создания в этом районе отдельной республики. Эта «республика» на границе с СССР являлась для англичан буфером и плацдармом для будущих действий в Грузии и Азербайджане. Центральный комитет «Понтоса» был организован в Париже. Организация привлекала в свои ряды всех греческих беженцев, вооружала их на собранные деньги (в том числе и английские), создавала по деревням роты, батальоны, делала определенные запасы, базы и выжидала момента ослабления правительства Турции, чтобы поднять восстание. Однако следственными властями Турции подобная работа была своевременно раскрыта и ликвидирована... [1]

Таким образом империалисты действительно применяют формы малой войны как в своей борьбе против СССР, так и в борьбе друг с другом и для обеспечения своего влияния в отсталых странах.

Но на ряду с этим мы наблюдаем борьбу в форме малой войны, обращенную против самих империалистов. Такая борьба после ми-

[1] Такие действия относятся по существу к малой войне в нашем понимании этого слова, однако отличаются от ряда других активных операций. Они не связаны с армией как с организацией, и с населением. Это — работа секретных органов, обыкновенно разведок или охранок, почему она и должна быть выделена в особую группу под названием диверсий или просто «активки», хотя последняя преследует главным образом разведывательные цели (подробнее будет дальше).

ровой войны развернулась среди целого ряда угнетенных народов. Из многочисленных эпизодов ее мы остановимся на следующих: борьба в Марокко и Месопотамии, восстания в Индии (племя Мопла, Вазиристан), восстания в Персии и, наконец, гражданская война в Ирландии.

Наиболее характерными для борьбы в Марокко и Месопотамии являлись те методы, которые применялись повстанцами для обеспечения материального снабжения своих отрядов, разобщенных от внешнего мира кольцом вражеских войск.

Знаменитый предводитель восстания в Марокко Абд-ель-Керим в зиму 1925 г. сумел наладить свою коммуникацию, проложив ее через фронт противника, под неослабным наблюдением французского и испанского флотов, блокировавших Марокко, именно через Танжер, куда караваны в сотни мулов тащили чай, муку, сахар, оружие и боевые припасы для повстанческой армии. Этим же путем проникли к Абд-ель-Кериму и советники-инструкторы в повстанческие отряды: немецкие офицеры Форстер, Дитрих, фон-Танненберг и др., некоторые турецкие и сербские офицеры и т. п.

Кроме того мароканцы применили новый способ «просачивания» в район, занятый французскими войсками. Это «просачивание» состояло в том, что повстанцы, атакуя небольшими группами одиночные посты и людей на «линии фронта», пробирались к племенам, расположенным позади фронта, и всякими способами заставляли их подняться против французов.

То же отчасти наблюдалось и в Месопотамии в 1920 г. в борьбе против англичан.

Весьма широкий размах приняли действия по методам малой войны в Индии. В 1921 г. в Малабаре началось серьезное движение против англичан среди племени Мопла. Для поднятия восстания, с целью низвержения власти Великобритании, в Индии соединились две крупные политические партии — индусская партия Ганди и калифатская партия Шаукат Али. Вожди повстанцев объявили, что британская власть, равно и армия перестали существовать в Малабаре. Восстание началось 25 июля в Пуккатуре. Повстанцы организовали отряды, общей численностью до 5 000 чел., вооруженных главным образом саблями. Началось с разгрома полицейских участков, где были захвачены винтовки и другое оружие. Затем отряды повстанцев принялись за правительственные здания и каучуковые предприятия, часть которых была разграблена и сожжена. Индусские храмы также были разгромлены. Некоторые железнодорожные станции сожжены, пути разобраны, мосты и подземные ходы разрушены, на наиболее важных безрельсовых путях были устроены преграды в виде поваленных, при помощи слонов, деревьев и одновременно было организовано нападение на английские войска, устроены засады и т. п. Однако поведенная таким образом малая война должна была в скором времени изменить свой характер, так как прибывшие английские войска вынудили повстанцев к открытым боям, что было для них безусловно непосильно. В первых же столкновениях повстанцы, несмотря на свой героизм и упорство,

понесли большие потери; они не имели достаточного вооружения и действовали «фанатической толпой» без всякого применения к местности, гибкого маневрирования и управления. Напр., у Пуккатура они потеряли 400 чел. убитыми, потери же англичан не превышали 10 чел., у Пандикада — потери повстанцев свыше 500 чел., у англичан — около 60 чел., а всего повстанцы потеряли одними убитыми 2 300 чел., англичане убитыми 48 чел. и ранеными 133. [1]

Такая же картина была в Пенджабе, где действовала повстанческая организация «Бабур-Акали».

В Вазиристане (Индия) с 1852 по 1910 гг. было 17 восстаний, с 1911 по 1923 гг. — 4 восстания. Во время афганской войны в 1919 г. вспыхнуло восстание во всем Вазиристане. [2] Милиция была обезоружена или уничтожена повстанцами, были захвачены и обезоружены также пограничные посты регулярных войск, благодаря чему в руки повстанцев попало значительное количество оружия и военного имущества. Английское правительство двинуло войска с целью захватить долину р. Тохи и перерезать лучшие пути в Афганистан, а затем занять страну махсудов. Повстанцы своими небольшими отрядами, довольно гибкими и легкими, стали захватывать обозы, разрушать дороги и мосты, телеграфную и телефонную связь, нападать на караулы, мелкие войсковые части, постоянно и неуклонно изматывая своего противника.

Экспедиция англичан внутрь страны продолжалась около двух лет, но не дала желаемого результата. Тогда британское правительство применило чрезвычайные репрессии, начав бомбардировку целых аулов и стад при помощи артиллерии и авиации, расстреливая население из пулеметов, бронемашин и пр. Однако борьба продолжалась вплоть до 1923 г., когда Англия довела свои регулярные экспедиционные силы до 20 батальонов пехоты с горной артиллерией, бронемашинами и двумя эскадрильями воздушных сил (24 аппарата) против вооруженных повстанцев, насчитывавших, в лучшем случае, 5 000 — 7 000 чел...

В Персии на почве тяжелого экономического положения крестьян началось повстанческое движение еще с 1920 г. Возглавлялось оно Кучук-ханом, Гейдар-ханом и Эссанулла-ханом, а в Хорасанском районе — Мамед-Таги-ханом. Даже английский генерал Денстервилль в своей книге «Поход на Кавказ и Персию» отмечает, что сила движения гилянских повстанцев заключалась в том, что они имели под рукой источник «добровольных формирований отрядов крестьян, пришедших в состояние революции на почве аграрных отношений». Помещичьи земли захватывались, имения сжигались, ханы и помещики арестовывались и сажались в тюрьмы, крестьянская беднота вливалась в отряды Мамед-Таги-хана и производила налеты на правительственные войска, полицию и т. п. Но в такой форме малая война кончилась неудачно для повстанцев. Однако повстанчество не было задушено окончательно. Вооруженные силы

[1] Подполк. *Маскиннон*, Восстание племени Мопла, «The army quorterly» 1924 г. № 1 (январь).

[2] H. de Watterville, Waziristan 1919 — 1920, London, 1923.

повстанцев к 1925 г. сохранились в виде отряда Ибрагима-хана, скрывавшегося в дженгелях (в густых зарослях леса) в районе Фумен (Гилян). Ибрагим-хан вел агитацию среди крестьян о том, что шах продался англичанам, призывал их к неплатежу налогов помещикам и т. д. Отряды его облагали помещиков налогами в свою пользу и в пользу бедноты, задерживали некоторых помещиков, требуя с них выкупа, устраивали засады правительственным войскам или практиковали внезапные нападения на них, распространяли среди солдат воззвания о продажности офицеров и правительства и т. п.

В своем составе отряды Ибрагима имели: крестьян и солдат 36%, старых революционеров кучук-хановцев 38%, рабочих 14% и прочих 12%.

Крестьяне оказывали дженгелевцам помощь продовольствием, укрывали от властей, вели разведку и наблюдение за правительственными войсками и полицией, дезинформируя их о повстанцах, и давая возможность последним производить внезапные налеты на армию. Но в конце-концов движение все-таки было ликвидировано. Зато в 1926 г. начался ряд восстаний в армии — в частях северо-западной дивизии и восточной дивизии, с лозунгом — «борьба с буржуазией и монархией», выброшенным партией «Падаш». Районы восстаний были — Салмас, Хоросан и Гилян, то-есть почти те же, что и раньше.

Восстанием руководил Салар-Дженг, сподвижник Мамеда-Таги-хана по движению 1920 г. Сначала повстанцы имели отряд вооруженных в 400 чел. (гарнизон Морава-Тепе). Вынужденные форсировать свое выступление до назначенного срока восстания, они немедленно разослали письма-воззвания о присоединении к ним других районов. В воззвании писалось:

«Иранские рабочие, декхане и военные вышли из терпения вследствие буржуазно-помещичьего, монархического режима, под давлением которого находились. 26 июня мы восстали и стоим под честным красным знаменем. Желаем единства освобождения, но нас хотят раздавить».

Не ожидая прилива крестьян в Морава-Тепе, повстанцы двинулись в Бурджунард, усиливая по пути свой отряд за счет крестьян и солдат. Гарнизон Бурджунарда присоединился к повстанцам, увеличив их силы до 1 100 чел. при 10 пулеметах, а через несколько дней к ним присоединились крестьяне из сел, и отряд возрос до 1 600 чел.

После нескольких стычек с правительственными войсками повстанцы заняли Ширван и продолжали движение в Кучан, где произошел сравнительно большой бой, в котором войска правительства были разбиты и бежали в горы... Повстанцы, не разбрасывая своих сил и выделив один небольшой отряд на юг, продолжали держать главные силы в кулаке в районе Кучана.

Правительство применило тогда бомбометание с аэропланов (5 аппаратов, из которых три были английские, бомбы с английскими марками). Новые силы правительства подтянулись к Ку-

чанскому району и целый ряд боев обессилил повстанцев: у них осталось по 2 патрона на винтовку и около 1 000 на все пулеметы; нового притока огнеприпасов ожидать было неоткуда. Это обстоятельство вынудило их начать отход на Баджгиран, и в конце-концов около 680 повстанцев перешли границу Персии и были интернированы СССР. [1]

Наиболее интересный характер приняла малая война *в Ирландии* в 1919 — 1921 гг. Коллинс, один из руководителей повстанчества, в своей работе «The tactical unit of the volunteer system» писал: «Забудьте операции регулярной армии. Мы не штатные или близкие к ним линейные войска типа постоянной армии даже небольшого самостоятельного государства в Европе. [2] Если мы не поймем этого настоящим образом, то никогда не достигнем своей цели. Наша задача требует, чтобы мы были организованы, подготовлены и снабжены как *вооруженные разведчики*, чтобы мы были способны удерживать свои позиции активно как отдельная, самоснабжающаяся часть, имеющая все вспомогательные службы, которые требуются ведением боевых операций именно в *нашей* стране (применительно к нашим конкретностям). Помните, что мы рассчитываем в своей борьбе на добровольчество, взаимное доверие, естественный патриотизм для сознательной дисциплины и службы».

В это же время газета повстанцев «An t' Oglách» писала: «Наша обязанность — активно противостоять всяким попыткам правительства, работая как вооруженная, организованная и дисциплинированная часть, действующая по приказу своих руководителей во исполнение плана, тщательно разработанного нашим главным штабом. Но в критических обстоятельствах каждый доброволец должен знать и уметь защищаться. Его обязанность бороться до смерти, используя всякое средство — будь то нож, вилы, ружье или бомба, чтобы продать свою жизнь или свободу дорогой ценой правительству... Наша война есть суровая, безжалостная война».[3]

Насколько своеобразен был характер этой войны — показывают следующие факты: в апреле 1920 г., в ночь под Пасху, в Дублине, Корке и других местах Ирландии были сделаны почти одновременно

---

[1] *Шумяцкий, Б.*, Спорные вопросы новейшей истории Персии, «Рев. восток», 1927 № 1.

[2] Генерал Макреди, усмиритель ирландского повстанчества, в своих воспоминаниях говорит, что в Ирландии не было определенных объектов наступления и обороны, равно не было и линии фронта. «Солдат, оставляя свою казарму, мог быть подстрелен всюду и всякую минуту. Каждое лицо, встречающееся ему на улице города или на проселочной дороге, могло быть его убийцей, от которого трудно было укрыться в поезде, авто и др. Коммуникаций, как это мыслится в большой войне, в Ирландии не существовало. Все дороги были годны, но только для вооруженных обозов. Почта, телеграф, ж.-д. станции были полны мужчинами и женщинами, готовыми активно поддержать повстанцев или ввести нас в заблуждение. Даже в казармы наших войск под разными видами проникали агенты повстанцев. Вполне естественно, что, как только войска или полиция выступили на фронт, о движении их повстанцы были извещены заранее». Annals of an active life, by General the Right Hon. Sir Nevil Macready, London, vol II, pp. 533 — 534.

[3] Beaslai, Piaras, Michael Collins, vol. I, pp. 205—206, 209.

налеты добровольцев на все конторы, ведающие сбором подоходного налога в пользу английского правительства. Конторы были сожжены, все документы уничтожены; таким образом во всей Ирландии была на несколько месяцев нарушена вся работа по сбору подоходного налога.

В другую ночь было уничтожено 315 казарм войсковых частей. Это было сигналом для начала целого ряда нападений в целях возможно полного ослабления (complete collapse) английского правительственного аппарата в Ирландии.[1] Через несколько дней было сожжено и разрушено еще более 30 контор по подоходному налогу и 95 казарм, а также некоторое количество таможен, в том числе и в Бельфасте.

Помимо этого, волонтеры, организованные в небольшие отрядики, нападали на склады оружия, войсковые патрули, убивали шпионов, жандармов, захватывали банки, рвали связь, разрушали или портили железнодорожные сообщения, электрическую сеть и т. п.

С увеличением правительственных войск синфейнеры перешли к организации так называемых «летучих колонн» (flying columnes), которые чрезвычайно активно развили свои действия, в особенности в Лонгфорде и южной Ирландии. Это были небольшие части добровольцев, выделенные из каждого бригадного округа. Двигаясь вдоль границ своих округов, иногда пересекая район вдоль и поперек, колонны производили внезапные налеты на казармы, жандармов, войсковые части, устраивали засады и пр., пользуясь помощью местных добровольцев, крестьян и *всегда* контактируя свою работу с соседями. Иногда несколько таких колонн (по две, по три) объединялись для одной более крупной операции.

Сила таких колонн не была постоянной или штатной. Она часто изменялась в зависимости от задачи, численности, вооружения и активности бригадного округа, но никогда не превышала 30 чел. Такие колонны, находясь в движении, нанося вправо и влево удары противнику, постоянно преследуемые жандармами, шпионами и регулярными войсками, вели неослабную малую войну с безусловным успехом и упорством. Успех покажется еще более осязательным, если учесть, что на небольшой сравнительно территории были размещены регулярная армия в 50 000 чел. со всей современной техникой и около 15 000 жандармерии, не считая полицейских, шпионов и всяких других агентов добровольного сыска.

Конечно такая война, которую сам Коллинс называет гверильей, могла вестись только при активной поддержке населения. Добровольческие отряды, особенно летучие колонны, размещались по селениям и местечкам, пригородам и предместьям, крупным населенным центрам вроде Дублина, население которых с радостью давало повстанцам пищу и кров. Жители помогали добровольцам разведкой, наблюдением за противником, организацией транспорта, связи, заботой о больных и раненых, охраной некоторых складов и баз и многими другими службами, необходимыми для ве-

[1] Beaslai, Piaras, Michael Collins, vol. I, pp. 435, 437, 441.

дения малой войны. Этим и объясняется, что, когда напр. в ноябрьскую ночь 1920 г. в округе Корк одна колонна добровольцев попала в засаду и была окружена жандармами и полицией, для оттяжки сил противника были сделаны с целью поджога налеты на товарные склады в ливерпульских доках; поджог удался: им было уничтожено 70 складов. Одновременно с налетами были произведены нападения на несколько десятков казарм, постов и патрулей.[1]

В городах сформировали также небольшие летучие патрули, ежедневно нападавшие на крупные английские магазины, конторы, правительственные учреждения, склады, лавки наиболее крупных дельцов-англичан с целью парализования экономической жизни в центрах страны.

Патрули работали в городах, летучие колонны вне городов, но цель у них была одна — дезорганизовать государственно-экономическую жизнь на местах и не дать возможности быстро ее наладить притоком свежих сил и средств из Англии. Поэтому на ряду с названными отрядами выделялись особые колонны со специальной целью разрушения и порчи транспорта и путей сообщения. Работа в этом направлении сводилась к систематическому перекапыванию (взрыву) шоссейных и почтовых дорог, разрушению мостов, труб, виадуков, к устройству особых замаскированных на дорогах ям. Вдоль дорог делались канавы (окопы), служившие прикрытием при организации засад и не допускавшие продвижения грузовиков на сторону с дороги или объезда препятствий для обоза. Английское правительство для ремонта дорог высылало части инженерных парков с вооруженным прикрытием, которые часто попадали в засаду.

Правительственные войска, отлично снабженные и вооруженные винтовками, автоматами, пулеметами, артиллерией с броневиками, радио и пр. техникой, не могли однако ничего сделать с небольшими, подвижными и дерзкими отрядами волонтеров, вооруженных большей частью только револьверами и автоматическими пистолетами, иногда располагавших по полдюжине патронов на человека.

Более или менее значительных открытых боев добровольцы не принимали, разве только в исключительных случаях, поэтому современная боевая техника регулярной армии была бессильна в этой борьбе с нештатными, постоянно меняющимися в количестве и качестве группами повстанцев. С внешней стороны война состояла как бы из серии разрозненных, изолированных друг от друга, действий, сливавшихся однако во времени и пространстве в один поток последовательно развивавшегося национально-революционного движения масс. Основная цель всех операций повстанцев заключалась в том, чтобы обмануть, запутать и измотать противника, задержать развертывание его действий по подавлению повстанчества, дезорганизовать государственно-экономическое управление англичан и ослабить их контроль над Ирландией. Поэтому, когда Бальфур указывал на жестокость, бессистемность и «варварство» ирландских доброволь-

[1] Beaslai Piaras Michael Gollians vol II, pp. 96 — 98.

цев, упрекая их в «бессердечии» и др. грехах, — «An t'Oglách» в апреле 1921 г. ему ответила: «Мы будем вести эту смелую и дерзкую войну до тех пор, пока не добьемся своей цели, и пусть Бальфур сначала добьется вывода из Ирландии «культурных и выученных» жандармов, шпионов и войска, иначе мы будем продолжать свою войну со всей нашей энергией, решительностью, систематичностью и свирепой безжалостностью».

И война продолжалась. Дневник одной дублинской добровольческой бригады за май месяц 1921 г. показывает, что за месяц было совершено 97 различных боевых операций. Из них было 27 нападений на грузовики и платформы противника и 7 открытых боевых столкновений с войсками; захвачено и разрушено 23 военных склада, не считая значительного количества мотоциклов, велосипедов, телеграфных и телефонных аппаратов и др. военного снаряжения, взятого во время нападения на противника. Различных военных моторов уничтожено на 40 000 фунтов стерлингов, аэропланного имущества на 3 000 фунтов, уничтожено также несколько партий инженерных парков и взято 5 грузовиков полуброневого типа. За это же время было произведено 12 атак на казармы противника и несколько нападений на укрепленные форты, 6 раз была перехвачена почта (военная) противника и сожжено несколько таможен. [1]

А вот данные, приведенные в книге Макреди:

«30 марта 1921 года: убит кап. Лис, живший в отеле в Дублине; взрыв бомбы на улице Амьена в Дублине; захвачен грузовик около Дублина; застрелен капитан Гуд в районе Корк; вооруженное столкновение в Бельфасте.

31 марта 1921 года: полицейский патруль попал в засаду, один убит; атакован полуброневик возле сквера Маррион; спущен под откос поезд у Тюллэмора; налет на ферму Монаген; захват и поджог телефонной станции в Киллинэй.

11 июля 1921 года в Дублине: убит полицейский и экспроприирован магистрат; захвачен дублинский банк; атакована вооруженная охрана почты; ранены два констебля у Гулд Кросс; засада у Бэйлис-боруг; убит майор Коннор; нападение на военный патруль у Кастлей (из солдат 3 убиты и 3 ранены, у повстанцев убиты 4); убита мисс Диллон во время вооруженного налета у Клонмель; атака двух полицейских казарм у Ноббера и Гуртгеррибега; сожжен дом полковника Косби; атакована станция береговой охраны у Гринкестль; разрушен дом м-ра Тисдэл около Трайм»... [2]

Как видим, борьба велась довольно широко и ожесточенно. Не даром Денинг чрезвычайно боится повторения войны гверильи, правильно учитывая слабость методов борьбы с массой со стороны правительства и его войск. Отсюда и его горячее желание понудить всех заинтересованных в поддержании существующего капиталистического порядка к полному и всестороннему изучению опыта войны-гверильи в целях быстрой ликвидации подобных движений.

---

[1] Beaslai, Piaras, Muchael Gollins, vol. II, pp. 171 — 172, 222, 234 и др.
[2] Nevil Macready vol. II, pp. 549, 578.

Во всех приведенных примерах налицо уже новая черта малой войны по сравнению с периодом до мировой войны, а именно: здесь малая война явилась результатом массового движения населения или за освобождение от гнета своей (и конечно чужой) буржуазии, или за освобождение от гнета империалистов-иностранцев, то-есть малая война является средством борющихся классов, стихийно нарастающего народного (национального) движения. В связи с этим она локальна[1] (связана с определенной территорией и известной политической партией), как это было у племени Мопла или в Вазиристане, Марокко, Ирландии и т. д. Однако это создает для всего движения большие трудности. Господствующий класс, имеющий в своих руках всю полноту власти, государственно-принудительный аппарат, армию и полицию, прессу и науки, технику и искусства,— обыкновенно обрушивается на малейшее проявление повстанчества со стороны угнетенных классов всей своей мощью и репрессиями карательных и боевых органов. В результате слабые повстанческие попытки подвергаются разгрому, если повстанцы не находят своевременно целесообразных и гибких форм борьбы, если они чрезвычайно уплотняются в своей массе, привязавшись к определенному району, по существу обрекающему повстанцев на пассивность и предопределяющему близкое поражение их, так как это ведет к открытым боям,[2] где повстанцы-партизаны не могут соперничать с регулярной армией. Поэтому свобода от территории в современной малой войне для партизан играет всегда большую роль и является фактором, содействующим их успеху.

Здесь уместно вспомнить, что Германия, ведя малую войну на Востоке, в этом отношении была более независима от территории, чем другие страны. Ее отряды могли перебрасываться из Владивостока в Кантон или Индию, из Тяньтзина в Ханькоу или в западный Китай, из Гамбурга в Ярош или в Австралию и Америку и т. п. Правда, в данном случае немцы не связывали своей деятельности с движением масс, территорией того или иного государства, вступившего в освободительную войну со своими угнетателями. Они преследовали свои цели и лишь приспособливались в боевой практике

---

[1] В этом смысле характерна начальная борьба даже в пролетарских центрах, как напр., в средней Германии в 1921 г., когда «восставшие рабочие чувствовали себя как бы прикованными к своим заводам (отсюда и пассивность общего образа действия)». См. *Ринк*, Подавление восстания в средней Германии в 1921 г., «Военный зарубежник» 1922 г., № 12 — 13.

[2] Это положение не следует понимать в безусловном и категорическом смысле, что всегда и всюду открытые бои гибельны для повстанцев. Энгельс, как-раз приводит случай с испанским восстанием в 1873 г., когда повстанцам было выгодно выйти в открытое поле. Вот его слова: «Инсургенты были повсюду уже давно сорганизованы в батальоны добровольцев; правда, дисциплина у них была плоха, но наверное не хуже, чем у остатков старой, большей частью деморализованной испанской армии. Единственным надежным войском у правительства являлись жандармы, но они были разбросаны по всей стране. Восставшим нужно было бы прежде всего помешать сосредоточению жандармских отрядов, а этого можно было достигнуть, если бы восставшие действовали наступательно и рискнули бы выйти в открытое поле... Если они хотели победить, — другого средства не было». *Энгельс Ф.*, Бакунисты за работой, цитирую по изданию «Знания» 1906, стр. 26.

к окружающей обстановке, по существу не заинтересованные в разрешении местных вопросов борьбы, но использовывая для своих задач одинаково и «революционную» и контрреволюционную организации.

Ирландцам же, наоборот, пришлось маневрировать и приспособливать формы и методы малой войны к условиям небольшой территории культурного театра войны. Но нужно сказать, что это маневрирование проводилось ими блестяще. Начав примитивной импровизацией — в смысле отличия от регулярной и постоянной армии, ирландцы довели импровизацию малой войны до высокой виртуозности, систематичности, постоянной организованности и гибкости при высоком коэффициенте динамичности и полезной активности. Отсюда можно извлечь тот полезный урок, что малая война требует особого искусства всегда быть наилучшим образом готовым к действию, быть организованным всегда и на поле сражения, и в тылу, — словом везде, где нужно действовать и бить врага. Иначе разброд, несогласованность, медлительность во времени и пространстве сведут малую войну на-нет, поставив ее участников под топор врага, или в лучшем случае переведут ее на рельсы индивидуалистического кустарничества, мелочности и крохоборчества, никогда не достигающих целей. Малая война не требует массирования и централизации сил и средств, что наблюдалось напр. у персидских повстанцев, но согласованность децентрализованных усилий, общность замыслов, систематически проводимых в различных районах подвижными и неподвижными небольшими отрядами при учете всей динамики конкретной обстановки массовых движений,— необходимы для ведения малой войны, а следовательно, необходима и заблаговременная плановая подготовка ее, что особенно удачно было проделано у ирландцев и почти отсутствовало у Мопла, персидских повстанцев и др.

Таким образом за период мировой войны и после нее содержание малой войны, ее задачи, методы и средства шли по линии нащупывания и реализации союзников своего класса, раскола и разложения в противоборствующем классе, ослабления его сил за счет промежуточных слоев или нарастания своих сил за счет колеблющихся элементов, при умелом и искусном использовании национальных, религиозных и других интересов в тыловых районах врага и на фронте самой борьбы. Ирландские синфейнеры бьют по аппарату принуждения великобританского правительства, стремясь ослабить экономическую базу этого аппарата. Они группируют вокруг себя фермерское крестьянство, мелкую буржуазию городов (интеллигенцию) и отчасти пролетарские элементы, связываются с сочувствующей их идее национального самоопределения американской буржуазией, получая оттуда деньги и др.

В начале борьбы синфейнеры не располагали достаточными силами и материальными средствами, поэтому этот период носит характер отдельных выступлений, подкрепляемых повстанческими вспышками. Вовлечение в борьбу масс разбивает эту форму борьбы, связи борющихся ширятся и перерастают связи отдельных городов

и местечек, оболочка малой войны меняется. Малая война переходит в новую стадию своего развития, таящую в себе новые возможности вплоть до вооруженного массового восстания для свержения в Ирландии великобританского правительства, или же полного достижения своих целей.

На фронте малой войны в отношении СССР для империалистов пока ничего не остается кроме организации отдельных актов террора, всяческого материального вредительства социалистическому строительству, фальсификации восстаний всякими доступными им средствами. Поэтому их агентами являются только белогвардейцы, нэпманы, кулаки, попы всех мастей, и социал-фашисты всех оттенков милюково-дано-черновского типа. Конечно в этой области отдельные операции *могут вообще* перейти в широкое повстанчество, но в нашей конкретной обстановке данная возможность не переходит в *необходимость*, а следовательно не реализуется. Иными словами, здесь малая война выявляется только одной своей стороной, одним звеном цепи классовой борьбы, одним моментом процесса развития этой борьбы в СССР.

В колониальных странах малая война дает свои, ей присущие на данный конкретный период борьбы формы. У племени Мопла это выражается в уничтожении официальных представителей английского правительства и затем во всеобщем восстании, имеющем свои переходы. Угнетенные ищут помощи среди угнетенных же, и, когда не остается сил открыто сопротивляться, они рассеиваются в горах и лесах. Англичане в своей борьбе опираются на симпатии командующей верхушки этих племен — угнетателей, но более мелкой марки, чем сами они. Своим развитым государственным аппаратом принуждения, отличной боевой техникой они побеждают восставшие племена, однако не могут уничтожить действующих пружин борьбы (для этого англичане должны *самоуничтожиться*), которая продолжается до сего времени, но формы ее стали иными. Повстанчество снизило свои темпы и размахи...

В общем же малая война расширила свои рамки, переключившись из сферы армий на рельсы повстанчества, работы с политическими организациями для более полного использования ресурсов страны помимо войсковых. Партизанство, организуемое войсками, дополнилось партизанством повстанцев при одновременном развитии диверсий. Районы действий малой войны от ближних тылов фронтов передвинулись в более глубокие области стран, захватив даже нейтральные государства в соответствии с задачами нанесения материального или иного ущерба противнику и его истощения всякими средствами и способами. Партизанство войскового типа проявило тенденцию отхода на второй план (чему не мало способствовала позиционная война) перед партизанством, повстанчеством и в особенности перед диверсиями и индивидуальными актами агентурного порядка...

Организационные формы из чисто военных трансформировались в общегражданские с резкой тенденцией к засекречиванию и всяческому завуалированию, чтобы противник не разгадал оперативных

замыслов и не смог принять заблаговременно контрмер. Количество объектов, в связи с расширением задач, тоже увеличилось, но преобладающее значение стали приобретать объекты экономического порядка в противовес чисто военным. Сочетание военных задач с социально-политическими и экономическими стало базой всей практики малой войны, что в свою очередь вызвало крупные изменения в масштабе и характере малой войны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ КРАСНОГО И БЕЛОГО ПАРТИЗАНСТВА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1918—1921 гг.

Зарождение первых партизанских отрядов на красной и белой стороне в начале гражданской войны. Партизанство как орудие классовой борьбы. Постепенное развитие и расширение красного партизанства, его основные типы. «Зеленые». Белое партизанство как партизанство войскового типа. Задачи и деятельность белых партизанских отрядов. Типы красных партизанских отрядов и их задачи. Революционное повстанчество как новая и сложная форма классового партизанства.

Наиболее полно процесс изменений задач и форм «малой войны» выявился в нашей гражданской войне.

После Октября фронты «большой войны» — сплошные окопы, тяжелые массы армий с центральным руководством и т. д., — распались окончательно, и наши враги первыми перешли к легким отрядам, не связанным между собой в оперативном и организационном отношенииях, разобщенным большими территориями, но одинаково ненавидевшим советскую власть и стремившимся к ее уничтожению. От махровых черносотенцев-монархистов и кадетов до представителей проституированного социализма—эсеров и меньшевиков, вместе с чехами и в союзе с Антантой—все образовали единый фронт борьбы против рабоче-крестьянской власти, все взялись за оружие. Но в силу своей слабости,—как побежденные, но не сдавшиеся,—они должны были перейти к импровизации вооруженной силы, к организации отрядов, ударных групп, к налетам, набегам, взрывам изнутри, к подготовке восстаний, заговоров, так как не имели регулярной вооруженной силы, чтобы немедленно и без остатка уничтожить только-что зародившуюся советскую власть в Москве и Ленинграде. Отсюда малая война белых, их партизанская тактика в первые месяцы гражданской войны, их подвижность и «маневренность».

Царская армия была распущена. На смену ей рождалась новая классовая армия, тесно связанная с трудовой массой, но еще не выработавшая для себя ни норм организации, ни регламента действий. Белые, имевшие в своем распоряжении значительные офицерские кадры, могли создавать отряды только из остатков царской армии и методами той же армии; иных они не знали и не могли знать. Естественно, что их отряды по форме напоминали собой те партизанские части, о которых шла речь у Балка, Клембовского и др., то-есть части, выделяемые за счет армии. Однако природа этих отрядов была уже иная, так как отряды знали, что армии как базы — у них нет, войскового командования и правительства также

нет, поэтому базу приходилось искать только в антисоветских слоях населения, поддержкой которых можно было жить и за интересы которых следовало сражаться. Таким образом партизанство белых, создаваемое по армейскому типу, фактически уже вырвалось из сферы армии и должно было искать иных форм действия и иных источников своего существования.

Красная армия — орудие диктатуры пролетариата — создавалась и оформлялась от имени советской власти, имела государственное значение, но не имела установленного трафарета своей организации, а равно и нового военного аппарата в центре и на местах. При таких условиях она должна была создаваться в процессе самой борьбы за счет рабочих и крестьян, при помощи органов гражданской власти и партии, следовательно сразу же стать на иной путь своей практики, чем это было в царской армии.

Находясь в кольце империалистов и белой гвардии, Советская страна должна была держать сплошной фронт протяжением до 8000 *км*, что и для отлично организованной и снабженной регулярной армии было бы трудно, тем более это было тяжело для молодой Красной армии, не могущей вести большой войны. Поэтому мы также должны были обратиться к партизанству, приступив к организации — на ряду с красноармейскими частями — особых отрядов в помощь Красной армии, чтобы замедлить темп напора белой гвардии (в целях выигрыша времени) и ускорить развязывание революционно- классовых сил. Естественно, что эти отряды не могли быть отрядами чисто войскового типа, хотя они и выделялись на помощь Красной армии и работали с ней заодно, даже больше — были связаны с Красной армией. Сама организация отрядов, их снабжение и обслуживание, руководство — оперативное и политическое — были «самостоятельными», вне Красной армии, то-есть опять-таки основа всей практики была не войсковая.

Здесь же нужно отметить, что первые партизанские отряды появились до создания Красной армии, они организовались в результате необходимости революционной самозащиты на местах. [1] По-

---

[1] Интересно отметить, что известное сходство с этой местной самозащитой наблюдалось и в Турции после Мудросского перемирия. В 1919 г., когда в Турции не было крепкой регулярной армии (старая армия находилась в процессе демобилизации и разложения), началось хищническое наступление итальянцев в Адалию, французов в Сирию и Киликию, англичане оккупировали Месопотамию, греки высадились в Смирне. Турция по существу была безоружна, угроза раздела и превращения в колонию была для нее настолько велика, что правительство было бессильно что-либо предпринять одними своими средствами. На этой почве началось возглавляемое Мустафой-Кемалем-пашой активное национальное движение, результатом которого явилось создание на добровольческих началах «Армии национальной обороны». Эта армия имела в своем составе «...самые разнообразные отряды, действовавшие самостоятельно. В силу необходимости, турецкому командованию пришлось не отказываться от помощи даже разбойничьих банд. Действия этих отрядов являлись типично партизанскими (уклонение от постоянного соприкосновения с противником, налеты, выслеживание и истребление»... (Каратыгин). Эти партизанско-повстанческие отряды приняли на себя всю силу удара интервентов, давая возможность в то же время организовывать внутри страны регулярную армию «Великого национального собрания» и вынудив итальянцев и англичан оставить центральную Анатолию.

требности в вооруженной силе для классовой пролетарской войны были огромны. Красная гвардия не покрывала даже наполовину этой потребности, едва справляясь на наиболее ответственных участках центрального фронта советской власти. Враги были всюду, их деятельность,— правда не всегда и везде планомерно организованная, — бешено развивалась от центра к периферии. Поэтому в районах, крестьяне которых напр. имели земли по соседству с казачьими, или где контрреволюция, свергнув советы при помощи иностранного или белогвардейского штыка, приступала к ликвидации аграрных завоеваний Октября и т. п.,—стихийно, самостоятельно, в зависимости от силы угрозы контрреволюции, рождались партизанские отряды. Так, крестьянство Самарской и отчасти Саратовской губернии в 1918 г. выделило значительное число отрядов против белоказаков. Эти отряды, совершенно не имевшие у себя офицеров и вообще специалистов-военных инструкторов, успешно отразили натиск белого казачества — уральцев, обеспечив тем самым правый фланг восточного фронта до прихода туда сформированных частей Красной армии. Так же родилось партизанство в Сибири, на Украине (чтобы прогнать немецких и иных оккупантов и возвратившихся под эгидой их штыков местных помещиков и т. п.).

С внешней стороны между способами действий белых и красных на первый взгляд как-будто не было различий. Шкуро, Покровский, Мамонтов, Толстой, Дутов и др., обходя главное ядро красных войск, стремились нащупать их слабое место, прорваться в глубь тыла, разрушить железные дороги, сооружения, налететь на города или села, уничтожить аппараты власти, склады продовольствия и припасов, перерезать коммунистов и советских работников и их семьи, связаться с классово близкими элементами в тылу у красных — попами, кулаками, буржуазией, заложив там контрреволюционную ячейку для подготовки будущих восстаний и постоянного осведомления, навести террор на рабочих и крестьян, *найти новые источники питания контрреволюции* и уйти обратно в район своего первоначального пребывания. С другой стороны — отряды тт. Сиверса и Киквидзе на юге, Чапаева и Гая на Волге и Урале и др. также умели «выследить, уклониться, отбросить, обойти, разбить» противника по частям, пробраться в тыл белых, уничтожить транспорта и склады их, захватить обозы, лошадей, поддержать в трудной борьбе рабочих и крестьян тыла белых, связаться с ними, уговорившись для дальнейшей борьбы, *нащупать новые операционные линии развертывания революционной борьбы*, выведать точно состояние и намерение противника и снова отойти в родственные им районы.

Таким образом, партизанство являлось орудием классовой борьбы. На одной стороне — это было сильнейшее средство рабочих и трудящихся крестьян, одушевленных идеей разрушения ненавистного им государства насилия и эксплоатации, на другой — также не менее сильное средство отмирающего класса — помещиков и буржуазии, судорожно хватающегося за оружие в агонии предсмертного хрипа в целях сохранения эксплоатации трудящихся. Первые

имели широкую материальную и людскую базу в стране, вторые же, опираясь лишь на тонкий слой верных прежним хозяевам людей, остро нуждались в помощи извне.

На основе различия в социально-политических и материальных базах красного и белого лагерей, по мере расширения масштаба гражданской войны, создавались значительные различия и в самом характере и типе белого и красного партизанства.

Красное партизанство рождалось или стихийно (лишь потом втягиваясь в русло руководства партии) или же организованно под руководством ревкомов и других политических организаций и командования Красной армии.

Например во время мамонтовского набега, на основе директивы главного командования,[1] московским сектором (округом) была разработана «Инструкция по организации мелких местных партизанских отрядов», очень характерная для обстановки того времени. Эта инструкция предписывала ревкомам немедленно организовать мелкие партизанские отряды по 5 — 10 человек, «подвижных, легко скрывающихся и имеющих основной задачей непрерывно, настойчиво причинять неприятелю вред, постоянно беспокоить его, особенно ночью, утомлять и создавать вокруг него атмосферу грозящей отовсюду неуловимой опасности». Для создания сети таких мелких отрядов в качестве людского материала приказывалось брать союзы коммунистической молодежи, отряды особого назначения и вообще крестьянскую молодежь. Отряды должны были быть рассеяны вдоль вероятных путей наступления противника (железные дороги, шоссе и большаки) и следовать за противником при его передвижении.

Задачи указывались следующие: 1) истребление одиночек-казаков и мелких разъездов; 2) внезапное нападение на противника на рассвете с целью внести панику и разогнать лошадей; 3) нападение на казаков, когда они перепьются; 4) устройство ночных пожаров в селах, где ночуют казаки, внезапная ночная стрельба, поджог конюшен с казачьими лошадьми, телег и повозок с артснарядами; 5) внезапное нападение на слабо охраняемые обозы, причем имущество, использованное отрядами, должно уничтожаться; 6) порча мостов на шоссейных дорогах для препятствования кавалерии; 7) увод, потопление паромов и лодок и 8) присоединение к неприятельским отрядам под видом кулаков и белогвардейцев с целью сеяния паники путем ложных слухов, шпионажа, покушения на крупных командиров, взрыва артиллерийских припасов.

Дальше в инструкции писалось: «необходимо развить *широкую агитацию* в крестьянских и рабочих массах о способах борьбы с казачьими набегами (которые частью перечислены выше — *М. Д.*) и создать в массах твердую уверенность, что сотнями нападений многочисленных мелких отрядов можно довести неприятеля до полного бессилия. Необходимо, чтобы *массы*, имея пред собой примеры дей-

---

[1] См. директиву и указания т. Лашевича в книжке *Рымшана М.*, Рейд Мамонтова, август — сентябрь 1919 г., Гвиз, 1926, М., стр. 30, 32 и др.

ствий наших партизанских отрядов, *сами создавали многочисленные партизанские отряды*». Таким образом, инструкция отделяла работу агитации и пропаганды от боевой работы самих отрядов, возлагая первую на ревкомы, которые должны были тем самым помогать боевым операциям партизан, не ведущих самостоятельно политработы.

Такие отряды в оперативном отношении должны были действовать самостоятельно (руководствуясь этой инструкцией), без управления со стороны воинских частей, но поддерживая между собою связь. Они подчинялись ревкомам, которые *должны были* их использовать для целей разведки и своевременного получения сведений о противнике.

Характерна в этой инструкции организация сети мелких отрядов, типичных для подсобной исключительно боевой работы, противодействия мамонтовским казакам, против которых были высланы и армейские части под общим командованием т. Лашевича. Именно поэтому ревкомам предписывалось следить, чтобы мелкие местные отряды, «которые, подобно комарам, сильны своей численностью и подвижностью», не разбухали, не превращались в тяжелые и малоподвижные группы посредством слияния друг с другом, или посредством нового комплектования. В зависимости от указанного типа отрядов, условий боевой обстановки, размаха революционного движения и ставились оперативные задания. В инструкции обращает на себя внимание восьмая задача, как новая для малой войны, выдвинувшаяся лишь в последнее время. Подчеркивается, вполне справедливо и естественно в условиях того момента, необходимость для отрядов *своим делом* повлиять на массы для их вовлечения в борьбу. Все это означало, что комплекс действий, связанных с партизанством, теперь далеко выходит за пределы чисто военного дела, что малая война тесно переплетается с политикой и экономикой, она ближе к массам, ведущим революцию и борющимся со своим врагом, ближе к гражданским революционным организациям, чем к войсковым, почему и подчинение отрядов шло по линии ревкомов, а не командования красноармейскими частями.

Другое дело было на юге. Во время наступления немецких и гайдамацких банд в 1918 г. на Украине, когда еще не было создано крепкой Красной армии и борьба велась довольно разношерстными отрядами, «Верховный главнокомандующий всеми войсками Украинской народной республики» т. Антонов-Овсеенко приступил к организации уже иных партизанских отрядов для ведения «мужицкой войны». [1] Его приказом от 11 марта на имя т. Кожевникова предписывалось приступить к организации «партизанских отрядов и боевых дружин из рабочих и крестьян Советской республики южной России». На эти отряды и дружины возлагались задачи:

«1. *В тылу неприятеля*: Всячески терроризировать врага, портить пути сообщений, взрывая мосты, полотно шоссейных и железных

---

[1] *Антонов-Овсеенко*, Записки о гражданской войне, т. II, стр. 43.

дорог. Прекращать телеграфное и телефонное сообщение, разрушая линии и провода. Уничтожать все продовольственные запасы, все, что может послужить на пользу вражеских войск. *Доставлять* командующим войсками советских республик *точные сведения о количестве и расположении неприятельских войск. Дезорганизовать вражеские войска путем устной агитации и путем распространения литературы* среди гайдамаков и германских банд.

2. *В тылу войск республики южной* России: *Организовать боевые единицы* и направлять их в соответствующие части для пополнения действующих советских войск. Вести *широкую пропаганду* среди населения о необходимости всемерного сопротивления нашествию гайдамаков и германских империалистов, как несущих с собой кабалу рабочим и безземелье крестьянам».

II Всеукраинский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (17 — 20 марта) провозгласил, что трудящиеся Украины будут *бороться за восстановление советской власти* с буржуазными захватчиками «путем организации *партизанской борьбы*, забастовками, неуплатой налогов и всеми другими средствами, которые имеются в распоряжении рабочих и крестьян». А Народный секретариат еще в феврале в своем воззвании к населению писал: «организуйте свои партизанские отряды, рвите мосты, железные дороги, шоссейные дороги, увозите или уничтожайте при отступлении хлеб и все, чем могут поживиться голодные разбойничьи банды». [1]

Таким образом партизанство организовывалось одновременно и военными и гражданскими властями, действовавшими в полном единении; оно вырастало из повстанчества как средство борющегося класса, объединяя в себе и боевые функции, и разведку, и агитацию, и пропаганду, и организацию власти, причем город и деревня, рабочие и крестьяне были вместе, в боевом союзе против классового врага.

В Харькове была образована канцелярия «Главного комиссара по организации партизанской войны» — как организующего оперативного центра, куда стекались все доклады с мест и откуда места получали руководящие указания и инструкции.

Сразу же было выделено 5 *организационных* отрядов по 15 — 20 чел. в каждом, которые были направлены в уезды — Гадячский, Зеньковский, Полтавский, Сумский, Путивльский, Грайворонский, Лебединский, Ахтырский и Богодуховский. В уездах образовывались районные центры, которые в свою очередь спускались до волостей и крупных населенных пунктов. Так создавались боевые отряды партизан по волостям, районам, уездам, действовавшие то полностью, то разбиваясь по пяткам, то вновь собираясь в условном месте. Эти отряды и вели борьбу, сеяли панику, поднимали «мужицкое восстание», имея, так сказать, боевые части на фронте и резервные у себя в тылу.

Партизаны обыкновенно нападали на небольшие немецкие отряды, «спускали под откос эшелоны, вырезали и выжигали помещи-

---

[1] *Евгения Бош*, Год борьбы, стр. 178, 185 и др.

ков и кулаков, поддерживавших гетмана, и особенно жестоко расправлялись с карательными и реквизиционными отрядами».[1]

Для руководства и организации восстания ЦККП(б)у выделил «девятку» во главе с тт. Пятаковым и Бубновым. Они выделили из «девятки» «пятерку» или «головной повстанческий штаб». Часть «пятерки» работала на Украине, а ядро переехало в Курск, разослав сотни агентов по Украине для организации повстанческих партизанских отрядов и связи с уже существующими.

Как видим, это была совершенно самостоятельная организация, не связанная с войсковой (которая, кстати сказать, была в это время очень слаба), настолько дифференцированная и разветвленная, что имела отдельно свои боевые части, свои организационно-инструкторские и организационно-агитационные отряды, отдельные группы по разведке и связи, отдельные группы для разрушительной работы в тылу у врага, с самостоятельными складами и базами, разбросанными по всему району действий. При этом в отличие от мелких отрядов московского сектора, вопросы агитации и пропаганды и вообще вся политическая работа партизан Украины сливалась с боевой работой и проводилась самими партизанами, которые, борясь с врагом и нанося ему целый ряд мелких и крупных ударов, одновременно вели и работу политического характера (организационную и агитпропработу), создавая ячейки гражданской власти и принимая все меры к укреплению советов.

Численность отрядов была различна: от 10 — 20 чел. до 1 000—1 500 чел. Напр., отряд Петренко, состоявший главным образом из крестьян сел Александровки и М. Прага (до 1 200 чел.), предпринимал смелые налеты на немцев. Вечером 25 марта у Звенигородки он окружил и перебил немецкий отряд численностью до 1 500 чел.

В тылу у немцев также были губернские, уездные, районные и местные центры (штабы). «Каждая уездная организация должна создать уездный штаб (примерно, как штаб полка военного времени), то-есть каждая организация волости, мобилизовав свои силы, должна дать роту военного времени, а уезд—полк военного времени».[2] Военнопартизанские штабы находились в теснейшей связи с уездными ревкомами, в результате чего «не было деревни, где не имелось бы ревкома». Таким образом, партизанство опиралось на костяк политических организаций, а эти в свою очередь находились под руководством компартии. Головной повстанческий штаб в целях организации умело использовывал так называемую нейтральную зону (по договору между Украиной и РСФСР с обеих сторон границы тянулась на 20 — 30 *км* нейтральная полоса, в которую не имели доступа ни войска Рады, ни РСФСР), именно собирая там отступивших из Украины повстанцев и красногвардейцев и переотправляя их, а также снабжая оттуда оружием Украину. Напр., по словам

---

[1] *Примаков, В.*, Борьба за советскую власть на Украине. Сб. статей 1918 — 1923 гг., ВВРС., 1923, стр. 183.

[2] *А. Б.*, История одного партизанского штаба, сб., «Гражданская война 1918 — 1921 гг.», т. I, стр. 36.

т. Примакова из г. Почепа возле нейтральной зоны — 1-й Червонный казачий полк в течение $1\frac{1}{2}$ — 2 месяцев отправил таким образом 1 700 винтовок, 22 станковых пулемета, 1 500 ручных гранат и др. В возах с горшками, сеном, дровами и пр. это оружие было доставлено полтавским и черниговским партизанам.

На самой Украине работа по формированию, снабжению и общей организации партизанства велась через губернские, уездные и волостные революционные организации, чем и обусловливалось, что нарастание стихии, активизация населения, его организованность неизбежно направляли и регулировали деятельность партизан вплоть до отдельных террористических актов, вынуждали их учитывать конкретные факты текущего дня в целом крупном районе и, следовательно, вести свою работу более планомерно, выдержанно и твердо. Поэтому естественно, что в приказах партизанских штабов мы встречаем параграфы (в отличие от боевых приказов войскам) о необходимости, во-первых, «*всем военно-революционным организациям* немедленно прислать в центральный штаб командиров частей и надежных инструкторов с целью *учесть всю обстановку для принятия определенного решения*», а также делегатов для связи и др., во-вторых, призвать все революционные организации «строго придерживаться программы нашей партии (большевиков-коммунистов)» и не вступать в соглашение с буржуазией и соглашательскими партиями. Все это скреплялось лозунгами: «Да здравствует советская власть на Украине! Да здравствует Социалистическая федеративная российская советская Республика! Да здравствует социализм!»

Этим дальше и объясняется, что как-только партизаны перешли к активному выступлению против контрреволюционеров, представителей гетманской власти, доносчиков, шпионов и пр., то «крестьянская беднота, — как говорит т. *А. Б.*, — с сжатыми кулаками переносившая издевательства и насилие гетманщины, *удесятерила размах массового террора*; в громадном количестве сел и деревень началось поголовное истребление всех агентов гетманской власти и в течение короткого времени Нежинский уезд был очищен и от больших и малых насильников».[1] Кропивянский с несколькими тысячами повстанцев захватил Нежин, отряды Шмидта подняли восстание на Полтавщине, захватив Прилукский, Пирятинский и Лохвицкий уезды и нанеся несколько поражений немцам и гайдамакам и др. В дальнейшем логика борьбы или точнее нарастающего движения трудящихся неизбежно привела повстанчество к открытому вооруженному восстанию против немецких империалистов и гетманщины.,.

Кроме указанных типов партизан-повстанцев была еще одна их разновидность, так называемые, «зеленые». Среди «зеленых» необходимо различать шайки бандитствующих, шкурников, разные типы уголовной шпаны, не имевшие никакого отношения к повстанчеству, и группы крестьянской бедноты и рабочих, рассеянных

---

[1] *А. Б.*, История одного партизанского штаба, сб. «Гражданская война 1918 — 1921 гг.», т. I, стр. 42.

белыми или интервентами. Именно эти последние элементы, оставляя насиженные, родные места, уходили в горы и леса (на манер «лесных братьев» в 1905 г. в Латвии и на Урале) и, не имея никаких связей ни с Красной армией, ни с партийной организацией, самостоятельно организовывали отряды с целью нанесения вреда белым при каждом удобном случае. В зеленые шли также красноармейцы, бежавшие из плена белых. Такое «зеленое» повстанчество наиболее мощно развилось в Черноморье, Крыму, Полтавщине и др. районах.

По словам т. Фавицкого [1] крестьяне Черноморского района, уклоняясь от мобилизации в армию Деникина, уходили в леса и горы. К ним присоединялись солдаты, насильно мобилизованные белыми, кубанские казаки — понявшие сущность деникинщины, красноармейцы бывшей Северокавказской армии, интернированные Грузией в конце 1918 г. (после разгрома советской власти на Тереке) и др.

Имея вначале небольшие группы — в 5 — 10 — 20 чел., «зеленые» сформировались довольно быстро в отряды по 60 — 70 вооруженных и затем, меньше чем через два месяца, в самостоятельную «зеленую армию», насчитывавшую до 12 000 бойцов, имевшую 14 отдельных батальонов, по 450 штыков в каждом, рабочие отряды, отряды особого назначения (коммунистические), ряд партизанских отрядов на территории Кубани. Эта «зеленая армия» имела свою твердую организацию, снабжение, транспорт, связь, санпоезда, госпиталя, политотдел, три периодических издания («Фронтовик» и «Освобождение» в Туапсе и «Черноморский крестьянин» в Сочи) и гражданский аппарат управления в занятых ею областях.

Начав свои действия с порчи проводов, нападений на транспорты, мелких стычек, засад и дерзких налетов по тылам белых, «зеленые» приступили затем к организации вооруженного восстания в Черноморье и к открытому наступлению против белых, ускорив тем самым падение деникинщины. Целью их действий было: «как можно *больше помощи* советской *Красной армии*, как можно *больше вреда Деникину*, возможно скорейшее соединение с Красной армией и Советской Россией».

В Крыму в «зеленые» уходили помимо крестьян и рабочие, напр. железнодорожники, которые, скрываясь в горах и лесах между Симферополем и Севастополем, объединились в малые отряды и сразу же принялись за боевую работу. Сначала она выражалась во взрывах стрелок на станции Симферополь, разрушении моста через р. Альму (единственный путь, соединяющий Севастополь со всем полуостровом) и т. п. Затем по мере увеличения сил начались налеты на склады, станции железных дорог, небольшие отряды белых, нападения на города, захваты, засады для войсковых частей противника и др. Тов. Сеф характеризирует работу «зеленых» в Крыму следующим образом: «Деятельность их сыграла чрезвычайно большую положительную роль, оттягивая с фронта части и являясь на теле

---

[1] «Зеленая армия в Черноморье, «Пролетарская революция», 1924 г., № 8 — 9 (31 — 32).

белой армии болезнью, совершенно неизлечимой, с которой командованию бороться было не под силу... Будучи не в силах бороться, командование нервничало, переоценивало силы партизанских отрядов, считая количественно партизан в тысячах, в то время как их было *несколько сотен*. А обыватель приумножал эти мифические тысячи в десятки тысяч, и гуляла по городам Крыма легенда о громаднейшей армии красно-зеленых с артиллерией и пулеметами» и т. д. и т. п. [1]

Указанное красно-зеленое повстанчество, самостоятельно возникая в тылах белых, в конце-концов связывалось с партийными организациями и получало от них руководящие директивы, иногда оружие, припасы и пр. Но даже без связи с партийными организациями их деятельность расшатывала всю организационную систему белых — как военную, так и гражданскую, поднимала рабочих и крестьян, отбирая из них боевые кадры, — самим ходом своих операций вовлекая их в более активную борьбу вплоть до вооруженного восстания...

Таким образом, как правило, красное партизанство во время нашей гражданской войны организовывалось партией и командованием Красной армии, гражданскими организациями и самим населением, восставшим против своих угнетателей. Красные партизаны имели районом действия весь тыл противника, его фланги и фронт и партизанили в форме набегов, поисков, массового террора, восстаний, разведывательных действий и т. п.

В отличие от красных, белые организовали свое партизанство исключительно через военное командование. При этом в качестве партизанских отрядов они использовали свои войсковые единицы, которые при благоприятной обстановке пускались в набег или рейд, преимущественно на наши фланги или ближний тыл. Таковы были действия уральских казаков: особенно удачен их набег в 1918 г. на полк «Красная звезда» в с. Рахманиха, Пугачевского у. (полк, только-что сформированный в составе около 2 000 бойцов, был захвачен врасплох и почти целиком уничтожен — часть красноармейцев была зарублена и расстреляна, часть потонула в реке, а часть уведена в плен) или набег полк. Мартынова на тылы 4-й армии в июне 1918 г. на хут. Зелененький и ст. Шипово и др. [2] Таковы же действия кубанцев, напр. захват у ст. Медведовской отрядом ген. Маркова бронепоезда красных в 1918 г.; набеги с эстонского фронта отрядов Даниловых (захват ген. Николаева)[3], набеги Покровского [4], Шкуро,

---

[1] «Партийные организации Крыма в борьбе с Деникиным и Врангелем». «Пролетар. революция», 1926 г., № 10 (57). Ср. проф. *Н. Н. Алексеев*, Из воспоминаний. «Арх. русск. рев.», изд. Гессена, т. XVII, Берлин, 1926 г.

[2] *Кутяков, И.*, С Чапаевым по уральским степям, Гиз. М. 1928, стр. 66 — 67 и др.

[3] О белых партизанских отрядах и их действиях на эстонско-латышском фронтах см. *Надежный Д.*, На подступах к Петрограду. Гиз., М., 1928 г.; любопытную статью *Зурова Л.*, Даниловы. «Белое дело», кн. 2, изд. «Медный всадник», Берлин, 1927; *Родзянко А. П.*, Воспоминания о северо-западной армии, Берлин, 1920.

[4] См. описание его налета на ст. Георгие-Афинскую в январе 1918 г. в книжке *Леонтовича В.*, Первые бои на Кубани, изд. «Молодая Россия», Мюнхен, 1923, стр. 46 — 54.

Улагая, Каппеля, врангелевцев, Мамонтова, отрядов Юденича, финских групп и др. В воспоминаниях белогвардейцев (зарубежные издания) в этом смысле имеется достаточно материала, правда не всегда объективного, но при критическом подходе к нему удовлетворительного для исследования при сопоставлении его с нашими данными и другими источниками.

При организации партизанства белые конечно искали себе родственных элементов в населении, чтобы иметь поддержку своим войсковым отрядам. Генерал Родзянко, представитель оголтелой помещичьей реакции, во время юденичской операции в 1919 г. пробовал обработать крестьян, создавая институт уездных и волостных комендантов, приказывая закреплять за помещиками их земли, но не мог добиться симпатий населения, если не считать благодарственных подношений и адресов со стороны тех же помещиков.

Булак-Балахович уже стал умнее и решил опереться на «честного, хозяйственного и распорядительного» мужика.[1] «Кто хочет властвовать в России, должен опираться на мужика» — говорил он, а в прокламациях к крестьянам писал: «Крестьяне, мы идем укрепить за вами земли, хлеб и свободу. Крестьянин будет у нас первым хозяином земли и на почетном месте», подписывая такие прокламации как «атаман крестьянских партизанских отрядов». [2] В Гдове и Пскове он создает «общественные гражданские управления» и от имени этих назначенных органов сразу же запрещает отбирать у крестьян помещичьи земли, скот и инвентарь.

Крестьянство названных районов, защемленное в это время тисками голода при опустошенном рынке и отсутствии всяких приработков, при слабости низового советского аппарата, почти полном отсутствии коммунистических ячеек на местах, постоянных мобилизациях и фронтовой сумятице, вначале было пошло за Булак-Балаховичем и другими агентами белогвардейщины, но вскоре же убедилось в своей ошибке, и Родзянко в своих воспоминаниях должен был констатировать, что: «когда двигаемся вперед — крестьяне встречают с распростертыми объятиями; идем дальше, а в нашем тылу те же крестьяне в отместку режут наши провода», при отступлении же белых население стреляло им в спину и т. п. [3]

Изредка белые отправляли в тыл красных своих военных агентов-инструкторов для организации там — в родственных им селениях — отрядов или точнее — их мобилизации. Такие отряды вместе с организаторами пробирались потом на соединение с основным ядром армии.

В апреле 1918 г., когда Добрармия отступила из ст. Павловской в ст. Мечетинскую, войсковой атаман командировал члена рады — казака Ковгана, с пятью черкесами из дивизии генерала Улагая

---

[1] *Иванов Н. Н.*, О событиях под Петроградом в 1919 г., изд. «Русское творчество», стр. 58, Берлин.

[2] Там же, стр. 49 — 50.

[3] *Родзянко А. П.*, Воспоминания о Северо-западной армии, стр. 80 и др., Берлин, 1920, *Маргулиев М. С.*, Год интервенции, кн. 2, стр. 166 и др., изд. Гржебина, Берлин, 1923.

в станицу Старо-Леушковскую, в тыл красных. Эта довольно зажиточная станица, родина Ковгана, была известна непримиримым отношением к советской власти; в ней было припрятано оружие, принесенное с фронта мировой войны

Ковган прибыл в ст. Старо-Леушковскую и после митинга, устроенного им (представители советской власти были предварительно захвачены и казнены), объявил от имени атамана кубанского казачьего войска мобилизацию казаков.[1] Ему удалось мобилизовать небольшой отряд, около полутора сотен человек — конных и пеших, которые и выступили с ним на соединение с Добровольческой армией. Насколько мобилизованные были мало расположены к боевой работе, показывает факт, рассказанный тем же Ковганом. Отряд прошел спокойно только сутки, и Ковгану донесли, что мобилизованные ропщут и поговаривают об обмане их, так как нигде не встречают сочувствия и не замечают следов Добрармии. Тогда Ковган приказал наиболее надежным черкесам возвратиться к ст. Павловской и оттуда открыть из винтовок стрельбу по всей колонне вверх и «донести о неприятельских разъездах в тылу». Черкесы поручение выполнили удачно и... «всем было понятно, что обратно итти нет возможности, а только вперед»...

Вполне естественно, что подобные отряды не могли иметь ни силы, ни стойкости, ни вообще большого желания действовать по-партизански, где требовалась смелость, дерзость, находчивость, упорство и выдержка. Изолированные от населения, они должны были крепко держаться за свою базу — армию, составляя с ней неразрывное целое, и конечно, с трудом отрывались от нее, не имея охоты уходить в глубокие тылы красных и, в особенности, оставлять свои родные станицы. Поэтому сила партизанства белых была всегда локальна и играла некоторую роль только в первые периоды организации советской власти и Красной армии.

Правда, в 1920 г., в период подготовки врангелевского десанта, на Кубань было выброшено изрядное число белогвардейских агентов, которые «умели находить большой приют в гражданских учреждениях» и, особенно в рядах советской милиции, предназначенной часто для борьбы с заговорщиками и мелкими повстанческими отрядами. Они, проникнув в советские учреждения, «работая» там, играли в отношении советской власти роль провокаторов и всячески стремились подорвать авторитет Советской республики в глазах населения, производя самочинные реквизиции, конфискации, отличаясь жестокостью и пр.[2] На этой почве произошло потом образование партизанской армии ген. Хвостикова, которая однако дальше района — от ст. Тоннельной — нижнее течение рек Проток и Кубань до Карагаева включительно — не пошла и быстро выдохлась, так как население при близком знакомстве с

---

[1] *Ковган П.*, Записки неуча, изд. «Вольное казачество», т. I, стр. 158—165, Харбин, 1927.

[2] *М. К. М-д*, К истории противодесантной операции 9-й кубанской армии в 1920 г., сб. трудов отд. ВНО при ВАК 1921 — 1922 гг., т. II, стр. 43—44.

советской властью поняло — кто защищает его интересы: белые партизаны ген. Хвостикова или Красная армия...

В противовес белым мы имели красноармейские части и совершенно самостоятельные партизанские отряды нескольких типов с различными задачами и формами своих действий. Это были:

1. Отряды, выделенные армией для набегов или рейдов в тыл противника. Такие отряды были довольно значительны, преимущественно конные с артиллерией и посаженной на повозки пехотой; таков был рейд червонных казаков во главе с т. Примаковым, рейд 8-й кавалерийской дивизии[1] или набег Буденного на станицу Великокняжескую в марте 1919 г. и др.

2. Отряды, сформированные губернскими революционными комитетами или уездными революционными комитетами из крестьянской молодежи — членов комсомола, партийной организации и др.— и подчиненные через особых начальников гражданским организациям. Такие отряды были небольшими по составу — пешие и смешанные, но всегда без тяжелого оружия.

3. Отряды особого назначения, формируемые также губревкомами. Главная цель их была — шпионаж и провокация среди войск противника, а также террористические акты против белогвардейских командиров. Отряды вербовались исключительно из партийцев, лишь в крайних случаях из сочувствующих или беспартийных, но безусловно преданных советской власти. Такие отряды были всегда пешими и насчитывали от десяти и до двадцати человек.

Партизанские отряды формировались не только на фронте или в районе, занятом противником, но и в глубоком тылу наших войск, вне сферы влияния противника и соприкосновения с ним. Подобные отряды заблаговременно изучали район своих возможных действий и завязывали необходимые связи среди населения, создавая таким образом благоприятные условия для последующих своих действий в случае приближения противника или его вторжения в данный район. Они заранее имели организацию подпольных партизанских ячеек в волостях, складов оружия и взрывчатых веществ, явок, связи с ближайшими ревкомами и парторганизациями. Свою работу партизанские отряды вели с таким расчетом, чтобы в случае вторжения противника иметь на своей стороне население и служить ядром для организации восстаний против белых.

В период сближения с противником, во время действий совместно с гарнизоном важных пунктов и действующими частями Красной армии, отряды выполняли задачи: а) разведки, б) связи между ревкомами, гарнизонами и частями Красной армии, в) борьбы с разведчиками, лазутчиками и шпионами противника, захвата посыльных и курьеров его и пр., г) устройства засад в лесах, на дорогах, в деревнях и селах, где вероятно прохождение и остановка противника,

---

[1] *Микулин В.*, Рейд 8-й кавдивизии, «Рев. и война», 1922 г., № 16; *Примаков В.*, Рейд червонных казаков, Сб. тр. ВНО, кн. 2. 1922 г.; *Косогов Н.*, Участие конницы в партизанской войне, Гиз, 1928, стр. 63 — 67 и др.

д) внезапных нападений на отряды и разъезды противника, е) распространения ложных слухов и т.п., чтобы не давать противнику покоя ни в движении, ни на отдыхе.

Если противник овладевал районом действий партизанского отряда, последний оставался в этом районе и действовал скрытно, переходя с места на место, меняя одежду, внешний вид и заметая всякими способами свои следы. В этом случае партизаны ставили себе целью нанести противнику возможно больше вреда (материального), создать у него в тылу беспорядки и замешательство, испортить его важные пути для прекращения подвоза к фронту продовольствия, снаряжения и отвлечь возможно больше его сил для охраны тыла. Объектами действий были: железные дороги, искусственные сооружения на шоссейных и грунтовых путях, телеграфные и телефонные линии, этапные пункты, склады продовольствия, фуража, обмундирования, снаряжения и оружия, обозы, транспорты и парки, средства связи, отряды белых и населенные пункты.

Партизаны по возможности не теряли связи с Красной армией, давая ей своевременно сведения о противнике и о себе посредством особых лазутчиков, посылаемых через фронт.

Находясь в тылу противника и постоянно беспокоя его путем засад, нападений, распространения ложных и провокационных слухов, партизанские отряды должны были кроме того организовывать восстания трудящихся, создавать враждебное к противнику отношение со стороны населения, терроризовать войска противника, особенно видных руководителей белой армии и вообще ее командный состав.

Все подобные партизанские отряды, несмотря на различные методы их организации и управления ими, находились по существу на военном положении и получали содержание распоряжением уездных революционных комитетов как красноармейцы, согласно приказа РВС республики за № 1000. Провиантское и приварочное довольствие они получали при тех ревкомах, войсковых частях, военных учреждениях и заведениях, в местах расположения которых они находились. В случае отсутствия указанных организаций в пунктах своего расположения партизаны довольствовались собственным попечением, получая от уездных революционных комитетов денежное довольствие по расчету красноармейского пайка. Поэтому такие партизанские отряды мы называем *партизанами войскового типа*, как созданные самой армией, или ревкомами на помощь армии, для поддержания с ней связи в моменты ее операций.

Эти партизанские отряды особенно развились в первый период организации и укрепления Красной армии. С ее окончательным оформлением партизанские отряды стали исчезать как самостоятельные единицы и вливаться в армию. На фронтах, в боевой обстановке, выделялись иногда свои партизанские отряды, создаваемые уже по чисто войсковому типу, по армейским штатам для набегов в тыл противника в зависимости от оперативных соображений армии или фронта...

Партизаны войскового типа в соответствии со средствами армии

использовывали и армейскую технику, как авиацию и пр. Авиация выполняла задачи:

1) разведки объектов, подлежащих порче или уничтожению со стороны партизан, районов, намечаемых для набегов с аэрофотосъемками и бомбометанием, 2) связи с армией, гражданскими и партийными организациями, 3) доставки партизанам подрывного имущества, материалов, боевых припасов и др., 4) перевозки агитаторов, агитлитературы и ее распространения, 5) охраны партотрядов действием против живых целей противника и его техники, выполнением демонстраций с целью отвлечь внимание противника от действительного местонахождения партизан (напр. снижением в других местах якобы для связи) и др. и 6) совместных с партизанами боевых действий по разгрому противника и его сил.

В качестве иллюстраций можно указать следующие факты.

На стороне белых — обслуживание партизанских отрядов, действовавших в тылу красных в верховьях Дона из Новочеркасского района полетами полковника Веселовского весной 1919 г. (он выполнял свои полеты на аэроплане типа «Бранденбург» со 175-сильным мотором, см. журнал «Наша стихия», орган врангелевской авиации); обслуживание связи отряда генерала Мамонтова при набеге его летом 1919 г. с главными силами армии генерала Деникина (во время этой операции произошел случай вынужденной посадки белого летчика в расположении Красной армии, по документам этого летчика нам удалось установить дисповицию белых и успешно использовать эти данные) и т. п. *На стороне красных* — полеты из «Саренской боевой воздушной базы» к отрядам красных около Мугани и на Каспийском побережье при обороне Баку в 1918 г., аналогичная работа при действиях против чехо-словацких банд в районе Волги, в борьбе с басмачами и др., на основании чего в «Наставление по применению авиации» (изд. 1919 г.) Красной армии было внесено подробное указание о порядке обслуживания авиацией связи партизанов с главными силами, что в старых наставлениях совершенно отсутствовало. Рассеивание вооруженных сил противника пулеметным огнем и бомбометанием (преимущественно фугасными бомбами) очень удачно было произведено красными летчиками совместно с действиями партизанских отрядов в марте 1919 г. в районе Сызрани, а также в июне того же года в районе Балашева против «зеленых» и пр.

В настоящее время авиация широко применяется империалистами для поддержки отрядов, в особенности попавших в тяжелое положение. Так было в целом ряде операций малых войн в Марокко, Сирии, Месопотамии и др. Сводка британского военного министерства от 20 сентября 1920 г. сообщала: «Воздушная разведка над Куфой заметила написанную на крыше просьбу прислать табаку и папирос»... Сводка от 24 сентября того же года гласила: «Один из наших аэропланов, сбросив провиант на оборонительное судно «Гринфляй», стоявшее на мели на Евфрате, был сбит туземцами»... В 1917 г. английский отряд, окруженный противником в Кутэль-Амаре, получал продовольствие путем доставки его на аэропланах. Такими же были действия японской авиации при подавлении в 1920 г. восстаний на

острове Формоза и действия французских летчиков в Марокко и англичан в районе Багдад — Фелуджа против племени Зоба и др.[1]

Партизанство войскового типа использовало и водные средства. К таким партизанским набегам мы относим операции английских минных катеров в 1919 г. в район Кронштадта с потоплением нашего крейсера «Олег» и налетом на самую кронштадтскую гавань с целью взрыва военных судов — «Андрея Первозванного», «Петропавловска», «Помощи Азова» и «Рюрика»,[2] действия наших речных флотилий на Волге, Амуре и др.

Партизаны войскового типа все свои действия приурочивали к периодам оперативной практики сторон, исходя из замыслов высшего командования. Поэтому задачи партизанства были неодинаковы на период мобилизации и на время наступательной операции или обороны, точно так же и средства подбирались в зависимости от индивидуальных задач в помощь армии и ее материальных ресурсов.

Помимо партизан войскового типа были еще иные партизаны, рождавшиеся стихийно или организованно, но как результат *повстанчества* масс против власти. Они не имели никакой связи с армией, в первые моменты существования у них не было организаций гражданской власти, иногда не было никакой связи с партийными органами. Восстающему населению необходимо было иметь вооруженную силу для самообороны от «набегов» властей и для дальнейшего развития и закрепления своего влияния в массах. Поэтому такие отряды всегда создавались в тылу воюющих и производили большое впечатление на сражающихся, внося в борьбу новый элемент социально-политического характера, иногда решающий для внешних боевых фронтов. Такие отряды мы называем партизанскими отрядами повстанческого типа, так как задачи, формы и методы их практики отличаются от партизанства войскового типа.

Теоретически можно утверждать, что повстанчество должно иметь ясно выраженную классовую позицию и быть революционным или контрреволюционным, пролетарским или кулацко-бандитским, как это и было отчасти в нашей гражданской войне, например повстанчество тамбовщины, махновщины и др. Но практика подтверждает, что жизненным бывает лишь то повстанчество, которое опирается на основную массу трудящихся — рабочих и крестьян, иными словами повстанчество восходящего класса и его авангарда. Только такое повстанчество имеет будущее, оно и должно рассматриваться как основное, длительное и постоянное явление социально-политической борьбы. Отдельные контрреволюционные вспышки, конечно, могут иногда оказать то или иное влияние на исход операции борющейся стороны, но не они «делают погоду» войны, они случайные элементы,

---

[1] См. *Яцук А.*, Помощь авиации действиям партизанов, ВВРС, 1921; *М. Фаусек*, Авиация на Ферганском фронте в 1919 — 1922 гг., «Вестн. возд. флота» 1922 г., № 14, М.

[2] John S. Thornycroft, A short history of the Revival, of the Small torpedo Boot (C. M. Bs., Coostal motor boots) during the Great War and subsequently in the Kronstadt, Archangel and Caspian sea expeditions of 1919, London, 1920. Ср. *Агар*, Морские операции в Балтийском море, «Journal of the Royal Service Institution», ноябрь 1928.

лишь сопутствующие борьбе восходящего класса, и могут быть и не быть в таких именно формах. Махновщина вовсе не обязательное явление для нашей гражданской войны, или во всяком случае она могла бы принять иные формы, если бы не было немецкой оккупации и пр. Антоновщина, роговщина и др. проявления крестьянской стихии, подогретой кулаками и белогвардейцами, не были похожи на махновские боевые формы; кулацкие восстания в Пугачевском у. по сравнению с первыми были совершенно невинны. Сызрано-Сенгилеевское восстание в связи с наступлением Колчака было окрашено под «советский» цвет, ничуть не соответствующий характеру типового контрреволюционного восстания и отличный от антоновщины, роговщины и др.[1] Как известно, все такие вспышки не могли разгораться широким пламенем и сравнительно быстро гасли. Это были лишь эпизоды нашего Октября, последыши вооруженной силы издыхающей буржуазии, не оказавшие никакого влияния на исход разбитой контрреволюции.

Таким образом, в конечном счете мы должны констатировать, что малая война в период гражданской войны вылилась главным образом в форму партизанства или точнее—партизанство поглотило собой малую войну, выявившись в двух видах: партизанстве-повстанчестве и партизанстве войскового типа.

Первое организуется вне армии и без ее помощи самим населением или партией (нелегально), второе—только армией, которая высылает партизан для боевых действий в связи с операциями войск; армия снабжает партизан и боевой техникой — оружием, взрывчатыми веществами, патронами, деньгами и пр. Повстанцы сами «творят» свою технику или с боем отбирают ее у врагов. Они действуют всюду, имеют свою особую организацию, свою тактику, обусловленную организацией и тактикой общеповстанческого движения, в то время как вторые действуют в ближнем тылу или на флангах противника, на основании своей боевой подготовки, уставной выучки, военной дисциплины, имеют войсковые организационные штаты — отделение, взвод, батальон или эскадрон, дивизион и т. п.

На практике первое и второе могут переплетаться, взаимно дополнять друг друга или сливаться в одно целое, образуя единый фронт борьбы или на стороне вооруженной эксплоатации, или против нее. Однако основным видом партизанства в гражданской войне,—а значит и в будущей войне,—нужно признать партизанство-повстанчество организованного типа, так как оно покрывает собой партизанство войскового типа.

В дальнейшем мы будем иметь в виду главным образом революционное повстанчество, кулацкие же и другие бандитские движения—постольку, поскольку это будет нужно для освещения и детального анализа революционного повстанчества, причем ввиду обширности проблемы мы посвятим ей особую главу.

---

[1] *Гусев С.*, На внутреннем фронте, «Военная Мысль», изд. ВЦС Востфронта, 1919. № 3.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОВСТАНЧЕСТВО ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918—1922 гг.

Сибирь и Урал — главные очаги революционного повстанчества. Политическая характеристика повстанчества. Крестьянская стихия и ее колебания. Параллели из опыта повстанческих движений в Мексике и Китае. Повстанчество чисто крестьянского типа и повстанчество, руководимое рабочим классом и его партией. Приморское повстанчество как образец последнего. Политические, организационные и тактические особенности приморского повстанчества в сравнении с повстанчеством чисто крестьянского типа.

Наибольшего размаха партизанство-повстанчество достигло на Урале и в Сибири. Методы малой войны начали применяться здесь одновременно и белыми и красными. Но особенное развитие они получили на стороне красных во времена колчаковщины и французско-японско-американской интервенции. Ставшее здесь преимущественно формой малой войны партизанство-повстанчество назревало и развивалось стихийно от организаций обороны («сопротивления контрреволюции и интервентам»), отдельных мелких актов и дошло до открытой вооруженной борьбы на больших фронтах с регулярными частями противника с применением окопов, искусственных заграждений и т. п. и ярко выраженных наступательных операций при помощи тысячных отрядов.

В целом партизанство-повстанчество: 1) связывалось с массовым революционным движением рабочих и крестьян и носило в основном ярко выраженный классовый характер; 2) ставило задачей борьбу за советскую власть против буржуазии—русской и иностранной; 3) имело целью не только нанести вред и ущерб врагу (малые уколы), но и уничтожить его или точнее свергнуть его иго и добиться полного освобождения территории для беспрепятственного строительства трудовой социалистической жизни; 4) считало себя лишь вспомогательным средством в общереволюционной борьбе за советскую власть, авангардом Красной армии и компартии, или, как говорят т. Ильюхов и Титов в своей книжке: «Политически партизанское движение было связано в одно целое с пролетарской диктатурой, советской Россией, и оно было сильно своей связью с социалистической революцией. Партизаны должны были играть роль *лазутчиков*, передового отряда Красной армии, действующего в тылу противника». [1]

Сучанские партизаны на первых же порах своей деятельности

[1] *Н. Ильюхов* и *М. Титов*, Партизанское движение в Приморье, стр. 52.

выпустили прокламации к крестьянам следующего содержания: ...« Вот уже неделя как восставшие против белогвардейщины и интервенции красные партизаны выдерживают бешеный напор банды генерала Смирнова... Мы восстали потому, что страстно хотим *помочь нашей Советской стране свергнуть палача Колчака, восстановить Советскую власть в Сибири и на Дальнем востоке* и прогнать интервентов. Помогите нам. Организуйте партизанские отряды, идите в бой с нашим вековечным врагом... Да здравствуют Советы! Долой палачей! Ни пяди не уступайте завоеваний революции». [1]

Канские партизаны Енисейской губ. в своем воззвании от 19 января 1919 г. писали: «Мы крестьяне, пережившие весь ужас произвола, наступившего в настоящее время, взялись за оружие для *свержения господства капитала и его прислужника—изверга Колчака*, объявившего себя единоличным правителем Сибири. Мы обращаемся ко всем нашим братьям с просьбой—организоваться и итти к нам на помощь всеми средствами. Поднимайтеся все, как один, берите в руки оружие и становитесь в ряды нашей *сознательной крестьянской армии*». [2]

В «Известиях Тасеевского Военнореволюционного штаба» от 1 февраля 1919 г., в № 1 партизаны следующим образом осмысливали свое движение: «Настал час показать врагу нашему свою силу и независимость. Правительство Колчака... пустило в ход все свои силы и неслыханные зверства... во всех деревнях эти разбойники оставляют после себя вопли ужаса, слезы, кровь и разгром... (поэтому)... во всех уголках Сибири вспыхнули бунты. Крестьяне и рабочие решили не даваться живыми в руки разбойникам. Они встретили грабительские правительственные шайки ружейными залпами. Мужайтесь, товарищи-крестьяне. Вся сила в нас. Только будем дружны и единодушны». [3]

Кустанайские крестьяне повели работу под лозунгами: не давать Колчаку солдат, разлагать тыл, бороться с оружием в руках против власти Колчака. Они от имени «группы советских партизан» выпустили к населению воззвание: ... «Против чего воюют крестьяне со стороны красных? Против генералов, буржуев, против помещиков и фабрикантов... Товарищи крестьяне! Вместо того, чтобы итти в солдаты к Колчаку, организуйте отряды да *бейте колчаковскую милицию и офицерство, устраивайте восстания и боритесь за власть советов*»... [4]

Первый крестьянский съезд Канского, Красноярского и Ачинского уездов 26—30 апреля 1919 г., подтвердив, что советская власть «есть наша непосредственная власть», что нужно трудящимся сплотиться и объединиться в одну братскую семью, чтобы победить врага— «*иго капитала и диктатуру Колчака*», — постановил: «Первое — выразить наше искреннее спасибо и послать приветствие нашей

---

[1] *Н. Ильюхов и М. Титов*, Партизанское движение в Приморье, стр. 25.

[2] Партизанское движение в Сибири, Центрархив, Гиз, 1925 г., № 14, стр. 47.

[3] Там же, стр. 54 (№ 24).

[4] *Грушин И.*, Борьба с колчаковщиной в Кустанае, «Пролетарская революция», 1926, № 9 (56).

доблестной стойкой армии (партизанам); второе — продолжать до конца нами начатое дело *освобождения*, не останавливаясь ни перед какими жертвами» [1]...

В августе 1918 г. в Хабаровске состоялся 5-й Съезд трудящихся, который, учитывая всю обстановку в Приамурье, вынес постановление: «немедленно перейти на партизанский способ ведения войны *впредь до соединения с войсками Центральной России*» [2] и т. д. и т. п.

В Алтае партизанство началось с небольших отрядов и потом дошло до 3 партизанских «армий» с «корпусами», «дивизиями», «бригадами» и «полками», со «ставкой главнокомандующего» Мамонтова,— общей численностью до 120 000 чел. Здесь повстанчество органически слилось с крестьянством, поголовно уходившим в «партизаны». Огромная партизанская армия, ее операции, постоянная борьба с колчаковцами, польскими легионерами и другими «карателями» — заставили крестьян Алтайского района приспособить все свое хозяйство к боевым партизанским условиям, перевести его на рельсы «артельности», превратив в своеобразное «замкнутое натуральное хозяйство» для всестороннего обслуживания своих нужд без помощи города. В этом была сильная и слабая сторона этого чисто крестьянского повстанчества, наложившего свою печать и на самый тип партизанства, на его формы, задачи и методы действий. Крестьяне сами организовали Западно-Сибирский областной комитет «как главный центр повстанчества и своей власти в противовес колчаковским властям, волостные ревкомы, районные революционные штабы. Все это шло по линии обслуживания партизанской армии и населения, усиливало партизанский фронт и тыл, но *отсутствие политического руководства города* — рабочих и партии — в первоначальные моменты организации обусловило прежде всего некоторую неоформленность лозунгов, отсутствие точно разработанной и строго выдержанной политической программы, кроме общего лозунга о советской власти, выдвинутого стихийно самими крестьянами, иногда своеобразно понимавшими существо этой власти. По словам Колосова, на съезде крестьян-повстанцев в Черном Ануе (присутствовало 62 делегата — представители почти всех восставших волостей Бийского уезда) было так охарактеризовано движение с идеологической стороны: «Народное восстание на Алтае возникло стихийно, подобно буре. Народ был выведен из терпения насилиями, чинимыми агентами правительства Колчака.... Жить по-человечески, свободно дышать и спокойно трудиться стало совершенно невозможно, и народ взялся за оружие. Нас *никто* не подстрекал и *не руководил* нами. Народное восстание не преследует *партийных целей*. Мы признаем *равноправность всех народностей* и полную *свободу вероисповедания. Смертная казнь, телесное наказание и всякое насилие над личностью должны быть отменены* немедленно. Мы боремся за *установление всеобщего мира в России*, за *объединение* в одну дружную, братскую семью *всех враж-*

[1] Партизанское движение в Сибири, Центрархив, стр. 141 (№ 1).

[2] *Максаков* и *Турунов*, Хроника гражданской войны в Сибири, Гиз 1926, стр. 83.

дующих и проливающих братскую кровь *сынов* великой, исстрадавшейся *родины нашей*»... [1]

Как видно, политическая «программа» крестьян-повстанцев до чрезвычайности убога и даже с налетом контрреволюционной кулацко-поповской пропаганды. Крестьянская стихия, не оплодотворенная пролетарской идеологией, в силу своей природы не могла провести четкой классовой линии и, несмотря на свою самоотверженность в борьбе с Колчаком, на боевой энтузиазм и героизм,— в себе самой таила зрелые семена разложения и быстрого перехода на рельсы контрреволюции и распада. Так бы оно и было, если бы Красная армия не подоспела к этому времени в Алтайский район, чем и положила конец существованию партизанской армии.

Даже в момент своего расцвета крестьянская стихия характеризовалась неустойчивостью, постоянными приливами и отливами в ходе восстания, отсутствием последовательности замысла, отчеканенных организационных форм, тяжелым маневрированием, ограниченным местным районом, слишком быстрым реагированием на поражение, а значит, недостаточной политической и боевой устойчивостью и последовательностью в революционной борьбе.

В этом отношении томские партизаны, состоявшие более или менее из однородной массы бедняков и середняков (бывших ссыльных), имели более подвижные летучие отряды, тверже и крепче держались в борьбе, были менее впечатлительны к поражениям и более закалены и выдержаны. Алтайцы и енисейцы, впитавшие в свои отряды и зажиточных крестьян, кулаков, бившие на «народный характер» борьбы (поголовное участие крестьян), быстро превращались в колеблющуюся неуравновешенную массу, поражение которой означало — поражение всего движения в целом.

В южной части Канского уезда первые два небольших отряда выступили под командой Лидина и Александрова (численность отряда равнялась 20—30 чел.). Лишь после того, как отряды разбили белых, к ним примкнуло огромное количество местных крестьян и прежде всего середняки и зажиточные. В очень короткое время отряды выросли до 1 300 чел. и выбрали командующим Кравченко. В апреле, то-есть почти через 1—2 месяца, численность отрядов достигла почти 5 000 чел. Но в июле 1919 г., когда начались поражения и партизанам приходилось оставлять завоеванную территорию и переходить в Минусинский уезд, — так же быстро начинается отлив партизанства. В результате в Минусинский уезд пошла небольшая группа около 300 чел. «Ачинский полк убежал целиком, часть Тальского и Канского полков не пошла с нами еще из Баджея», — говорит Петров — участник этого движения... [2]

То же наблюдалось отчасти и в Тасеевском районе. После поражения, в самую трудную минуту борьбы некоторые отряды покинули партизанские ряды.

---

[1] *Е. Колосов*, Сибирь при Колчаке, стр. 48.

[2] *Эльцин*, Крестьянское движение в Сибири в период Колчака, «Пролетарская революция», №№ 49, 50 (№№ 2 и 3), 1926.

Особенно беспомощно крестьянское повстанчество в условиях своей изолированности от рабочих, когда мужицкая стихия самостоятельно начинает «творить революцию» без основательной подготовки и организации, как это было вначале в Славгородском уезде.[1]

По словам Парфенова[2] Славгородское восстание возникло стихийно как ответ на действия начальника карательного отряда. Очень быстро был сорганизован крестьянский штаб, мобилизована молодежь для борьбы, созван съезд и т. д., но не было связи с городом и с пролетарскими организациями, в то время слабыми. «Народ» сразу потонул в неразрешимых противоречиях; сила стихии заколебалась между руководством буржуазии в лице зажиточных элементов и сельской интеллигенции и руководством бедноты. Мелкий хозяйчик полностью проявил свою силу колебания, о которой говорил Владимир Ильич на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. по поводу крестьянских волнений и бандитского повстанчества в России.[3]

Тяжеловесность организации, отсутствие экономической и политической спайки, компромиссы и «сговоры», недостаток умелого руководства и подлинно революционного чутья привели к тому, что восстание было очень быстро подавлено. «Славгородский военно-революционный штаб не только не оказал никакого сопротивления, но не подготовился даже к обороне. Большинство крестьянского съезда и весь крестьянский штаб были застигнуты врасплох отрядом Анненкова и расстреляны».

Подобные картины наблюдались и в других районах, охваченных чисто стихийным крестьянским повстанчеством. Даже при успешных, на первых порах, действиях и затем умелом и искусном избегании противника, — это повстанчество обыкновенно вырождалось в батьковщину, уголовщину или же целиком и полностью переходило в лагерь контрреволюции, кулацкого бандитизма, как это было и в Сибири и на Украине. В этом отношении интересно курганское восстание, а также гомельское восстание, известное под названием «Стрекопытовщины»,[4] и др.

Тов. Затонский, характеризуя конец 1918 и весну 1919 гг. на Украине, писал: «Крестьянин-партизан с энтузиазмом воспринимал наши боевые лозунги периода *разрушения старого строя*, видел в нас желанных союзников в его борьбе с помещиком. Но, одолев последнего, желал он одного, чтобы все чуждое ему, наносное (городское) оставило его в покое, ибо он желал быть *хозяином на своей земле*, которую он — собственными усилиями исключительно, как ему казалось, — отвоевал у своего врага.

До мировой революции, до исторической миссии пролетариата,

---

[1] Таких явлений было много в России в 1905 г., в 1906 и отчасти в 1907 г. в Поволжьи, в центре России и др.

[2] Сибирские эсеры и расстрел Славгородских крестьян в августе 1918 г., «Пролетарская революция» 1922, № 7.

[3] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, часть I, стр. 177, 179, 183, 211 — 212 и др.

[4] *Сидоров П.*, Курганское восстание в январе 1921 года, «Пролетарская. революция» 1926, № 6 (53); *Лелевич, Г.*, Стрекопытовщина, Истпарт, Гиз, 1924.

до всей сложности классовой борьбы в городе и деревне вооруженному, сознавшему свои силы, но столь же темному, как и до переворота, крестьянину-собственнику не было дела...

Крестьянская масса в то время еще не успела *расслоиться*, бедняк (даже батрак) еще целиком находился в плену старых собственнических, типичных мужицких настроений и сплошь да рядом выступал против коммунистов активнее, нежели более степенный кулак, сохранявший лишь идейное руководство над движением отстаивавшей его интересы голытьбы».[1]

Поэтому, хотя на Украине в это время все клокотало и бурлило, всюду вспыхивали крестьянские восстания, каждое село имело свои отряды, «не редкость можно было найти вполне организованные волости (например Большая и Малая Половецкая Киевской губ.), выставлявшие в случае нужды целые полки с пулеметами и даже артиллерией» однако крестьянская стихия с трудом укладывалась в рамки подлинно революционной дисциплины. «Во всем была,—отмечает Затонский, — презанятная *смесь революционности*, *авантюризма*, *беспросветной темноты*, *самого дикого мракобесия*, *беззаветной отваги и трусливой жадности*... Все стороны крестьянской души, веками забитой, темной, неожиданно проснувшейся, *вечно колеблющейся и революционной и реакционной в одно и то же время*, страшной в своей жестокости и в конце-концов детски *наивной* и *детски беспомощной*,—отразились в судорожных корчах мужицкой Украины... Выручала лишь *организованность партии*, *выручал инстинкт пролетария*, выручала *неорганизованность крестьянской массы* да отчасти тот авторитет, который мы — как большевики — все же имели в ее глазах».

Насколько трудно было руководить этой крестьянской стихией и вместе с тем насколько необходимо было это руководство со стороны пролетариата и его партии — видно из целого ряда примеров деятельности партизанских крестьянских отрядов. Взять хотя бы партизана Гребенку. Он организовал при гетманщине в Тараще грандиозное восстание, охватившее несколько уездов, оттянувшее на себя три немецких дивизии, с которыми он дрался в течение полутора месяцев; он же с большим искусством, выдержкой и героизмом вывел свои отряды с конницей, пехотой и артиллерией из Киевской губ. через Днепр, всю Полтавщину и часть Черниговщины в Курскую губ. И тем не менее, борясь вначале за советскую власть, Гребенка все-таки подпал под влияние кулацкой стихии, выступил против советской власти, против «коммунии», против революции и к тому же был умело использован деникинцами. То же было и с отрядами Коцура, Тува, Перенко, Махно, Григорьева, в Самарской губ. — Сапожкова, в Сибири — Новоселова и Рогова и др.

Однако, нужно отметить, что крестьянство в бедняцкой и середняцкой своей массе стояло более устойчиво на стороне советской власти. После первой измены Махно Советам, от него сразу отхлы-

---

[1] *В. Затонский*, Водоворот, сб. «Октябрьская революция», первое пятилетие, Харьков, 1922 стр. 518 — 519.

нули массы. Его анархические идеи не были восприняты крестьянством. Не нашел сочувствия у крестьян по той же причине и Петлюра и целый ряд других атаманов — Тютюник, Зеленый, Соколовский, Струк, Ангел и др. Все они подконец остались главарями небольших банд, скрывавшихся в лесах от мести своих же односельчан. В то же время крестьянство в борьбе с деникинщиной, не нашедшее в разных батьках и атаманах отражения своих интересов, начало организовывать свои отряды, создававшиеся стихийно «отдельными островками в бушующем море белогвардейского разгула»... [1]

Подобная особенность крестьянского партизанства наблюдалась и в иностранных государствах.

Например в Мексике крестьянское партизанское движение шло под лозунгом — бей помещиков, полицию и чиновников. В партизаны уходили крестьяне поголовно; особенно это имело место в 1915 г., в период революционной борьбы против военной диктатуры и господства иностранных капиталистов.

Мелкие крестьянские отряды быстро превратились в крупные партизанские армии. Наиболее выделились две армии — одна под руководством партизана — крестьянина Эмильяна Сапата, другая — Франциска Вилля.

Первая требовала: 1) возврата крестьянам безвозмездно всех расхищенных общественных земель, 2) конфискации за выкуп помещичьих земель и раздела их между всеми, желающими заниматься земледелием, причем каждому помещику оставлялось 100 — 200 десятин пахотной земли и часть пастбищ. Вторая сильно напоминала «махновскую» армию. «Виллисты» не имели никакой программы. Их лозунгом было «бей помещиков и врагов революции», но они не разбирались, кто действительный враг революции. Их начальник Вилля и его «генералы», захватывая помещичьи имения, часто делили их между собой и сами становились помещиками. Они не считали грехом «разбогатеть на революции». Но все-таки эти армии свалили военную диктатуру, и Сапата с Виллем заняли столицу Мексиканского государства. Тут еще раз выяснилась невозможность организовать чисто крестьянскую власть. Постояв недолго в столице, Сапата и Вилля вернулись в свои места. Мексика оказалась без правительства. Этим воспользовались либеральные мексиканские помещики и интеллигенция и, организовав свое «революционное правительство», сделали президентом Мексики хитрого помещика Венустиана Карранцу, агенты которого в 1919 г. убили Сапату... [2]

В Китае во время первой революции началось сильное крестьянское движение, перешедшее в некоторых местах в вооруженную борьбу. Крестьянские отряды, образовавшиеся стихийно без всякой связи с городом, без ясно выраженной политической программы, делали нападения на войска, купцов, правительственных чиновников и т. п., применяли засады, внезапные нападения, разрушали железнодорожное полотно, телеграфные линии, жгли города, села, но, предоставленные самим себе, не могли добиться успеха. Республика Юаншикая не разрешила аграрных вопросов, и вторая революция усилила крестьянское повстанчество (хунхузничество). Особенно оно развилось в провинции Хэнань, где, начиная с 1912 г., выделился партизан Бай-Лань — «Белый волк». [3] Его отряд, вначале не превышавший 20 — 30 чел., впоследствии достиг 25 000 — 30 000 чел. Всю свою деятельность он направил на месть насильникам крестьянства — помещикам, купцам и, главным образом, правительственным чиновникам. А так как последние обыкновенно жили в городах, откуда наезжали в села для сбора налогов и долгов, арестов и усмирений, Бай-Лань естественно направил

[1] *Мальт М.*, Деникинщина и крестьянство, «Пролетарская революция» 1924, № 1 (24) и 4 (27).

[2] *Диего Ортега*, Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике, Гиз, 1928. Ср. *А. Вольский*, История мексиканских революций, Гиз, 1928.

[3] Дела русского генерального штаба. Рапорта генерал-квартирмейстеру от военного агента Китая за № 76 от 21 февраля 1914 г., № 114 от 18 марта, № 191 от 28 мая, № 235 от 26 июня 1914 г. и др. «The central china Post» от 13 марта 1914 г. и др.

свою ненависть против городов, служивших к тому же магнитом для озлобленного и обездоленного крестьянства своими купеческими лавками, товарными складами и правительственными канцеляриями. Бай-Лань никогда и нигде не учреждал своей власти, не предлагал крестьянам приступать к организации особых партизанских отрядов или революционных комитетов для планомерной борьбы с врагами. Крестьянская стихия, вызванная к действию ненавистью к насильникам и грабителям, не видела иной цели движения, кроме мести и разгрома.

Ввиду того, что правительственные войска в это время были заняты борьбой со второй революцией на юге, в долине реки Янцзы, в районе Пекина и др., Байланю не трудно было выступить со своими партизанами в провинции Хэнань.

При всех нападениях на города Бай-Лань первым долгом сжигал правительственные учреждения (я-мынь), уничтожал все правительственные документы, в особенности долговые крестьянские обязательства, поджигал лавки купцов, забирая в них серебро и все то, что ему было нужно (остальное забирало население), обезоруживал полицию и войска, активных из них убивал, отбирал у купцов и чиновников имущество и в большинстве случаев убивал и их и их семьи и затем уходил из города, даже если его не тревожили правительственные войска.

Преследуемый правительственными войсками, все увеличивающимися в своем составе и заменяемыми свежими частями, Бай-лань совершал крайне тяжелые переходы, и его отряды стали таять. У него осталось до 30 чел., с которыми он быстро двинулся в Шаньжоу, пройдя в четыре дня около 500 *км*, и возвратился в свой родной уезд. Но стихия уже улеглась, партизанство, не добившись успеха, замерло, и Бай-Лань вынужден был скрыться в числе десятка лиц в Сычуань и дальше на запад, превратившись в уголовного бандита, начавшего грабить и крестьян.

Совершенно иная картина партизанства-повстанчества крестьян наблюдается в Китае сейчас. По словам т. Ивина [1] в Цзянсу, напр., отказы крестьян вносить арендную плату стали повальным явлением. Карательные отряды помещиков, джентри и правительства вызвали в свою очередь партизанство со стороны крестьян. Партизаны начали нападать на карателей, отнимать оружие у минтуаней (наемная охрана помещиков), убивать землевладельцев и должностных лиц правительства. Отряды организовывались по 20 — 30 чел., но нападения стали очень часты. Поведение нападавших, по свидетельству корреспондентов, резко отличалось от поведения бандитов. Они не брали ни денег, ни вещей, но требовали предъявить им арендные договоры, купчие и другие документы и немедленно их сжигали. В то же время они повсеместно расклеили прокламации следующего содержания:

«Коммунистический партизанский отряд Сунцзянского уезда провинции Цзянсу.

Компартия — есть партия крестьян и рабочих, политическая партия пролетариата. Она стоит за аграрную революцию. Аграрная революция означает передачу земли крестьянству, полей — пахарям. Для осуществления аграрной революции необходимо очистить землю от помещиков, сжечь все купчие крепости и долговые обязательства за их грабительские проценты. Надо покончить со всеми тухао, злыми джентри и чиновниками, ибо они желают угнетать народ. Надо убивать чиновников, ибо они нарушают нашу конспирацию. Необходимо еще раз расправиться со всеми контрреволюционерами-гоминдановцами, очистить путь революции от всех препятствий. Опасаясь, что пролетариат еще не знает всего этого, мы его информируем настоящим»....

Опыт революционного повстанческого движения показывает, что наиболее стойким и последовательным является то повстанчество, в котором партизаны-крестьяне сами связываются с рабочими города. Оно приобретает тогда твердую и четкую линию поведения, организационную ясность, целеустремленность и перспективу борьбы, сознание общности с рабочим классом и его партией. Партизаны-кре-

[1] «Правда» № 77 от 31 марта 1928 г.; *Ивин*, Красные пики, «Московский Рабочий», 1927.

стьяне не отрываются от трудовых масс, не распыляют своих сил, а исподволь и планомерно подготовляются к будущим боевым действиям, не давая бить себя по частям. На ряду с широкой агитацией и пропагандой, идет их боевая работа по завоеванию и организации масс против буржуазии. Таким образом крестьянская стихия организуется пролетариатом, находится под его постоянным и неослабным руководством. В целом — революционное повстанчество в годы гражданской войны у нас носило именно такой характер. Таковы были в более законченном и развитом виде (по сравнению с китайскими партизанами) наши партизаны, напр. из владивостокских рабочих в Приморской области, Анжерско-Судженских, Сучанских и Зыбунных копей, Уральских заводов и др. Не останавливаясь подробно на фактическом материале по этому вопросу, мы ограничимся лишь общей характеристикой этого наиболее последовательного революционного повстанчества.[1]

Наиболее ярким выразителем повстанчества этого типа являются, безусловно, повстанцы Приморья.

Крестьянская стихия Приморской губ. с первых же моментов повстанчества, начавшегося в Сучанском у., связывается с рабочими во-первых в силу своих экономических условий и во-вторых благодаря близости рудников и фабрично-заводских предприятий, сконцентрированных в южной части Приморья.

Партизаны по своей инициативе начинают добиваться связей с партийной организацией Владивостока, чтобы получить от нее руководство, ясно понимая и признавая, что революционное партизанство, предоставленное само себе, или будет разбито, или же выродится в свою противоположность.[2] Областной комитет РКП (б) в 1918 г.

---

[1] Кроме названных работ о крестьянском повстанчестве подробнее см. следующие: *Астраханцев*, Дневник партизана, сб. «Дальистпарт», кн. 1. Чита-Владивосток. *Голионко*, Партия и советы в Хабаровске за период 1917—1918 гг., сб. «Дальистпарт», кн. 3. Владивосток. *Голубых*, Уральские партизаны, «Уралкнига». *Григорьев*, Чумайское восстание, сб. Томского истпарта. «Год борьбы». *Дингли*, Борьба крестьянства Индонезии, Гиз. *Константинов*, Омские события при Колчаке (21 — 23 декабря 1918 г.), «Кр. арх.» 1924, № 7, 1925, № 8. *Лагздин*, На гурьевском заводе, сб. № 1 Истпарта Сиббюро ЦК РКП (б), Николаевск. *Лехов*, К истории Приамурской организации РКП, сб. материалов по истории ревдвижения на Д. В., кн. 1, Чита-Владивосток. *Молотов*, Контрреволюция в Сибири и борьба за советскую власть, Саратов. *Преображенский*, Партизанство Сибири. «Кр. арм. Сиб.» № 3 — 4, изд. ЗСВО 1923 г. *Онуфриев*, Гражданская война на Урале, «Уралкнига». 1925. *Солодовников*, Сибирские авантюры и ген. Гайда, Прага. *Сахаров, К.*, Белая Сибирь, Мюнхен. *Самарский*, Партизаны Волги. М. *Святицкий*, Реакция и народовластие, изд. «Народ». *Сапожников*, Ижевско-Воткинское восстание, «Прол. революция», 1924 № 8 — 9. Сб. Истпарта «Борьба за Урал и Сибирь». Сб. «Колчаковщина». «Уралкнига», Сб. Истпарта «Революция на Д. востоке». Сб. «Великий Октябрь», 1922, Новониколаевск. *Чуев*, Славгород во время революции. «Изв. Омск. губкома». 1922, № 4. *Яковенко*, Записки партизана. *Якобсон*, Омское восстание против Колчака, «Изв. Омск. Губкома» 1922. Ср. *Фрейер*, Аграрное движение в Пенджабе, «Коминтерн» 1925, № 1. «*Киаи-Самин*, Восстание на Яве и «Суматре, «Коминтерн», 1927, № 13, 14. *Шумяцкий*, Спорные вопросы новейшей истории Персии (Салмасское и Хоросанское восстание крестьян) «Revол. восток» 1927, № 1 и др.

[2] *Ширямов, А.*, Тетюхинское восстание, «Пролетарская революция» 1925, № 4 (39), стр. 236 — 237 и др.

берет на себя это руководство, создает военный отдел для снабжения партизан обмундированием, патронами и пр., а также для организации рабочих дружин на усиление партизанских отрядов.

«Указанное решение партии, обеспечивающее своевременный контроль и руководство отрядами, придало партизанским организациям характер строго революционного, принципиально выдержанного, организованного движения рабочих и крестьян за лозунги партии и советской власти. И в силу этого приморское партизанство за всю свою долгую и тяжелую историю не знало примеров сколько-нибудь значительного отклонения от выдержанной политической линии и могло сравнительно легко справляться с проявлениями беспринципной анархичности, сепаратизма и карьеризма отдельных командиров».[1]

В то время как партизаны чисто крестьянского типа действовали «валом», скопом, но без перспективы и определенного плана на длительный период, — приморцы, под руководством партии, прежде чем приступить к боевым действиям, провели большую работу по подготовке всего населения к предстоящим событиям, укрепляя боевую готовность отрядов, разбросанных на огромной территории, определяя точно операционные направления будущих ударов, составляя своего рода расписание деятельности по этапам, даже на несколько месяцев вперед. И если первые организовывали свои операции всегда с частными целями, преимущественно оборонительного характера, стараясь взять противника в моменты его слабости (или когда он не готов к сопротивлению), оставаясь в дальнейшем пассивными и, даже теряя с ним связь, отчего в их деятельности наблюдались хаотичность, несвязность и туманность, — приморцы имели более широкий размах, проявляли большую активность и дерзость, работали не от случая к случаю, не под мимолетным впечатлением, а на основании строгого учета и анализа всех условий данной обстановки, именно в силу своей широкой организационной базы, связей с городом и партией. Они могли накапливать свои силы и в нужный момент переходили в наступление, постоянно поддерживая связь с противником и неослабно нанося ему удары всеми средствами и способами под централизованным руководством, по плану, стремясь к расширению сферы своей деятельности (не ограничивая себя одной территорией своего уезда) и усилению своих связей в массах. Так, план т. Лазо, блестяще выполненный партизанскими отрядами Приморья, ставил целью наступления летом 1919 г. разрушение и дезорганизацию тыла Колчака посредством взрывов железнодорожных мостов и подъемников на узкоколейной дороге, по которой доставлялся каменный уголь для всего железнодорожного и морского транспорта Дальнего востока, а также и для городов. На ряду с боевыми действиями против белогвардейщины и интервенционных войск — японских и амери-

[1] *Ильюхов Н.* и *Титов М.*, «Партизанское движение в Приморье», стр. 48. Ср. Постановления 2-й подпольной всесибирской конференции РКП (б) от 20 — 21 марта 1919 г. (по записи т. Дерябиной).

канских, общей численностью в районе свыше 3 000 чел. при автоматах, пулеметах и артиллерии — т. Лазо наносил и экономический удар, парализуя сучанские каменноугольные копи и забастовкой, и открытием всех шлюзов для затопления основных шахт.

В отношении политической работы приморские партизаны стояли безусловно выше других, например алтайских. Несмотря на то, что на Алтае насчитывались десятки тысяч партизан и они имели «армейские» организации, повстанцы не смогли наладить организационную политработу в массах, не было для этого специальных «штатных» единиц в своих войсках, не обращали внимание на эту область, не заботились о литературе, а равно и о чисто боевой подготовке своего комсостава, совершенно не занимались обработкой своих «армий» и соседних районов. Все их внимание было направлено в сторону физического истребления врага и разгрома его имущества. Партизан поэтому превращался в своеобразного профессионала-бойца, идущего с «миром», но сплошь и рядом не разбиравшегося совершенно в вопросах революционной борьбы и ее тактических особенностях. Приморцы же, на ряду с беспощадным истреблением врагов и деморализацией тыла белых (разрушением коммуникаций, материальных складов и т. п.), со всей энергией проводили политическую работу по завоеванию крестьянских масс не только в своем районе, но и в соседних и даже работу по разложению армий противника. Они имели особые политорганы, распространяли всячески литературу, получаемую из города, имели свои газеты — «Революционный партизан» и «Вестник партизана», выпускали часто прокламации, различные воззвания[1] и т. п., внедряя чисто боевые действия в общую систему революционной борьбы, почему и могли видоизменять свою боевую тактику, разнообразить ее, переходя постепенно на подрыв врага изнутри, то-есть на завоевание солдатских масс белых и к организации восстаний гарнизонов (восстание на Казанке, в Сучане и др.). Таким образом они упорно и планомерно шли вверх как по линии организации самого повстанчества, выраставшего во всеобщее вооруженное восстание — высшую форму классовой борьбы, так и по линии организации партизанства по образцу Красной армии.

Точно так же и в отношении комплектования нужно отметить большое различие между приморцами и повстанцами чисто крестьянского типа.

Крестьяне-повстанцы комплектовались преимущественно по добровольческому признаку, только из определенных районов, даже сел, имея всегда резко очерченные границы своих мобилизационных территориальных округов, с которыми они были крепко связаны, почему и были малоподвижны. Лишь в редких случаях (под нажимом противника) они могли перебрасывать свои отряды в другие районы, (это относится как к красным (алтайцы, частью енисейцы), так и к белым (тамбовцы, басмачи Ферганы, даже махновцы, несмотря на их

[1] У тасеевцев и забайкальцев было то же, так как там руководство принадлежало партийцам. См. *Яковенко*, Записки партизана, стр. 30 и др., *Парфенов*, Борьба за Дальний восток, 1928, стр. 85, 86 и др.

изумительную подвижность, и др). Приморцы же укомплектование получали из городов, из сел и от партийных организаций различных районов, делая подбор по классовому признаку, почему не были так связаны с территорией и обладали большей свободой в своих действиях. [1]

Первые налаживали оперативную и организационную связь только в своем районе, то-есть имели связь, ограниченную территорией, связь изолированную и замкнутую, и разведку вели в большинстве случаев узко-тактическую, ближнего порядка. Вторые располагали крупными связями в целой области и ряде областей, организовывали связь по всем линиям — и оперативной, и политической, и экономической, и организационной, почему и разведка у них была шире, полнее, активнее и своевременнее. Она носила стратегический характер, распространялась за сотни километров, имела агентуру даже заграницей, не говоря уже про хорошо налаженную ближнюю тактическую и политическую разведку.

Если у крестьян-повстанцев были «корпуса», «дивизии» и «полки», это вовсе не указывало на наличие жесткой организационной схемы. Их полки и дивизии совершенно не имели твердых штатов, а увеличивались или уменьшались в зависимости от операций и ресурсов.

Нужно было — «полк» разбухал до 500 — 1 000 чел., а иногда и больше, кончилось дело — «полк» доходил до 100 чел. При нажиме противника весь полк рассеивался и собирался вновь, иногда даже в другом составе и числе, опять-таки в зависимости от предстоящего дела, то-есть наблюдалось то, о чем говорил Денинг, характеризуя гверилью. У приморцев было более твердое организационное оформление, хотя ни дивизий, ни корпусов они не имели и лишь в последний момент, перед захватом власти, они организовали полки почти-что по штатам Красной армии. У них действовала отрядная организация, выраставшая не от случая к случаю, а планомерно — вместе с ростом революционного движения. Они предпочитали иметь небольшие отряды без громких наименований армейского масштаба.

Эти особенности, вместе взятые, обусловили разницу и в тактических действиях тех и других. Первые стремились применять способы, которые давали бы хорошие результаты на основе внезапности, хитрости, без участия боевой техники (у них было ее крайне недостаточно); поэтому они практиковали засады, внезапные нападения с тыла или ночью, обходы, заманивание в ловушку и затем окружение

---

[1] По докладу начальника штаба партизанских отрядов Приморья от 14 августа 1922 г. № 12/лич. в партизанских отрядах Приморья было «до 75% не местных, из них 50% жители Сов. России и 25% дальневосточники, остальные приморцы. Главная масса партизан—крестьяне (грубо 60—70%), остальные рабочие, интеллигенты, казаки... Анучинский военный район: ... уроженцев-дальневосточников—120, российских 313; из них ... семейных —126; их семьи: Приморье — 17, ДВР — 23, РСФСР — 86... Никольско-Уссурийский воен. район: уроженцев местных — 40 чел., дальневосточников — 20, сибиряков — 23, Поволжья — 25, пр. губерний — 56. Из них холостых — 126 ч., семейных — 28; их семьи проживают в ДВР — 11, в РСФСР — 17».. (из личн. архива автора).

массой, действующей большей частью холодным оружием. При неудаче они старались рассеиваться и скрыться в своих районах или в тайге, переходя на «мирное положение». У алтайцев, напр., в большом ходу была самодельная пика, называвшаяся у них «тычка», что сближало их с первыми партизанами—средневековыми крестьянами, применявшими в борьбе с рыцарями это оружие, ставшее впоследствии штатным оружием пехоты.[1] С этими тычками крестьяне, когда нужно было, ходили на пулеметы и, неся большие потери, брали их; тех, кто пулеметы защищал, уничтожали, прокалывая своими «тычками». Так как им приходилось иметь дело с белыми или иностранными отрядами, — чехами, поляками и другими, незнакомыми с местностью, — они заманивали их вглубь от дорог, заводили в болотистое место и там, окружив плотным кольцом, выжидали, когда противник расстреляет все патроны. После этого всех попавших в засаду брали в рукопашном бою и убивали.[2] Колосов, в цитированной уже нами книге, называет алтайцев за их действия «настоящей сибирской жакерией со всеми свойственными ей чертами: хитростью, как главным оружием, жестокостью, как главным средством для расправы с противником».

Приморцы располагали более разнообразным арсеналом тактических способов и боевых действий. Налет, набег, поиски, террор, взрыв ж.-д. линий и шахт, удар с фланга и тыла, ночью и днем, открытый бой — наступательный и оборонительный, разного рода демонстрации, быстрые передвижения и маневрирование (на полях сражения) концентрического или эксцентрического порядка (смотря по обстановке и задаче), охват, обход, прорыв из кольца, преследование, искусная техника огня ружейного, пулеметного и гранатного, наконец, взрыв изнутри — восстание. При неудаче — отход с боем, (употребление засад, арьергардных боев) или же врассыпную на свои базы; в трудных условиях — рассеивание по тайге или сопкам и затем новый сбор на заранее приготовленных базах в целом ряде районов по указанию начальника. Вот почему партизаны-дальневосточники смогли провести свой план действия, выработанный на два месяца вперед. Он заключался в следующем: 1) Всю ж.-д. магистраль Сучанской и Усурийской линии они разбивали на 4 участка: Угольная — Шкотово — Кангауз — Фанза — Сучанские рудники. Через каждые 5 дней на один из них отправляли отряд или команду для разрушения мостов, телеграфных линий, нападения на поезда, на отряды белых и т. п. 2) Кроме того, была разработана организа-

---

[1] Это средневековое оружие в виде острой крепкой пики с прямым железком и с двумя лезвиями называлось pertuisane, отсюда и название партизан, то-есть вооружённый pertuisane'ой, «партизаной» или «протазаном». См. фон-*Винклер*, Оружие (история, описание и изображение ручного оружия, с древних времен до начала XIX в.), 1894, СПБ. В эпоху 30-летней войны партизанами назывались дружины (партии) профессионалов-солдат, нанимавшихся к тому или иному феодалу на службу.

[2] Тов. Парфенов рассказывает, что партизаны-крестьяне таким образом «разбили на-голову» два польских полка под Новониколаевском, чешскую дивизию под Ачинском, отряд румын и итальянцев под Красноярском и др. См. его книгу «Борьба за Дальний восток», «Прибой». 1928, стр. 5 и др.

ция восстания в шкотовском гарнизоне, где насчитывалось 300 белых и около 2 000 японцев и американцев. Одновременно партизаны выделяли небольшие партии, которые проникали глубоко в тыл белых, доходили до фортов крепости Владивостока, снимали там замки с орудий, нападали на разъезды белых и японцев, взрывали железнодорожные мосты в укрепленном Владивостокском районе. Другие предпринимали набеги на японские и американские гарнизоны, имевшие отлично укрепленные позиции, которые нужно было брать с боя, в-открытую и т. п. Так партизаны распарывали по швам всю систему обороны белых и интервенции, умело нащупывая социальные и тактические стыки в районах.

Конечно длительный опыт и практика, стоившая громадных жертв, давали уменье и повстанчеству чисто крестьянского типа, совершенствовали его боевую подготовку, но общий уровень был все-таки выше у приморцев. Если мы сравним действия, напр., таких отрядов, как уральские отряды т. Каширина, т. Блюхера, Колмыкова и др., то и здесь увидим то же превосходство перед крестьянскими отрядами Поволжья в организационном и оперативном отношениях, какое было у приморцев перед алтайцами. Как только приморцы связались крепче с Красной армией, подпиравшей их с запада, они видоизменили свою организацию, восприняв некоторые начала регулярности. Связь с армией (сначала с Красной, потом Народно-революционной — ДВР) прежде всего сказалась на организации снабжения партизанских отрядов, затем на способах их комплектования и наконец на формах управления, а следовательно и на тактике.

Партизанские отряды Приморья были объединены возглавляющим их штабом и военным советом, подчиняясь командованию Народно-революционной армии, от которого они получали вещевое довольствие, оружие, людей (все, правда, неполностью) и руководящие директивы.[1] Все партизаны были приравнены к народоармейцам. Такое положение, с одной стороны, давало партизанам уверенность, что на черный день им есть от кого получить все нужное для борьбы, с другой — удаляло их от массы населения, с которым связь терялась. Начальник штаба партизанских отрядов Приморья так характеризовал партизан в 1922 г.:

«Теперь партизанская борьба в Приморье не носит характера стихийности повстанчества местных сил. На территории Приморья с населением по моим расчетам в 30 000 чел. действуют части, — состоящие главным образом из не местных, имеющих в своей сущности значительную степень регулярности, — партизанским способом. Таким образом население не связано с партизанскими отрядами узами родства, что естественно имеет большое значение при отношении населения к частям. Затянувшаяся партизанская борьба в Приморье больше, чем где бы то ни было в России, измучила население. Оно устало, объедено, для него борьба не является жгучим вопросом, ибо революция прошла, период атаманщины и колчаковщины стал

---

[1] Часть денег и людей партизанские отряды получали от областного бюро РКП, а часть добывали сами на местах.

сглаживаться в памяти. Большое значение имеет и наличие внешней силы — интервенции. Население смотрит со стороны на борьбу двух сторон, однако оно в своей массе всегда на нашей стороне, но не дает нам реальной поддержки. Таким образом наблюдается своего рода пассивность, влекущая индиферентизм»...

При таких условиях в этот период стали появляться и «болезни» партизанства в виде дезертирства, пьянства (единичные случаи), тяги к уюту, семье, демобилизации и даже невыполнению приказов. Появилась опасность самороспуска отрядов, что отмечается в ряде документов.

Если бы так продолжалось дальше, партизаны конечно разложились бы окончательно, так как они стали на путь изоляции от масс, на путь уклонения от своей партизанской природы, и если в действительности этого не произошло, то только потому, что вооруженная борьба скоро окончилась, Владивосток был взят, и партизаны влились в армию фактически и юридически, получив возможность демобилизоваться.

Таким образом партизанство приморцев (за исключением последнего периода), как и все революционное партизанство времен гражданской войны, имело не только все формы малой войны, но и переросло их, превратившись в «большую» малую войну, полную войну, вовлекшую в свою орбиту все силы и средства восставшего класса, но войну, отличную от определения ее, данного Балком, Денингом, Грассе и пр. теоретиками.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВАЖНЕЙШИЕ УРОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПАРТИЗАНСТВА.

Партизанство как подсобное средство классовой борьбы. Его стихийность и организованность. Необходимость сочетания действий революционного партизанства с общим ходом революционной борьбы. Непригодность для партизанства готовых схем и форм, необходимость изучения главным образом методов принятия решений и выбора форм. Необходимость учета местных условий. Ленинская установка о месте, времени и характере партизанской борьбы. Основные задачи партизанства, вытекающие из этой установки. Зависимость форм партизанства от характера возложенных на него задач. Зависимость форм партизанства от типа страны (района) и периодов классовой борьбы. Три периода классовой борьбы: предреволюционный, восстания и гражданской войны, — характер действий и формы партизанства в каждый период. Общая оценка революционного партизанства. Особое значение партизанства для СССР ввиду подготовки к нему буржуазных соседей. Общая характеристика вероятного применения партизанства в будущей войне.

Суммируя все сказанное о партизанстве и повстанчестве, мы должны установить следующую точку зрения на эти действия:

1. Партизанские действия — боевые действия но не единственное и даже не главное средство борьбы; напротив, они должны быть соразмерены с иными более важными средствами классовой борьбы и «облагорожены просветительным и организующим влиянием социализма» (Ленин). Однако нужно различать партизанство стихийное, которое может быть вне всякого «просветительного и организующего влияния социализма», и партизанство, организованное в процессе классовой борьбы, способствующее мобилизации классовых сил и их закалке. Оно будет революционным или контрреволюционным, но последнее не может иметь широкой базы среди трудящихся и должно или превратиться в обыкновенные уголовные шайки, или, попав в руки агентов буржуазии, — выродиться в диверсионные бандитские группы. Поэтому в дальнейшем при формулировке своих выводов мы будем иметь в виду только революционное партизанство-повстанчество.

2. Революционные партизанские действия всегда должны быть тесно связаны с революционной практикой текущего дня и базироваться на основе строгого учета соотношения сил борющихся классов и условий политической обстановки того или иного государства (района), учета приливов и отливов революции.

Революционное партизанство, в его наиболее развитой форме — повстанчества, возникает по существу из революционных предпосылок. «Основной закон» возникновения революции по словам Ленина

заключается в том, что «для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознавали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» *не хотят* старого и когда «верхи» *не могут* по-старому, лишь тогда революция может победить». [1]

Партизаны-боевики, как пионеры революционного движения (вооруженного), «должны на деле потонуть в массе, т. е. прилагать свою самоотверженную энергию в неразрывной фактической связи с восстающей массой».

Поэтому руководству партизанства-повстанчества необходимо тщательно следить за нарастающим движением, регистрировать каждый факт этого нарастания, чтобы быть не простым свидетелем движения, а боевым организатором, втягивающим массы в боевые действия, которые должны впоследствии привести к вооруженному восстанию.

3. Партизанские действия должны отражать в себе, как в зеркале, конкретное своеобразие и оригинальность каждого дня, полноту процесса развития классовой борьбы, вырастания одной формы борьбы из другой, перехода одной тактики в другую, умело нащупывая каждый раз самое ценное для революции и самое опасное для врагов — объекты обороны и нападения, тылы и фланги противника, обеспечивая свои стыки и накопляя резервы сосредоточением новых сколоченных, обученных и спаянных рабоче-крестьянских масс. Практически это значит не только, *что* делать, какую форму партизанства предпочесть в данный момент, но и *как* делать, как в конкретной обстановке текущего дня провести намеченную операцию, имея целью в дальнейшем осуществление власти рабочих. Отсюда безусловный вред преклонения перед всякого рода схемами и рецептами для партизанской борьбы, как и вообще гражданской войны, отсюда необходимость выявления *методов* решения и выполнения вместо окостенелых форм прошлого или настоящего.

4. Каждое государство, общество, территория на каждый день имеют нечто *свое*, только им присущее, отличное от всех остальных, постоянно развивающееся, врастающее и вырастающее и следовательно не могущее быть перенесенным целиком на иную почву. Нельзя партизанские действия России 1905 г. взять за тактические образцы для Германии или Англии 1925 г., равно как нельзя было партизанство бывшей царской Прибалтики пересаживать в города и села приволжских степей в том же 1905 г. или сибирское партизанство пересадить в Рурскую область с чрезвычайно развитой сетью путей сообщения и резко выраженной высокой фабрично-заводской промышленностью.

Разнообразие экономических, политических, национальных, бытовых, религиозных, культурных и иных условий во времени и пространстве отрицает абсолютность, всеобщность и неизменность форм партизанства, возникающих всегда в самом процессе массовой борьбы.

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVII, стр. 172.

Поэтому важна и нужна не *схема*, а конкретный *анализ*, не рецепт, а метод, вскрывающий до дна обстановку борьбы и наводящий на целесообразные решения.

5. «Марксизм, — писал Ленин, — требует внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения».[1]

Последние соображения особенно важны для практических целей, так как почти невозможно предугадать будущую форму партизанства и вообще вооруженной борьбы в том или ином государстве. Партизанская борьба тесно связана со всей конкретностью текущей революционной борьбы. Если при ее проведении отказаться от выполнения вышеприведенного завета Ленина, то получится догматизм, абстракция, выдумка, может быть вполне допустимая и целесообразная с точки зрения формальной рационалистической логики, но совершенно неприемлемая для практики революции. Правда, «вероятная форма грядущей борьбы определяется *отчасти* содержанием ее, *отчасти* предыдущими формами революционной борьбы народа и контрреволюционной борьбы самодержавия (буржуазии)» (Ленин), но тем не менее нужно быть внимательным и осторожным в обобщении опыта партизанских действий, которые не сочиняются в тиши кабинетов, а несомненно связаны самым непосредственным образом с настроением и общей революционной практикой широких рабоче-крестьянских масс.

«Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями в гражданской войне».[2] Это ленинское определение устанавливает:

а) *Место* партизанства в процессе развития вооруженной борьбы, именно промежуточные периоды между крупными актами восстания. Значит, партизанство является лишь одной из форм вооруженной борьбы масс, *всегда связанной* с обстановкой *восстания*, являющейся необходимой *составной частью восстания*, но не всегда приводящей к осуществлению всеобщего восстания или даже «большому сражению». Другими словами, оно не решает борьбы. Но, с другой стороны, оно всегда должно быть «частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар». Следовательно, партизанство начинается с восстания — вооруженных выступлений масс, и кончается там и тогда, где и когда угнетенный класс осуществляет свою диктатуру, берет на деле в свои руки власть в государстве. Партизанство — только одно из средств, одно из «орудий восходящего класса в его борьбе за власть».

б) *Время* подъема революционного партизанства, связанное с об-

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т, VII, ч. II, стр. 77.
[2] Там же, стр. 82.

щим ходом революционной борьбы. Партизанство, будучи результатом движения масс, в первое время носит характер стихийности и иррегулярности и часто проявляется в «неудачных и дурных формах». Пока слабо все революционное движение, силы партизанства также слабы, сплошь да рядом беворужны по сравнению с противником, совершенно необучены, или мало обучены военному искусству и боевой технике. Следовательно в руководстве партизанской борьбой необходимо учитывать особенности данного момента и быть готовым ко всем трудностям работы на всех этапах революционной борьбы. «Партия должна воспитывать и подготовлять свои организации к тому, чтобы они действительно выступали как *воюющая* сторона, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля» (Ленин).

в) *Характер* особых боевых действий (мелких стычек) в течение указанных выше промежутков, как своеобразной боевой и технической *подготовки всеобщего вооруженного восстания*. При этом Ленин, говоря о восстании, понимал его не как последнее восстание, венчающее борьбу, а напротив, он подчеркивал необходимость *накопления* опыта восстания для всеобщего и по возможности одновременного штурма. В этом отношении характерен, например, его спор с Парвусом, когда Ленин говорил об ожидании восстания «в каждую минуту», именно в смысле его подготовки, в смысле выучки и закалки боевых руководителей масс, идя при известных условиях даже на риск.

Полемизируя с Плехановым по поводу вооруженного московского восстания, он писал: «Нужно было браться за оружие, ибо движение не могло подняться на высшую ступень, не могло выработать необходимого практического опыта в делах восстания». [1]

Для проведения восстания необходимы спайка и единство воли и действия всех борющихся, но, «чтобы на деле осуществить боевое единение, нужно ясно, отчетливо, притом *по опыту*, *знать*, в чем именно и насколько именно мы можем быть едины» (Ленин). Подобные знания даются борьбой в промежутке между «большими сражениями», то-есть партизанской борьбой, особой системой ударов — мелких и крупных, наносящих ущерб силам неприятеля, которые (удары) потом приведут к крупнейшим, может быть решающим боям. [2]

6. Таким образом партизанство *вырастает* в процессе постепенного углубления классовой борьбы, как вырастает и революция; оно *зреет*, а не является пришедшим извне. Такое понимание партизанской борьбы обусловливает собой и задачи партизанства. Естественно, что они сведутся к следующему:

а) «Развитие в народных массах правильного понимания вооруженного восстания и разъяснение тех условий, при которых вооруженное восстание может возникнуть, протекать и успешно завершиться».

---

[1] *Ленин*, «Современное положение России», Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 68.

[2] *Ленин*, Русская революция и задачи пролетариата, Собр. соч., т. VII, ч. I. стр. 80.

б) Организация кадров сознательных рабочих и крестьян, группирующихся вокруг революционной партии с целью активных выступлений [1] и руководства массами для всеобщего вооруженного восстания.

в) Втягивание широких масс на путь революционных действий, облегчая им условия организации и общеполитической подготовки и ускоряя процесс классовой дифференциации общества. «Без организации и просвещения крестьян немыслима успешная партизанская борьба; «партизанские отряды должны нести и культурно-просветительную работу, сражаясь с врагами» — таков был лозунг Тетюхе-Ольгинского коммунистического партизанского отряда в Приморье (на Дальнем востоке) [2] и т. п.

г) Истощение сил и средств противника: разрушением и порчей правительственных, полицейских и военных аппаратов (активно-фашистских организаций), телеграфа и железнодорожных линий, складов, арсеналов, транспортных средств и т. п.; террором, экспроприациями оружия, огнеприпасов, денег и т. п.; мелкими стычками и налетами на отряды войск, полиции и фашистов во время демонстраций, стачек, арестов, конвоирования (пересылки) арестованных товарищей при всяком удобном случае, нападением на войска (гарнизоны) и их разложением; набегами и поисками в тылы (на манер ирландцев) и т. д.

д) Охрана революционных организаций и вождей, партийных аппаратов и «транспортов» разного рода.

е) Борьба за власть и в процессе ее — подготовка и организация вооруженной силы (революционной армии), проводящей всеобщее восстание и закрепление власти рабочих и крестьян.

Выдвигая все эти задачи, нельзя конечно забывать, что партизанство является лишь одной из форм борьбы, и что главная, руководящая воспитательная и боевая роль остается за пролетарским авангардом, партией и ее военной организацией, объединяющей все действия.

7. Характер задач предопределяет уже само собой и *формы партизанства*, но конечно нельзя понимать это так, что всегда и всюду при всякой обстановке эти задачи должны быть выполнены полностью, а следовательно, и формы борьбы должны быть одинаковы и неизменны. Все течет. А процесс борьбы, в зависимости от конкретной обстановки, самым ходом своего развития выдвигает и соответствующую форму борьбы, охватывая собой только известный круг задач или быть-может одну какую-либо наиболее целесообразную для текущего дня. Конкретно это выражается по-разному. Например условия развертывания борьбы за власть, а значит и партизанства, в Приморье в 1920/21 г. заставили партизан бить главным образом по японцам и белогвардейцам (каппелевцам и семеновцам) путем налетов на их отряды, поезда, порчи железнодорожного полотна, взры-

---

[1] Ср. Задачи боевых организаций по протоколу ноябрьской конференции военных и боевых организаций РСДРП (б) 1907 г. *Ленин*, Избранные статьи и речи, Собр. соч., т. II, стр. 256—261.

[2] Сб. Истпарта «Революция на Дальнем востоке», вып. I, Гиз, 1923.

вов мостов и собирания денег (пени) с японских лесопромышленников, усиленно вырубавших леса на экспорт. А рабочие Читы в это же время набивали для Семенова в гильзы «больше шерсти, чем пороху», благодаря чему пули не только не долетали до цели, но частенько застревали в канале ствола; рабочие-ижевцы с такой же целью набивали гильзы песком, подмешивая немного пороху[1] и т. д.

Партизаны Западной Сибири в 1918/19 г., — как выявленный протест, главным образом крестьянства, против действий колчаковского правительства и всякого рода «карателей», «захватчиков крестьянского добра» и т. д.,—первое время были прикреплены к районам своего возникновения, являясь лишь отрядами охраны, не допускающими белогвардейцев до своих владений; при нажиме же на них со стороны белогвардейцев они отходили вглубь тайги на заранее выбранные, знакомые и выгодные позиции, забирая с собой свои семьи, скот и всякую рухлядь. Боевики Поволжья в 1905/6 г. разоружали стражников и урядников, ловили земских начальников и иных из них убивали, а иных только пороли розгами, забирали деньги в винных лавках, сжигали экономии, убивали приставов, офицеров (активных черносотенцев), брали оружие, взрывчатые вещества, совершали крупные экспроприации, налеты на тюрьмы, караулы и склады, железнодорожные станции и т. п. (в городах), а на Кавказе, в Латвии, Эстонии и Польше в это же время практиковался массовый террор против правительственных агентов и даже буржуазии (экономический террор), массовые экспроприации со взрывом мостов, порча железнодорожного полотна, «выкуривание» баронов из их поместий вплоть до аграрного террора, вооруженные демонстрации со стычками на улицах и т. п.[2] Сравнивая повстанчество в 1924/25 г. на Волыни, в Галиции, Белоруссии, Болгарии, Ирландии и Китае, мы найдем разницу как в самых задачах, так и в формах, характере борьбы, обусловленных, во-первых, территорией и, во-вторых, практикой текущего дня, то-есть обстановкой классовой борьбы.

8. Отсюда и происходит различие форм партизанской борьбы по *типам* районов (стран) действия и *периодам* развития классовой борьбы. В первом случае нужно различать районы: а) чисто крестьянские, б) чисто рабочие (фабрично-заводские) и в) полурабочие, полукрестьянские, с одной стороны, и болотисто-лесистые, горные, степные и т. п. — с другой. Во втором случае: а) период предреволюционный (первоначальное выступление партизан и их зарождение), б) революционный (размах и организованность партизанских действий вплоть до восстания) и в) период открытой гражданской войны.[3]

---

[1] *Строд*, Унгерновщина и семеновщина, «Прол. революция» 1926, № 9, стр. 132; *Сапожников*, Ижевско-Воткинское восстание, «Прол. революция» 1924, № 8 — 9, стр. 17.

[2] *Пече, Я.*, Боевые дружины в Латвии в 1905 г., «Прол. революция» 1926, № 3 (50).

[3] Эти условия усложняются в периоды внешних войн, но зато сокращаются во времени их действия, так как сама война работает на революцию (разумея империалистические войны).

Указанная двойная обусловленность форм партизанства настолько взаимно проникает друг друга, они так тесно переплетаются между собой, что разорвать их нет никакой возможности, не рискуя впасть в догму и выдумки кабинетной систематики. Брать их нужно в целом в процессе развития по периодам, в ходе вырастания одной формы из другой, общей связанности их в определенной полосе революционного движения на основе типового районирования, хотя бы в грубых чертах проводя различие между условиями города и деревни, центра и окраин, леса и степи, гор и пустыни.

9. По отдельным периодам развития партизанской борьбы можно дать следующую общую характеристику ее форм.

Первый период, в силу слабости боевых организаций, их еще только накапливающегося опыта и т. д., отличается *индивидуалистическими*, *засадно-террористическими*[1] формами борьбы с небольшим числом эксов (оружия), характеризующимися отсутствием общего плана и систематичности действий, небольшим размахом операций, связанных только с местожительством боевиков партизан и самообороной организации или района. Объекты операций этого периода в различных районах будут неодинаковы, именно: *в селах* — добыча оружия и огнеприпасов, паспортов и других документов у сельских властей, помещиков, случайно попавших одиночек-солдат, офицеров и других; террор против сельских правительственных и полицейских агентов, активных фашистов и помещиков, прибегающих к насилию над трудящимися; освобождение арестованных товарищей во время самого ареста или передвижения их по этапу на подводах или походным порядком; борьба при помощи засад и подобных хитростей с отрядами карателей и усмирителей или сборщиков податей; в городах — добавляется охрана демонстраций, стачек, освобождение заключенных из тюрем (но не путем открытого нападения, для чего обыкновенно нехватает сил и средств), мелкая порча памятников, казарм, железнодорожного полотна, линий связи — телеграфа, телефона, машин, кранов на пристани, бронеавтомобилей, танков, паровозов и др.

Второй период отличается *массовыми*, *дерзконападательными*,

---

[1] Террористические акты понимаются при этом не в смысле эсеровского индивидуального террора. Они применяются лишь в таких формах, которые рассчитывали бы на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие. Еще в «Искре» Ленин писал, что террор «одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения при известном состоянии войска и при известных условиях», но террор никогда не должен отрываться от широких масс. Террор целесообразен как «всенародный, действительно обновляющий страну, террор, которым прославила себя Великая французская революция» (Ср. *Ленин*, Собр. соч., т. I, стр. 384; т. IV, стр. 34 — 120 — 122). Таков и массовый террор партизанской войны, проявлявшийся например в 1905 г. в Москве и в др. городах. В «Уроках Московского восстания» Ленин писал: «Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организуя и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы, устраняя и отсекая беспощадно то «босяческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великолепно и беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик» (*Ленин*, Собр. соч., т. VII, ч. 2, стр. 52).

налетно-набеговыми формами боевой деятельности, со внесением известного общего плана и постоянства, регулярности операций. От самообороны партизанство переходит к наступлению на всем фронте, нанося ущерб врагу и всегда держа его в постоянной тревоге и атмосфере неожиданностей и сюрпризов, изматывая и дезорганизуя его своими внезапными ударами.

Партизаны уже не ограничиваются местом своего расположения, а понемногу начинают превращаться в подвижные истребительные отряды различной величины и силы, перебрасываемые туда, где по общему плану нужен нажим на уязвимое место противника. Самые операции укрупняются, число объектов нападения по сравнению с первым периодом увеличивается, самый характер действий, подготовка и организация их усложняется. Они вырастают в серьезные стычки с полицией, фашистами и войсками, начинаются открытые уличные и полевые бои, образуются фронты, отряды и различные штабы. Оружие захватывается в складах, поездах, казармах; массовый террор одновременно охватывает целые города или районы; налеты на учреждения, полицию или войска, железнодорожные станции, мосты, караулы, пароходы, радиостанции, водопроводы и т. д. производятся путем сосредоточения сил даже из других районов; происходит как бы обмен боевыми силами города и деревни; партизаны превращаются в профессионалов-бойцов, готовых во всякое время двинуться в поход от центра до самых далеких окраин и наоборот, чем облегчается организация набегов-рейдов «по тылам» противника и поиски его. В этот период необходимо особое напряжение со стороны руководства. Нигде при осуществлении оперативных замыслов не требуется так системы, которая в одно и то же время давала бы максимум согласованности энергичных усилий, при чрезвычайной подвижности, быстроте и мелкокалиберности актов, — как в малой войне этого периода. Но и в этот период партизанство не может стремиться к уничтожению или истреблению сил противника в целом, что отрицается сущностью его (партизанства). Оно лишь усиливает ослабление, дезорганизацию, утомление противника, всячески затрудняя его работу и нанося ему вред. Партизанство — не меч, рассекающий противника на части и разящий его насмерть, а лишь острые занозы, вонзающиеся в тело врага так искусно, что он не в состоянии уберечься от них и противостоять им.

В третьем периоде партизанство протекает уже в обстановке легальности и за счет государства, сливаясь с армейскими действиями, но в основном оно сохраняет общий с повстанчеством характер операций, его методы, задачи и формы, так как скрытность работы (в условиях подполья, в тылу противника), почти одинакова — изменяются лишь боевые средства и сравнительная легкость снабжения ими в период организации. Так замыкается организационный и оперативный круг партизанства-повстанчества, являющегося основой и для партизанства войскового...

10. Рассмотрев современный общий характер партизанства-повстанчества и партизанства войскового типа, их задачи и формы, мы должны признать:

а) большую и ответственную роль этого вида малой войны в современной вооруженной борьбе;

б) огромное значение для исхода борьбы партизанства-повстанчества, ускоряющего и сильно облегчающего нанесение поражения врагу, в тылу которого оно развивается, как это было, напр., с колчаковщиной и др.;

в) трансформацию партизанства войскового типа, использующего теперь в полной мере и боевую технику армии, и воздушный, морской и речной флоты, расширившего свои задачи требованиями социально-политического порядка и необходимостью организации своих ячеек не только в тылу противника, но и в своем тылу, на случай возможного оставления этих районов войсками;

г) изменение социальной подоплеки партизанства, превратившей его в одно из сильно действующих средств вооруженной классовой борьбы, с резко подчеркнутым классовым содержанием, как в смысле отбора людей, так и материальной и политической базы его, а следовательно, иных — по сравнению с теорией Балка, Клембовского и др. — объема, схемы организации, методов действия и темпов развития;

д) преимущество в современной борьбе партизанства-повстанчества перед партизанством войскового типа, обусловленное развитием (формами и задачами) классовой борьбы;

е) необходимость для партизанства полного слияния — идейного и материального — с массами (по признаку классового родства), являющимися наиболее прочным фундаментом питания, укомплектования, боевого энтузиазма и вообще существования партизанства;

ж) необходимость культивирования партизанства в мирное время с целью заблаговременной подготовки к войне, в особенности для усиления обороноспособности страны против захватнических попыток империалистов, которые сейчас принимают все меры к усовершенствованию своих аппаратов разрушения в смысле количественного усиления вооруженных сил, организационно-тактической подготовки их к малой войне на основе всей мощи боевой техники и агрессия которых направлена прежде всего в сторону СССР.

11. В связи с этим мы должны обратить особое внимание на то значение, которое приобретает партизанство для СССР.

Социальная природа будущих вооруженных столкновений с СССР, внутриполитическое и экономическое положение наших вероятных противников (обострение классовой борьбы, развитие революционного рабочего движения, национально-освободительное движение на Востоке и в колониях, рост симпатий со стороны трудящихся всего мира к СССР и т. п.), характер будущих театров войны (лесисто-озерный или болотистый на севере и отчасти на западе при отсутствии достаточного количества шоссейных и др. дорог, сравнительная редкость крупных населенных пунктов на нашей западной и восточной границах и т. п.) — все это говорит за то, что в будущей войне партизанство будет широко практиковаться борющимися сторонами.

Наши противники вероятно будут больше применять партизанство войскового типа, снабжая его всеми техническими средствами—

авиацией, газами, радио, авто, бронемашинами и др. Но конечно они не откажутся использовать — в первую очередь через белогвардейцев — и методы партизанства-повстанчества, базируясь на кулацкие элементы деревни, меньшевистско-эсеровские группы крестьянства и мелкой буржуазии в городах, попов и разных «бывших» людей. Финляндский шюцкор определенно готовится к партизанским действиям, для чего имеются особые инструктора (в том числе белогвардейцы), оборудуются базы, идет обучение на моторных лодках для будущих налетов озерно-речной флотилии, прорабатываются вопросы приспособления для мелких отрядов специальных образцов вооружения, тренируются для действий на лыжах и т. д. Отряды белых прикармливаются и в Польше. Часть белогвардейцев включена в кадр польской армии для «освежения» их знаний, чтобы потом развернуть за счет их особые боевые группы для партизанских набегов. Белые находятся на иждивении и в Румынии и в других государствах, точащих ножи против нас.

Вполне возможно поэтому, что в самом начале войны — даже до формального объявления ее — будет выслан на нашу территорию целый ряд партизанских отрядов, состоящих из белогвардейцев с небольшим числом польских, латышских или финских фашистов, при одновременных попытках организации вспышек и других вооруженных выступлений в тылу (создание у нас внутреннего фронта). Такие операции возможны как на западе, так и на востоке, а равно и на Черном море. Последние события на Дальнем востоке в связи с конфликтом на КВЖД вполне подтверждают это положение...

12. Учитывая все эти факты, мы должны иметь в виду вероятность применения партизанства во все периоды будущей войны.

Так как первый период войны для всякой армии распадается на под-периоды — а) мобилизации армии, б) ее сосредоточения, в) оперативного развертывания вооруженных сил и г) первой операции, — то очевидно и задачи партизанства будут определяться содержанием работ этих периодов с общей целью — нарушить расчеты командования противника, замедлить ход мобилизации и дать возможность быстрее и полнее изготовиться к бою своим силам.

Объектами действий партизанства на период мобилизации будут: а) железные дороги и связь, узловые станции и транспортные средства, б) штабы и учреждения, ведающие мобилизацией, аппараты власти, органы обслуживания мобилизации и т. п., в) склады (разные), г) фланги и тылы частей прикрытия и пограничников. [1]

Крупные партизанские отряды в этот период могут пробраться даже в глубокий тыл, оттянув на себя значительные части, сорвать мобилизационные процессы, и таким образом перепутать расчеты и

[1] Польский устав полевой службы (1921 г.) по этому поводу говорит: «Отряды, брошенные в районы мобилизации и сосредоточения на фланги или в тыл противника, могут иметь узко ограниченную цель, напр. разрушение железнодорожного моста у ст. *А*, уничтожение складов огнестрельных припасов в м. *Б*, а иногда они получают и более обширные задачи, требующие продолжительных действий и ряда предприятий, ведущих к ослаблению противника, перерыву его сообщений, принуждению его к раздроблению сил. Иногда задачей их будет поднятие восстания в неприятельском тылу», стр. 390.

планы сосредоточения. Мелкие части партизан легче просачиваются в тыл к заранее организованным своим явкам, «пристаням», чтобы здесь с заблаговременно подобранными людьми приступить к разрушительной работе по порче прежде всего железных дорог и связи (выгоднее разрушение мелкого порядка, но во многих местах) и сеянию различных слухов, ведению пропаганды и подготовки восстаний.

В период сосредоточения армии партизанам труднее осуществлять набеги через фронт в тыл, так как к этому времени войска прикрытия будут более организованы и усилены за счет отмобилизованных частей и соответствующего инженерного оборудования своих районов. Поэтому в этот период нужно ожидать действий главным образом партизан, успевших угнездиться заблаговременно в тылу. Объектами действий будут те же железные дороги и средства связи, транспорты, склады, арсеналы и отдельные войсковые части.

Период развертывания потребует от партизан организации усилий для того, чтобы, во-первых, перегруппировать силы противника, оттянув часть их от намеченного района, ослабив их там, где это им невыгодно, и, во-вторых, замедлить выдвижение войсковых частей в назначенное им место. Для этого могут быть использованы набеги на железные дороги, транспортные средства и крупные склады, организация вспышек повстанчества в различных тыловых пунктах, внезапные нападения на движущиеся по грунтовым дорогам войсковые части, в особенности если местность закрытая и пересеченная, налеты на этапы, обозы, почты, казначейства, населенные пункты, массовый террор для наведения паники и т. п.

В дальнейшие периоды войны партизанство несомненно будет выполнять задачи по истощению сил противника, всюду и постоянно нанося ему материальный ущерб всякими способами, сообразуясь с конкретной обстановкой и оперативными замыслами командования. Поэтому генеральные штабы армий еще в мирное время для обеспечения себя от действий вероятных врагов и нанесения им ударов в целях их большего истощения помимо общей подготовки своих вооруженных сил к войне:

1—намечают районы действий партизан по полосам (в тылу у противника, на самом театре боевых действий—в приграничной полосе и в тылу у себя) с точной разработкой плана действии в каждом районе по периодам;

2—насаждают там сеть партизанских ячеек со всеми необходимыми для будущей боевой работы органами, обеспечив материальную базу;

3—намечают кадры партизан и распределяют их согласно плана;

4—ведут подготовку намеченного кадра партизан в политическом, организационном и тактически-боевом отношениях;

5—ведут соответствующую подготовку во всей армии и флоте, в особенности среди комсостава, чтобы каждый знал существо партизанских действий и умел на практике и противодействовать им и осуществлять самостоятельно задачи, могущие быть ему поставленными во время войны как партизану.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ДИВЕРСИИ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ.

Эволюция понятия и масштаба диверсий в зависимости от изменений характера войны. Применение диверсий в начале XX в. и перед мировой войной. Значение диверсий в системе подготовки к войне. Общие принципы диверсионной деятельности.

Если по общим вопросам малой войны и партизанства можно найти кое-какую, правда, теперь устаревшую, теоретическую литературу, в значительной части описательную и мемуарную, то о диверсиях мы ничего не имеем, кроме нескольких строк, отведенных им или в общих тактиках, или же в отдельных монографиях о боях, причем и там помимо общих определений и некоторых тактическо-организационных моментов также нельзя получить ничего конкретного. О современных же диверсиях, за исключением кратких описаний отдельных диверсионных актов, описаний, разбросанных по различным статьям, книгам и мемуарам, до сего времени в печати — иностранной и нашей — буквально ничего нет.

Под диверсиями раньше понимали обычно второстепенные боевые действия выделенных от армии небольших отрядов с целью отвлечь внимание противника (ввести его в заблуждение), вынудив его выделить часть войск с главных боевых участков, и тем самым облегчить своей армии на главном направлении организацию и нанесение удара превосходными силами. Диверсии не преследовали решающих целей; они скорее должны были действовать на воображение противника, на его моральную устойчивость, ослабление его воли, заставляя разбрасывать его силы, приковывая их к тем пунктам или районам, которые были далеки от намеченного борющейся стороной места решительного удара.[1]

Для диверсии назначалось как можно меньше сил, чтобы не ослаблять себя на главном направлении, тем более что успех диверсий

[1] Клаузевиц, напр., отводил диверсиям на 700 слишком страницах своей работы всего две странички. Под диверсиями он понимал «такое нападение на неприятельскую территорию, коим часть сил противника оттягивается от главного пункта... Объектами диверсий могут быть: крепости, большие склады или большие богатые города, в особенности столицы, сбор контрибуций, поднятие недовольных подданных неприятеля... Диверсия полезна и заслуживает этого наименования тогда только, когда она от главного театра войны оттягивает более сил противника, нежели мы употребили на диверсии. Если бы она оттянула силы, равные нашим, то воздействие собственно диверсии равно нулю» «Война (теория стратегии)», т. II, СПБ., 1902, стр. 294 — 295.

всегда был более или менее относителен. Поэтому диверсионные войска, как слабые части, должны были изыскивать пути для достижения поставленных им задач не только боем, но и другими средствами — разного рода хитростью, поджогом, взрывом дорог и переправ, затоплением местности и т. п. в соответствии с обстановкой.

Диверсии по существу тождественны демонстрациям, и в первое время их применения на практике так оно и было. С течением времени эти боевые действия разграничили свои сферы: демонстрации стали применяться на полях сражения, на фронтовых линиях, а диверсии — в тылу, на театре военных действий. Демонстрации имели ограниченный район маневрирования, связанный с районом главных сил, диверсии же захватывали весь район операций и баз вместе с путями подвоза и вывоза. Отличие от партизанства войскового типа заключалось в том, что диверсионные части были мельче и слабее партизанских; они состояли преимущественно из пехотных контингентов, даже одиночек. Они пробирались в тыл противника где-либо в стороне от фронта, скрывая оружие и свою принадлежность к армии, и уже потом на месте действовали своим оружием против тех объектов, которые им были намечены командованием, в то время как партизаны — большею частью конные — выступали в тыл противника под видом войсковой части со всем присвоенным им оружием, но без обозов.

С развитием военной техники, увеличением армий, улучшением путей и средств связи, оборудованием тыла и его усложнением — диверсионные действия стали применяться не только в ближайшем тылу, но и в глубоком, в самой стране, питающей армию. Но так как пробраться туда через фронт, хотя бы самой незначительной войсковой части, было почти невозможно, то выполнение диверсий стали поручать особым агентам или группам, организуемым нелегально во вражеской стране. Таким образом диверсии дифференцировались от фронта и армии, но идейное руководство ими, правда не всегда своевременно осуществляемое из-за затруднений в области связи, оставалось все-таки за армией, за ее аппаратом управления. Объекты диверсий также разнообразились с течением времени, способы осуществления видоизменялись, вся техника работы усложнилась настолько, что для диверсионной работы нужны были специальные знания, специальные средства и специальное уменье.

Задачи диверсий по существу остались те же, но конкретизировались в зависимости от обстановки и средств, именно — ослабление противника, его устрашение и деморализация, расстройство его планов и деворганизация работы органов управления, снабжения и обслуживания вооруженных сил, а отсюда и — разрушение, порча, взрыв, поджог, убийства (террор), отравление, дезинформация — в печати и устно, кражи и др. Очевидно, вся эта работа должна была протекать в чрезвычайно секретном порядке и бережно охраняться от всякого постороннего глаза, чтобы обеспечить себя от преждевременных провалов и не дать противнику возможности раскрыть всю технику и методы этой работы. Вот почему диверсии по существу не могли быть массовыми действиями, они не могли связываться,

в силу законспирированности и «деликатности» своих актов, с какой-либо крупной общественной или политической организацией, а производились малыми отрядами и одиночками, объединенными своей особой организацией, своей особой сетью вне армейских операций и связи с войсками.

Раньше мы определили малую войну как совокупность импровизированных активных действий небольших отрядов, организованных населением, армией, правительством или партией для нанесения противнику материального или иного ущерба всюду, где это возможно, и всеми доступными средствами. Отсюда под диверсиями мы будем понимать активные действия секретных мелких отрядов и групп, организуемых для ослабления враждебной стороны всюду, где это возможно, и всеми доступными им средствами в целях подготовки более крупных ударов — решающих — в другом месте.

В отличие от партизанства, всегда связанного с массами — войсковыми или населения, всегда опирающегося на массовые движения, — диверсии всегда индивидуалистичны, не имеют корней в массах на местах, сплошь да рядом враждебных им, почему и совершаются обыкновенно людьми, присланными откуда-либо со стороны. На местах используются только отдельные подкупленные или так или иначе завербованные агенты-помощники или активные участники будущих диверсий (среди них могут быть идейные). Выполнители диверсионных актов — это бойцы, вооруженные, но не сражающиеся, тогда как партизаны являются прежде всего сражающимися бойцами, выделенными для борьбы массой.

Таким образом диверсии, начавшись в армиях и их ближайших тылах и флангах, эволюционировали в дальнейшем и в отношении своего районирования, продвинувшись в глубокие тылы страны, и в отношении оперативного руководства, оторвавшись от непосредственной связи с армией, и в отношении организационном, выделившись в особую сеть ячеек агентурного типа, строго законспирированную и завуалированную. Последнее и обусловило между прочим то, что диверсионная работа часто смешивается с так называемой «активной разведкой», занимающейся разными разрушительными действиями при помощи агентуры.

Так как обыкновенно разрушительная работа сосредоточивалась в разведывательных органах, имеющих агентурный аппарат, то и диверсии проходили по их же линии, но теоретически смешивать «активку» и диверсии совершенно невозможно и вредно, несмотря на пространственную совместимость их на практике. Первая преследует цели только разведки. Как на полях сражения войсковая разведка иногда добывает сведения боем, так и агентурная разведка принуждена получать нужные ей данные различными способами вплоть до убийств и разрушений. Однако цель всегда разведывательная. Диверсии — это боевая работа, они всегда имеют задачей ослабление мощи противника, не задаваясь совершенно разведывательными целями (для них разведка нужна постольку, поскольку она обеспечивает осуществление боевой задачи), почему и организация диверсионной работы должна быть выделена от работы по активной

разведке. Агент «активки» обязан своевременно достать нужные сведения и передать их в срок, куда приказано; от диверсиионного агента этого совершенно не требуется, а следовательно и сеть диверсионной организации не будет иметь некоторых звеньев, необходимых для связи в активной разведке.

Правда иногда в зависимости от обстановки и средств легче выполнить диверсионный акт агенту разведки, что и делается на практике, но это не правило, а «применение исключительного положения» и обыкновенно бывает в периоды организации, т.е. при слабости агентурного аппарата и малой разработанности организационной стороны диверсионных операций.

До XX в. диверсии вообще были слабо развиты, так же как и активная разведка, но уже во второй половине XIX в. они перешли на тот тип, о котором мы говорили.

В «Der militärische Nachrichtendienst und die Bekämpfung der Spionage in Frankreich» — приводится указание на то, что французское командование давало задание агентуре в войну 1870—1871 гг. по порче искусственных сооружений, чтобы помешать сосредоточению германской армии. «Из записок одного умершего французского шпиона видно, что... когда Эльзас уже был занят германскими войсками и управлялся германскими властями, дано было поручение взорвать один из туннелей у Цаберн».[1] Это, конечно диверсия, несмотря на то, что операция шла по агентуре разведки (шпионажа).

Можно было бы привести и еще несколько примеров, относящихся к различным армиям, но мы считаем это нецелесообразным, так как они мало отличаются друг от друга. Объектами диверсий в первый период перехода их на рельсы конспиративной деятельности были обыкновенно различные склады, железнодорожные станции (узловые), пути, казармы, патрули, отдельные офицеры и т. п. В качестве средств применялись — взрывчатые вещества, поджоги, нож или револьвер. Диверсия распространялась главным образом на район ближних тылов, почти не касаясь страны и ее ресурсов глубокого тыла, причем приурочивалась к моменту военных действий, то-есть имела место в период войны.

Однако по мере расширения масштаба войн рос и масштаб диверсий. Капитализм, как известно, создал массовые армии, дал новое, более совершенное оружие, требующее расходования большего количества припасов, что вызвало в свою очередь необходимость длительной и более всесторонней подготовки к войне в мирное время. С увеличением армии нужно было увеличивать запасы и склады оружия, снарядов, сырья для производства их, расширять предприятия, строить новые заводы — пороховые, орудийные, сталелитейные и арсеналы. Увеличение производства предметов для войны потребовало организации и подвоза сырья к предприятиям, доставку им топлива, сооружения новых путей — железнодорожных и шоссейных, мостов, каналов, развития различных средств транспорта, обеспечивающих бесперебойное снабжение промышленности по обслу-

[1] Berlin, 1908 г. Geheim. S. 9.

живанию армии. Вместе с тем осложнилась и подготовка вероятного театра военных действий в смысле сооружения там укреплений, станций связи, путей сообщения, различных платформ посадки и высадки для армии и ее имущества, складов продовольствия и боеприпасов и т. д. и т. п. Подготовка к войне в целом приобрела настолько широкий и разносторонний характер, что выпадение или расстройство отдельного звена могло нарушить своевременное осуществление плана войны, в особенности в первый момент мобилизации и сосредоточения армии, когда чрезвычайно важно — кто возьмет в свои руки инициативу и нанесет быстрый и сокрушительный удар. Поэтому все государства стали тщательно следить за развитием вооруженных сил и темпом подготовки к войне соседних стран и принимали все меры к тому, чтобы или обогнать противника в росте своих вооруженных сил новым напряжением всей экономики страны (что не всегда удавалось), или же в мирное время ослабить его мощь такими мероприятиями, которые официально не могли бы быть приписаны конкурирующей стороне. Отсюда стремление к тайному вредительству, организации диверсий еще в мирное время и в области политической, экономической, военнотехнической и др. или, по крайней мере, стремление к проникновению в мирное время внутрь страны противника, к самым недрам его хозяйства, первоисточникам военной подготовки, чтобы с объявлением войны можно было эти первоисточники или разрушить совершенно, или дезорганизовать, привести к бездействию на один-два месяца, сорвав тем самым мобилизацию армии и внеся панику в страну.

В связи с этим с началом XX в. область диверсии чрезвычайно расширяется. Одной из первых вступила на этот путь *Япония*. Она широко и умело использовала это средство против России еще до войны 1904/5 г., не только на театре военных действий — в Маньчжурии, но и в глубоком тылу, в самой России. Кавара Мисако, состоявшая учительницей в ставке монгольского харацинского Вана Гусан Норбо, уже после русско-японской войны выпустила книгу — «Монгольский подарок» (Моко Мкягэ), где в главе под поэтическим названием — «Цветы сливы в снегу» особенно полно описала свою работу как агента Японии в Монголии против России и в том числе подготовку диверсионного акта — именно разрушение Сунгарийского моста (попытка не удалась) в тылу русской армии. Другой писатель Хасэгава Тацуносукэ, известный в Японии больше под литературным псевдонимом Футабатэй Симэй, хорошо владевший русским языком, переведший на японский язык несколько произведений Тургенева, — казалось бы не должен был иметь никакого отношения к диверсиям и агентуре, но, как выяснилось потом, он был активнейшим работником в области диверсий и агентурной разведки. Незадолго до мировой войны, после его смерти, друзьями писателя был выпущен в печать целый том, посвященный его характеристике как патриота, крупного художника слова и образцового гражданина, всегда болевшего «за интересы родины».

Его друг Оба Како пишет в этом сборнике про дела писателя Хасегава, именно — организацию найма хунхузов для разрушительных

действий в тылу русских армий, причем это проделывалось еще до объявления войны... «Когда же наступил год войны и облака порохового дыма разостлались над равнинами Маньчжурии, то началось движение китайских патриотов-гверильясов, появлявшихся и исчезавших то здесь, то там, как духи и черти» — кратко резюмирует автор результаты работы Хасэгавы. [1]

Нужно отдать справедливость писателю Хасэгава в том, что он умел вести диверсионные дела и организовывать агентурную сеть, использовывая и свои недюжинные писательские способности, и свои знакомства, и связи, и... деньги. Конечно он действовал не на свой риск и страх, а был тесно связан и с Генеральным штабом, и с Министерством иностранных дел, так же как и «писательница» Кавара Мисако...

Германия и Франция также усиленно готовились к войне и принимали всякие меры к ослаблению военной мощи друг друга. Германия старалась использовать мирное время не столько для *совершения* самих диверсионных актов, сколько для их *организации и подготовки*, чтобы пустить всю диверсионную машину в ход сразу же с объявлением войны и поразить противника внезапностью и массовостью действий.

В этих целях Германия стремилась использовать сеть своих капиталистических организаций, которые проникали за границу по своей инициативе, конкурируя на рынках. Это естественное для всех капиталистических государств стремление к овладеванию рынками, к внедрению своего капитала, промышленного и финансового, в иностранную систему экономических связей давало хорошую ширму для организации диверсионной работы и агентурной разведки.

В конце XIX в. немцы сумели заполучить в свои руки Корбейские мельницы (суточная продукция которых питала один миллион жителей района Парижа), снабжение почти всех восточных фортов Франции углем, снабжение аэростатических парков своим водородом, обслуживание некоторых органов военного ведомства изделиями своих фабрик; напр. немецкая химическая фабрика в Ля-мот-брей снабжала рядом продуктов несколько учреждений французского воздушного флота и даже провела подземный газопровод непосредственно в ангары военных дирижаблей.

Оголтелый шовинист Леон Додэ в своей книжке правильно подметил стремление немцев внедряться своими капиталами в такие французские районы, где имеются форты или укрепления, «поблизости от запасных путей и разветвлений, а главное — таких железных дорог, которые с минуты мобилизации будут служить для концентрации и перевозки войск. Они (немцы) находятся по соседству с фортами и с крупными складами угля и военных припасов, с арсеналами, поблизости от некоторых каналов и станций беспроволочного телеграфа, а также водопроводов и виадуков. Словом в таких местах, которые представляют собой нервные узлы национальной обороны,

---

[1] Ср. *Бецкий*, *К.* и *Павлов*, *П.*, Русский Рокамболь (И. Ф. Манасевич-Мануйлов), Ленинград, 1927.

и если эти пункты будут повреждены или разрушены неприятелем, то это повлечет за собой огромную помеху, если не целую катастрофу».[1]

Все это совершалось под флагом мирного экономического преуспеяния, добрососедских коммерческих отношений и частной инициативы, но в моменты близкой угрозы войны, как напр. в 1911 г., во время так называемого «агадирского кризиса», оказался «внезапно» взорванным мост Бислэ через Мезе в области Сен-Миеля, испортилась оболочка одного аэростата в силу недоброкачественности газа, немецкое предприятие отказалось выполнить заказ французской фирмы «Клеман Баярд» на радиаторы для дирижаблей (своих радиаторов у французов не было) и др. «случайные и непредвиденные события». На самом деле это было началом диверсионных действий, выявившихся, как потом выяснилось, довольно неосторожно, что дало французскому правительству повод для пересмотра системы своей охраны страны и подготовки к войне.

Русский Генеральный штаб, подталкиваемый идеей реванша после войны 1904/5 г., также думал одно время заняться диверсиями против Японии, но осложнения на западе отвлекли внимание его в другую сторону, и восточный диверсионный проект не был осуществлен.

В октябре 1910 г. штабс-капитан Лехмусар предложил не ограничиваться одними «простыми разведками» (сбором сведений), а обратить внимание «на поддержание в корейцах того враждебного к японцам настроения, которое господствует теперь среди большинства корейского населения». Для этого он предлагал распространять особую литературу против японцев, а главное поддерживать инсургентское движение.

«Что касается ныне принятого способа борьбы инсургентов, — писал Лехмусар, — посредством вооруженных нападений на японских жандармов и маленькие войсковые отряды, то такой способ надо признать не достигающим цели, а вместо этого необходимо направить действия инсургентов главным образом на разрушение железных дорог, телефонных линий и опытных японских ферм, чтобы расстроить японскую экономическую жизнь в стране».[2]

Таким образом перед мировой войной различались диверсии: *экономические* (удар по предприятиям, железнодорожным путям и транспорту, финансам и вообще экономическим связям страны), *политические* (пропаганда, разложение и интриги в среде правительственных и влиятельных общественных организаций), *военные* (взрыв и порча вооружения, боевого снаряжения, складов, арсеналов, укреплений, станций связи и др.) и *террористические* (убийство или отравление общественно-политических и военных деятелей). В свою очередь эти диверсии и по форме можно разбить на *активные* (акты материального разрушения или уничтожения) и *пассивные* (саботаж, уклонение или отказ от выполнения той или иной работы, распространение слухов, замедление процессов производства), диверсии *мир-*

[1] *Додэ, Л.*, Перед войной, перевод с франц., изд. Березовского, СПБ, 1913, стр. 106.

[2] *Звонарев, К.*, Агентурная разведка, т. I. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны, М., 1929.

ного времени и диверсии *во время войны*. Последние различались в свою очередь — в зависимости от характера и задач — по периодам войны, именно диверсии периода *мобилизации и сосредоточения армии* и диверсии периода *самой войны*, после развертывания вооруженных сил. В период мобилизации острие диверсионных актов направлялось прежде всего на заторможение мобилизационных процессов армии, расстройство и внесение паники в ряды государственных органов, ведающих мобилизацией и сосредоточением армии; поэтому разрушительные действия касались железнодорожных путей, мостов, транспортных средств, складов, сборных пунктов, телеграфно-телефонных линий, арсеналов, снабжающих и обслуживающих учреждений армии, на фоне распространения преувеличенных и ложных слухов о силах и действиях противника и т. п.

В следующий период войны диверсии направились главным образом в глубь страны, к источникам питания фронта, к экономическим центрам — угольным бассейнам, металлургическим и металлообрабатывающим предприятиям, сырьевым базам, крупным базисным складам, центральным штабам, крупным узловым пунктам путей сообщения и связи, арсеналам и верфям, рабочим центрам и т. п., чтобы изолировать фронт от тыла, парализовать связь между ними, создать замешательство и расстройство в снабжении фронта всем необходимым, вызвать недовольство в тылу, нарушив его устойчивость, и тем ослабить фронт, расстроить планы командования и т. п.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДИВЕРСИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

Диверсионная деятельность России, Франции, Англии, Германии, ее необычайный размах. Разнообразие методов и форм.

Мировая война выявила всю широту и огромный размах диверсионной работы и ее методов, охватив буквально и землю, и небо, и воды. Она показала, что, чем солиднее и продуманнее была подготовка мирного времени, тем разнообразнее и мощнее была диверсионная практика во время войны, чем сильнее и разветвленнее были агентурные аппараты, тем быстрее и легче налаживалась диверсионная работа. Поэтому по странам диверсии отличались и по темпу, и по формам, и по средствам.

Русский Генеральный штаб, не обращавший в мирное время серьезного внимания на агентуру и ее работу, не смог организовать и во время войны солидной диверсионной деятельности, хотя и затратил на нее значительные средства. Прежде всего он опоздал с диверсиями, упустив горячее время — мобилизации и сосредоточения австро-немецких войск, затем начал работу без определенной системы и тщательно продуманного плана, не учитывая ни оперативных замыслов своего командования, ни действий и сил противника, ни своих средств. Вполне естественно, что работа его пошла по линии наименьшего сопротивления, по-кустарному, и конечно не могла дать удовлетворительных результатов.

В январе 1916 г. штаб главнокомандующего войсками Юго-западного фронта поручил секретному сотруднику, некоему Фарди, приступить к организации в Турции «революционного движения», направленного против распоряжавшихся там германцев и поддерживавших их младотурок.

Почему нужно было делать «революцию» именно в Турции против германцев, в какой связи стояло это с оперативными предположениями русской армии и вообще Антанты, почему должен был взяться за это дело Юго-западный фронт, а не Кавказский напр. — на эти и подобные вопросы нет ответа. Равно нет ответа в делах архива русского Генерального штаба и на вопросы о том, кто такой был Фарди, почему ему нужно было поручить такое ответственное дело. Было ясно одно: для штаба Юго-западного фронта нужно ослабить противника, хотя бы в Турции, а там видно будет, что из этого выйдет и что можно сделать дальше. Как бы то ни было, Фарди получил крупные суммы и отправился в Турцию.

Ему были поставлены следующие задачи:

Пассивные действия — энергичное и широкое возбуждение среди войск и мирного населения недоверия и ненависти к германцам и младотуркам с пропагандой необходимости всеми средствами мешать продолжению войны.

Активные действия — «избиение германского офицерского состава и преданных германцам младотурок, взрывы мостов, линий железных дорог, тоннелей, складов, огнестрельных припасов, поджоги провиантских и вещевых складов, препятствование своевременному подвозу огнестрельных и продовольственных припасов и т. д.». [1]

В поставленных ему задачах ничего конкретного не было. Все было предоставлено инициативе и предусмотрительности неизвестного агента, Фарди, оказавшегося впоследствии немецким агентом, выполнявшим в этом отношении специальное задание. Фарди несколько месяцев обманывал русский Генеральный штаб, выкачивая деньги и дезинформируя его (за пять месяцев Фарди получил 86 900 рублей). В конце-концов он прислал донесение — свою «лебединую песню», в котором сообщал о якобы произведенных им террористических актах — убийстве фон дер-Гольц-паши, Абдул-паши, фон Мюнцер-паши, Ахмед-Заде-Селим-бея, покушениях на Энвер-пашу и Сандерс-пашу, массовых убийствах германо-турецких офицеров в Сивасе и пр. Все это было таким наглым враньем, которое легко было раскусить даже неопытному разведчику. Ставка, ознакомившись с материалом Фарди, приказала прекратить его работу.

Была другая попытка самой Ставки: наладить диверсии в Германии по такому плану:

организовать в Эльзасе на крупповских заводах революционные комитеты (фиктивные); распространить среди рабочих от имени этих революционных комитетов прокламации и листовки о прекращении войны; произвести покушения на лиц администрации этого округа; сорганизовать стачку рабочих; повредить или взорвать правительственные сооружения и т. п. Автор этого проекта требовал для осуществления указанных целей только... 40 000 000 руб. в год. Несмотря на сочувствие Ставки, провести этот проект в жизнь не удалось из-за недостатка средств, а также и подготовленных людей.

Наконец в январе 1917 г. генерал-квартирмейстер при Ставке написал генерал-квартирмейстеру Генерального штаба о том, что в связи с широким использованием в Германии русских военнопленных у него возникает мысль «о вреде, который мог бы быть нанесен благосостоянию наших противников при умелой и незаметной на первый взгляд порче поручаемой пленным работы, как напр. уничтожение глазков картофеля при его посадке, слишком глубокий посев свеклы, порча сельскохозяйственных орудий, заводских машин, скота, повозок и т. п.» Генеральный штаб одобрил эту мысль. Агентура получила соответствующее распоряжение приступить к

---

[1] *Звонарев, К.*, Агентурная разведка, т. I.

организации такой работы, но было уже поздно, да и агентурный аппарат был слаб, почему фактически в этой области ничего сделать не удалось, к тому же, как потом выяснилось, русская агентура физически не могла организовать такого вида диверсионную работу, так как была далека от русских пленных, находившихся в Германии.

Правда, были случаи организации саботажа в Польше, несколько взрывов железных дорог и других сооружений, но все это носило случайный характер, происходило по местной инициативе. В центральных же органах было больше разговоров, чем дела.

Во всяком случае даже незначительный опыт диверсионной работы русского Генерального штаба подтверждает значение диверсий во время войны в таких формах, о которых до мировой войны даже не думали, как напр. диверсии в сельском хозяйстве, промышленности и транспорте.

Франция имела более богатую практику диверсионных актов, с некоторой продуманной системой, заблаговременной подготовкой и бо̀льшим обоснованием своих планов. Но и она приступила к диверсиям не сразу по объявлении войны, а постепенно развивала свою работу, сообразуясь с экономической обстановкой и напряжением операций на фронтах.

Вслед за немцами Франция очень удачно использовала авиацию для диверсионных работ в тылу противника против объектов, игравших важную роль на театре военных действий: железных дорог, больших мостов, шлюзов, складов и др.

Летчик обычно брал с собой агента с взрывчатыми веществами и соответствующими приспособлениями, перелетал через фронтовую линию, заранее намечая пункт посадки, высаживал там агента и улетал обратно. Агент, пользуясь картой и предварительным знакомством с местностью, со всей осторожностью пробирался к пункту своей работы, делал то, что ему было нужно, и выпускал голубя или давал другой какой-либо сигнал аэроплану, чтобы тот доставил его обратно в свой район. Подпоручик Эмриш получил напр. подобное задание в 1918 г. Он вылетел в сопровождении 4 самолетов с двумя пассажирами (агентами) для спуска их в районе Бурсэнь-Нэв и Бурсэнь-Вьель с задачей взрыва Лэфурского тоннеля, «в тот момент, когда там пройдет поезд снабжения, чтобы таким образом остановить движение поездов, подвозящих войска и материалы».

По прибытии на место выяснилось, что движение поездов на указанной линии было слабое, а снабжение шло водным путем через Вальнакарские шлюзы у р. Мааса. Поэтому было решено взорвать вместо туннеля эти шлюзы. Ночью был подложен в определенное место динамит, проведены бикфордовы шнуры, в известное время их зажгли, и через 10 минут «взвился большой водяной столб, нос судна поднялся из Мааса, точно оно хотело выскочить на берег», и шлюз был уничтожен. [1]

---

[1] *Валлентэй, Иг.*, Тайны воздушной войны, М., 1924, стр, 62, 73 и др.

Конечно, такие случаи не всегда были удачны — для этого требовались и отличные летчики, и чрезвычайно выдержанные агенты, но французы частенько прибегали к такому способу, — имеющему значение для ближнего тыла, ограниченного радиусом действий самолета.

Помимо ограниченности района действий, к недостаткам этого способа необходимо отнести еще и то, что трудно, иногда совсем невозможно, заранее по карте наметить (и в точности провести в жизнь) пункт посадки для аэроплана и самый объект действий. Если бы не инициатива Эмриша, получился бы взрыв туннеля, не игравшего в то время почти никакой роли в системе подвоза из тыла, что ослабило бы значение диверсионного акта. С другой стороны, опять-таки выдержка и находчивость дали возможность Эмришу спуститься на виду немецких патрулей, обстрелявших летчика и его пассажира. Пришлось сжечь аппарат и после короткой схватки с патрулем скрыться в лесу, затем в окружении противника взорвать шлюзы и после взрыва в течение двух с половиной недель плутать по тылу противника и лишь случайно выйти в расположение итальянских войск. Элемент случайности в указанном способе играет большую роль, он создает известные трудности для систематической диверсионной работы, организуемой по плану на определенный календарный срок. Поэтому французы употребляли авиацию лишь для эпизодических актов, которые в общей системе борьбы иногда давали эффект, иногда же все дело ограничивалось только жертвами.

Более обеспеченной была работа при помощи сухопутных средств в глубоком тылу, направленная против промышленности и ее сырьевых баз. В этом отношении французы проявили большое уменье в организации, хорошую технику в исполнении и разнообразие приемов, вполне соответствующих обстановке. Нужно также отметить, что они предпочитали активные методы пассивным, прибегая к последним в редких случаях, если не считать известного сорта пропаганду и сеяние слухов, применявшихся перманентно.

Ввиду того, что в первой половине войны Германия имела по сравнению с Антантой превосходство в артиллерии, в особенности тяжелой, и располагала обилием снарядов, Франция и направила все усилия диверсионной работы на заводы, занятые изготовлением артиллерии, снарядов, газов и т. п.

Для этих целей обыкновенно отправлялись группы французских агентов под видом рабочих на заводы Круппа в Эссене и другие города Германии, напр. Штутгард, Фрейбург и т. п., где были сосредоточены названные выше предприятия. Эта работа вскрылась благодаря судебным процессам, происходившим в разных городах Европы. Особенно показательны были в этом отношении процессы в 1916 г. в Базеле и Цюрихе (процесс шпиона Шенкеля и др.), раскрывшие, что отправка агентуры шла обыкновенно через Швейцарию, где были сосредоточены разведки всех враждующих государств. В мае 1918 г. в Берне был громкий процесс драгунского лейтенанта барона Morice Mougeot von Tille и его 19 товарищей. Этот процесс показал, как велась диверсионная работа французской армии против Германии

и Швейцарии.[1] «Neue Züricher Zeitung» писала по этому поводу: «Эти иностранцы под гостеприимным прикрытием Швейцарского союза разрабатывали чудовищные планы — разведки по дислокации швейцарских войск на западной границе, по укреплениям на Юре, местам искусственных препятствий, возможности применения вьючного военного транспорта; организации уничтожения транспорта скота (посредством отравления), организации провокационных забастовок в Chippis, взрывов электрических предприятий фон-Вальдшут, разведки для целей вредительства (Anschlag) фабрики в Шаффгаузене и т. д.» На суде было установлено, что правой рукой лейтенанта Mougeot был уполномоченный от Парижа Дрейфус, державший в своих руках все нити диверсионной организации в Германии. Он употреблял для осуществления своих целей зажигательные бомбы, подсыпал яд в железнодорожные вагоны, в которых перевозился скот, в целях его отравления, а равно яд и в корм скоту, организовывал взрыв карбитной фабрики в Бадене и некоторых предприятиях, работающих на оборону в Шаффгаузене, и др.

Помимо этого французы применяли и такие средства, как отравление питьевой воды, съестных припасов, распространение заразных болезней среди людей и скота, в особенности заражение военных венерическими болезнями через особо подосланных женщин и т. п.

Франция учитывала, что ослабления противника нельзя достигнуть борьбой только на вооруженном фронте. Чтобы сломить его волю к боевым действиям, нужно применять все средства, но прежде всего уничтожить его производственные ресурсы, ставшие в современной войне главнейшим фактором устойчивости и победы. Промышленность стала теперь основной материально-технической базой войны, поэтому, естественно, требуется изыскать такие способы и силы, при помощи которых можно было бы, если не совсем уничтожить эту базу, то ослабить ее настолько, чтобы противник не имел превосходства. В соответствии с этим французы стали разрабатывать вопрос о способах уничтожения тех или иных предприятий в тылу у немцев по определенному плану, и на вопрос о том, что именно нужно разрушить и как разрушать, они дали такой ответ: «Невозможно разрушать все. Необходимо поэтому систематически уничтожать одни и те же органы, чтобы воспрепятствовать частичному восстановлению разрушенного». В качестве средств разрушения рекомендовались: взрывчатые вещества, инструменты (механические приборы), зажигательные препараты, разъедающие кислоты и другие химические соединения — жидкие, твердые и порошкообразные и т. п. Какие предприятия подлежат порче или уничтожению — этот вопрос решался всегда в зависимости от учета и оценки сильных сторон противника, наиболее опасных для Антанты.

Мы уже указывали выше, что опасным пунктом для французов была немецкая боевая техника — тяжелое оружие и снаряды,

---

[1] См. подробнее: W. Fischer., Die feindliche Handels- und Industrie-Spionage und der wirtschaftliche Landesverrat, Stuttgart, 1922, S. 65 — 70.

а значит предприятия металлургического и металлообрабатывающего характера. Работа последних в свою очередь обусловливается добычей руды и топлива, зависит от обслуживающих их электро- и гидростанций и наконец от путей сообщения и транспортных средств. В связи с этим в программе диверсионных действий намечались такие объекты: а) металлургические заводы, б) шахты — рудные и угольные, в) электростанции и гидростанции, г) транспорт — железнодорожный, водный и автомобильный, д) склады и запасы.

Остальные объекты промышленности в тылу противника были не интересны для французской диверсии, почему она трогала их разве только в особых случаях, когда это вызывалось соображениями оперативного порядка, в связи напр. с намечаемой на фронте крупной операцией, район которой близко соприкасался с объектом диверсии, как это было в деле летчика Эмриша.

Генерал Роберт Норман в своей книге «Разрушения и опустошения во время войны» — дает точное указание, что именно следует разрушать в том или ином предприятии, причем считает нужным лягнуть немцев, якобы стремившихся «разрушать ради того, чтобы принести вред противнику или ослабить экономические его ресурсы в послевоенный период». Мы-де, французы, чужды этому взгляду, так как «цель войны — это мир» и «промышленность так же, как и железные дороги, является элементом прогресса и единения народов». После такого беззастенчивого пролития крокодиловой слезы о «культуре и единении» он продолжает: «чтобы действительно ослабить индустрию противника, необходимо первоначально осведомиться у специалистов, определяющих наиболее уязвимые и трудно заменяемые промышленные органы». Мы приведем некоторые детали из его указаний по разрушению промышленных предприятий, как они определились теперь на основании опыта мировой войны:

Шахты: 1. Колодцы: а) сбросить на дно клети и все материалы, расположенные поблизости, затем обрезать тросы клетей, б) взорвать часть креплений, перепилить салазки для спуска клетей, в) пробить обшивку на уровне грунтовых вод, чтобы затопить галлереи (предварительно выяснить горизонт грунтовых вод).

2. Эстакады: подорвать устои ферм.

3. Подъемные машины: разрушить лебедки, паровые машины (поршни, цилиндры, котлы, фундаменты), токовключатель, в котлах трубы (желательно наполненные водой).

4. Сортировочные и промывочные приспособления: подорвать устои внешних сооружений.

5. Коксовальные печи: а) расплавить ячейки, заложив заряд в топку, б) разрушить экстракторы и приборы для возврата нагретых газов.

6. Электростанции: а) взорвать мелинитом динамомашины и распределительные щиты; б) прекратить смазку работающих турбин.

7. Вентиляторы: заложить заряды во втулки.

8. Насосы: действовать по трубопроводам по всей их длине, взрывая трубы, наполненные водой.

9. Компрессоры: а) сломать вал турбины; б) взорвать фундамент динамомашины: заложить один патрон между ротором и стотором.

10. Запасы: зажечь, уничтожить запасные машины и пр.

Металлургические заводы:

а) Сталелитейный: разрушить трубопроводы конвертеров, у вращающихся печей разбить цапфы.

б) Домны: разрушить воздуходувки под горном (предпочтительно во время работы печи).

в) Прокатные станы: разрушить ферму обжимного стана. Действовать по органам управления, паровым машинам и специальным электроустановкам.

г) Силовые станции: разрушить турбины, динамомашины, газовые двигатели.

д) Станки: разрушить трансмиссионный вал или электромоторы.

Гидростанции: а) разрушить шлюзы, ванны и упорные стенки, трубопроводы; б) в самой станции разрушить турбины. Лопасти разрушать шашками.

Электростанции: сломать вал машины и обмотку. Обмотку динамомашин проще испортить посредством короткого замыкания, чем взрывать. [1]

Правда, Норман рассчитывает эти разрушения произвести силами и средствами инженерных частей, но диверсионные акты совершались агентами, специально обучавшимися подрывному делу, причем курс нисколько не уступал курсу обучения инженерных войск. Средствами же они пользовались и военного типа, и «местного» образца, смотря по тому, что было удобнее и легче достать или провести к объекту порчи или уничтожения.

Англия в своей диверсионной работе имела другое направление, чем Франция. Это обусловливалось отличием ее положения и роли на фронте.

Война с первого же ее периода распространилась с европейского материка на азиатский и африканский, поэтому пути снабжения фронтов материалами и живой силой должны были пройти как по суше, так и по морям. Питание фронтов вызвало истощение жизненных ресурсов воюющих государств — необходимо было организовать подвоз различной продукции и сырья для населения и промышленности из нейтральных стран и колоний. В этом была особенно заинтересована Англия, поэтому ослабить на морских путях мощь немецкого флота — стало жизненно необходимой задачей для английской армии. Естественно, что эта задача и была поставлена для диверсионной деятельности.

Деятельность эта развернулась и в колониях Азии и Африки, и на территориях нейтральных государств, где производилось сосредоточение и накопление всякого рода тайных сил противника, чтобы потом двинуться и нанести удар в определенном направлении. Объектами диверсионных актов здесь были: военные и политические деятели и целые организации, средства транспорта и связи, склады и различ-

[1] *Роберт Норман*, Рузрушения и опустошения во время войны, стр. 302—305.

ные базы, штабы и другие военные учреждения и т. п. На ряду с этим, в целях усиления блокады против Германии, были применены диверсии, направленные на уничтожение или ослабление всяких возможностей добыть и провезти в Германию различные товары и сырые материалы. Объектами явились те же транспорты и склады, отдельные агенты-комиссионеры, агентства и общества и т. п. Районы действий избирались предпочтительно на территориях нейтральных государств — Швеции, Норвегии, Дании, Голландии. Швейцарии и др.

Таким образом в отличие от Франции Англия свою диверсионную работу направила главным образом в сторону морских путей и морского транспорта, обеспечения работы удаленных от фронта баз снабжения, укрепления блокады, не затрогивая почти промышленных центров внутри стран противников. В отношении форм диверсий практика Англии не представляла большого интереса, так как это были те же — террор, налет, провокация мятежей, взрыв или поджог, потопление, распространение ложных сведений, организация саботажа и др. Поэтому мы остановимся только на той форме диверсий, которая характерна для Англии, именно на особом типе морских диверсий, проводимых специальными, так называемыми приманочными, судами (mystery ships).

Автор этого типа диверсий — Nicholas Everitt — рассказывает подробно об оборудовании и работе таких судов [1] со ссылкой на официальные документы, которым можно доверять, так как Everitt добивается авторских прав на изобретение mystery ships и чувствует себя обиженным правительством и в особенности Морским министерством Англии (Everitt был во время войны секретным агентом).

Для mystery ships брался обыкновенный тральщик. На его палубе устанавливалась особая площадка с орудием. Вдоль орудия устраивались две легкие рамы, покрытые парусиной, раскрашенной под силуэты спасательных лодок или полубортики, скрывавшие орудие совершенно. Подпорки вокруг платформы орудия снимались, а вместо них имитировались шлюпбалки, скрепленные петлями с крючками так, чтобы их можно было убрать в любую минуту. К шлюпкам приделывались легкие блоки и снасти, что позволяло в несколько секунд (3 — 5) убрать их все в стороны и приготовить орудие к действию.

Чтобы управлять орудием, нужно было два человека — по одному на каждом конце имитированной лодки. Для освобождения батарейной платформы каждый из этих людей одновременно выталкивал соединительные железные болты между обоими силуэтами, освобождая в то же время внизу их железные зажимы из гнезд. Тогда шлюпбалки отпадали назад, орудие открывало огонь.

Снова поднять лодку на прежнее место было так же легко, но времени требовалось больше — от полминуты до одной минуты. Ору-

---

[1] См. его книгу: «British secret service during the Great War» London, Hutchison, 1921, pp. 225 — 234.

дие всегда устанавливалось в направлении носа судна и выкрашивалось в белый цвет. Подобное сооружение даже на очень близком расстоянии (до 10 ярдов) производило впечатление, что на борту, над машинным отделением, расположена пара разбитых спасательных лодок. Конечно экипаж судна одевался «мирными рыбаками и купцами».

Оборудованное таким способом судно выходило на работу в море, стараясь попасться подводной лодке, особенно опасной для английских пароходов, крейсерующих между колониями и метрополией. Подводная лодка, видя «мирное» судно, атаковывала его обычно в непогруженном состоянии, подплывая к нему на близкое расстояние. Тогда «спасательные лодки» исчезали с палубы мирного судна, орудие прямой наводкой било по подводной лодке, и бывало достаточно одного выстрела, чтобы она пошла ко дну.

Когда такое судно впервые вышло в море, оно в течение одной недели потопило десять немецких лодок. Но однажды приманочный «рыбак» был атакован подводными лодками одновременно с двух сторон, и... секрет был раскрыт. Немцы после этого стали более осторожны при атаке рыбачьих судов. Однако по словам адмирала американской службы Симса (журнал «Pearson's Magazine» февраль 1920 г.) с 1917 г. таких приманочных судов (их потом стали называть Q-boot) в Атлантическом океане крейсировало до 30 штук. Всего ими было потоплено якобы около 200 подводных лодок.[1]

Были и другие способы нападения на суда немецкого флота при помощи различного рода камуфляжа и «защитных цветов», но они не были так типичны для активной работы, как Q-boot. Организация диверсионных актов посредством насаждения агентуры внутрь немецкого военного флота или его торгового флота не наблюдалась.

Германия, исходя из своего положения окруженной со всех сторон страны, сразу же пустила в ход все средства борьбы с врагами, чтобы ослабить блокаду и нажим на фронтах и получить оперативную свободу для скорейшей развязки военных событий. Всякий лишний день войны вел к ослаблению и уменьшению германских ресурсов — людских и материальных, в то время как противники увеличивали свои силы и продолжали дальнейшее развертывание боевой техники и промышленности, захватывая в сферу своего влияния новые страны в Европе, Азии, Америке и Австралии. Вполне естественно поэтому, что борьба для Германии должна была направляться, на ряду с ведением фронтовых операций, прежде всего по линии ослабления притока материальных средств к Антанте: расстройства аппаратов питания ее фронтов, внесения

[1] Цифра нам кажется преувеличенной, так как по более проверенным сведениям число подводных лодок в Германии в мировую войну по годам было:

К началу года	Вновь построено	Погибло:
1914—28	5	5
1915—28	54	19
1916—63	87	25
1917—125	78	66
1918—137	74	71

дезорганизации в правительственные, военные и промышленные учреждения; перерыва связи колоний с метрополиями, возбуждения первых против вторых, разрыва экономических и политических связей между государствами Антанты или, по крайней мере, внесения расстройства и недоверия между ними, ослабления производственных мощностей и сырьевых источников внутри стран Антанты и т. п., то-есть в сторону стратегическо-экономических факторов, к самым жизненным центрам войны.[1] Помимо официальной политической и дипломатической деятельности в нейтральных странах, а через них и в странах Антанты, Германия широко применяла диверсионную работу при помощи заблаговременно подготовленной агентуры именно в этих центрах.

Полковник Николаи — автор книги «Тайные силы» и начальник немецкой разведки во время войны — всячески старается доказать, что активной работы при помощи агентуры германский Генеральный штаб не вел, но факты и целый ряд источников, проверенных по нескольким линиям, говорят иное.

По сравнению с другими странами Германия применяла диверсии в более плановом и систематическом порядке, увязывая их с боевой обстановкой по периодам, а также с общеполитическими и экономическими условиями борьбы внутри своей страны и внутри стран противника.

При этом формы и средства диверсионной работы комбинировались в зависимости от конкретной обстановки, и активные диверсии всегда шли рука-об-руку с пассивными, слово дополняло дело, индивидуальные акты охватывали целые районы, производя впечатление массовости агентурных сил, чередуясь всегда с групповыми актами, а главное — формы диверсий у немцев не были закостенелыми и мертвыми трафаретами, но постоянно отражали новшества боевой техники и конспирации.

Немцы первые применили для диверсионных работ авиацию, первые использовали в этой области водные средства, первые пустили в ход химию и дали несколько образцов новых технических приемов в конспирации и диверсионной мимикрии.

В период мобилизации и сосредоточения армий они обратили внимание на применение активной диверсии, направленной на разрушение средств связи и передвижения, складов и некоторых предприятий, тесно связанных с мобилизационными процессами и обслуживанием мобилизуемых масс. Так, во Франции были организованы взрывы железнодорожного моста близ Руана, в Версале разрушен водопровод, в нескольких местах испорчено железнодорожное полотно, телеграфные линии и др. В России были применены: порча железных дорог и мостов, поджог складов на заводах, выполнявших военные заказы: Лесснера, Сименса и Гальске, бывш. Гужона и др., поставка отравленных продуктов для армии (напр. в Елисаветполе

---

[1] Тов. Свечин относится отрицательно к экономической наступательной деятельности немцев, в особенности к их диверсиям в Америке. См. «Стратегия», 2-е изд., «Военный вестник», 1927, стр. 51.

винный склад бр. Форер отпускал для госпиталей вино с ядовитыми примесями) и террор.

В области пассивных диверсий было организовано распространение слухов, саботаж, замедление в выполнении военных заказов, что наблюдалось и во Франции, и в Англии, и в России. Так, с объявлением войны Выксунские горные заводы, владельцами которых являлись немецкие подданные — Лессинг, фон-Швенецах и др., получили наряд на поставку в военное ведомство целого ряда предметов и материалов. Наряд был срочный, но часть заказа была заведомо совершенно не принята, несмотря на наличие технических и материальных возможностей у завода, а часть не исполнялась в сроки, и все это тянулось с год, пока расследование не установило, в чем здесь дело.[1]

Сюда же нужно отнести работу по возбуждению польского населения в Привислянских губерниях, некоторых политических группировок в Галиции, организацию и поддержку польских вооруженных дружин, подготовку к использованию так называемой польской ирриденты для активных действий по уничтожению русских военных складов и транспортов.

По словам французской «Желтой книги» и «Второй белой книги» (сообщение Читэма Эдуарду Грею от 12 и 20 октября 1914 г. — показания германского секретного агента лейтенанта Морса), германский Генеральный штаб в своем докладе от 19 марта 1913 г. указывал на то, что во время войны «следует позаботиться вызвать волнения на севере Африки и в России... Восстания, организуемые в военное время политическими агентами, должны быть тщательно подготовлены материальными средствами. Они должны вспыхивать одновременно с разрушением средств сообщения»...

С первых же месяцев войны выяснился ее огромный размах, она вовлекла в свою орбиту не только воюющие страны, но и нейтральные, которые стали для воюющих базами снабжения и питания. Наибольшее значение в этом отношении имела Америка, откуда шли всякие материалы в Европу и в Азию к русским портам, затем — Малая Азия и Китай как плацдармы для действий немцев против России, Японии и Англии.

Отсюда и диверсионная работа немцев с первых же дней с особенной силой развернулась — помимо других стран — в Америке и в Азии.

В Америке объектами диверсионных актов стали англо-французские пароходы, отправлявшиеся в Европу и к русским портам, заводы — химические, взрывчатых веществ и др.; формы: взрывы, порча, саботаж, сеяние различных слухов, коммерческие операции по перекупке сырья и т. п.

В Мексиканском заливе и Караибском море лейтенант инженер Роберт Фой заарендовал и вооружил несколько торговых пароходов

---

[1] *Резанов, А.*, Немецкое шпионство, Птгр., 1915, стр. 207.

дов, которые нападали на торговые суда, перевозившие в адрес Антанты боевые припасы и материалы.[1]

В Малой Азии — главным образом в Персии и Месопотамии — немцы разрушали склады, связь, колодцы и дороги. По словам английского разведчика, капитана Тохай,[2] немцы в широких размерах использовывали группы и отряды местных племен. Особенно отличался в этой области немецкий агент, некто Васмус, «со сказочным успехом» организовывавший разнообразные акты против англичан в форме налетов небольших групп племен южной Персии, благодаря чему англичане должны были увеличивать количество своих войск в тылу и ослаблять фронт.

На севере Китая — в Маньчжурии — они организовывали захват грузов, идущих в Россию (чай, скот и др.), разрушали железнодорожное полотно в районе Вэйшахе и Имяньпо, сжигали лесные заготовки КВЖД, организовывали взрывы железнодорожных мостов около Лао-ша-гоу и Харбина, то же делали на Уссурийской, Забайкальской и Южно-Маньчжурской железных дорогах и др. Была создана особая организация «для порчи русских и японских железных дорог и причинения различного другого вреда» — общество Гун-вэй-туань. Задачами этой организации были: убийства высших официальных лиц России и Японии, повреждение мостов и других важных сооружений, имеющих военное значение (в особенности моста на р. Сунгари, который предполагалось взорвать пловучими минами), поджог зданий КВЖД и штаба Заамурского военного округа, ограбление станций, взрыв портовых сооружений во Владивостоке, военных судов, интендантских складов, казарм, арсеналов, сеяние слухов, возбуждение ненависти к России и Японии, словом все, что могло помешать передвижению войск в Россию и затормозить перевозку всякого снабжения на запад, разрушая и дезорганизуя учреждения и аппараты, ведающие подобными вопросами. Конечно не все эти замыслы удавалось осуществить на деле. Но результаты в общем были значительны и во всяком случае лучше, чем у Антанты.

Наиболее трагична для Германии была диверсия, организованная в конце 1914 г. военным атташе в Пекине, капитаном генерального штаба Рабе фон-Паппенгеймом для взрыва железподорожного полотна и Хинганского тоннеля. Диверсионная группа из восьми немцев, четырех китайцев и одного монгола при 20 верблюдах и 5 лошадях под начальством Паппенгейма выступила из Пекина через Калган на р. Чол до Хингана. Группа имела достаточный запас взрывчатых веществ, деньги, карты, оружие и т. п. По дороге она остановилась у одного монгольского князька — Бабучжаба, с ко-

---

[1] *Звонарев, К.*, Агентурная разведка т., II. Тов. *Свечин* считает, что это была «неумная политика», приведшая к тому, что «Германия скомпрометировала 20 000 000 граждан Соед. штатов, немцев по национальности... (которые) потеряли возможность проявлять какую-либо политическую активность и не могли возвысить свой голос против выступления Соединенных штатов в войну с Германией»... См. «Стратегия», стр. 51 — 52.

[2] *Tohay*, *F.*, The secret corps.

торым немцы вступили в переговоры о помощи, подкупая его самого и его офицеров. Паппенгейм думал организовать из монгол небольшие отряды для нападения на железнодорожные эшелоны, идущие с востока на запад с американской «помощью» для русской армии. Бабучжаб же, купленный еще раньше царским правительством, понял конечно, какая работа нужна немцам, и решил с чисто азиатской сметкой получить еще раз с России мзду и захватить все имущество самой немецкой экспедиции в свое пользование, благо он нуждался и в деньгах, и в оружии. Он тонко выпытал у немцев и их проводников, что они везут, какую награду дадут ему и его людям за работу, и на словах согласился помочь им. На самом же деле Бабучжаб выделил «охрану» и проводников для экспедиции и приказал ей в дороге, недалеко от ставки, убить всех, что и было сделано монголами. В результате Бабучжаб получил трофеи: несколько обжимов, тисков для обрезки фитилей, молотков, буравов для сверления камня, 5 коробок капсюлей для снарядов, два ящика фитилей, 200 мелинитовых шашек, 40 бутылок нитробензола (мирбанового масла),[1] 50 запальных шашек, пять мешков рекарока, 150 патронов гремучего студня, один ящик пироксилина, 10 килограммовых коробок неизвестного взрывчатого вещества, пять кругов бикфордова шнура и одну катушку быстрогорящего шнура, ящик с принадлежностями, восемь винтовок германского образца, 100 000 долларов и пр., а затем и награду от царского правительства.[2]

Одновременно с работой в Северном Китае диверсии начались в Кашгаре, Китайском Туркестане и в Афганистане,[3] с целью вызвать затруднения для России отвлечением ее войск для охраны границ. Такой же характер имели немецкие диверсии в Индии, Сиаме и Южном Китае против Англии и Франции. Из Америки немецкой агентурой была организована поддержка оружием и литературой—через Китай—индусских национально-революционных организаций по подготовке восстания против Англии. Склады оружия и взрывчатых веществ были заготовлены в Шанхае и Ханькоу. Отсюда оружие предполагалось везти двумя путями — морем в Калькутту и сухим путем через Юннань на границу Бирмы, куда должны были прибыть немецкие агенты, предназначенные для руководства военными действиями. Последние должны были начаться из Китайского Юнная. В 1915 г. в Бомбее арестовали одного из немецких агентов (Гершенс), который раскрыл часть этих планов. Вскоре были арестованы и индусы — Гарнам Синг и Соган Лаль. У них помимо оружия, литературы и различных инструкций нашли адреса членов их организации. Поэтому были раскрыты склады оружия и взрывчатых веществ в г. Ганзе, а в Шанхае был задержан

---

[1] Большая часть нитробензола монголами была израсходована на сожжение немецких трупов, чтобы скрыть следы убийства.

[2] Донесения военного агента в Китае Огенквар от 28/II 1915 г. № 70/504, от 3/IV 1915 г. № 514, от 27/V 1915 г. № 178, № 531; в Главн. Управл. Генштаба от 10/VI 1915 г. № 530 и др. из «Дела о германском военном агенте Паппенгейме».

[3] См. Oskar von Niedermayer, Unter der Glutsonne Srans, Munchen, 1929.

один из руководителей в момент его отбытия в Калькутту с грузом оружия, доставленного на пароходе «Маверин» в один из пунктов китайского побережья между Шанхаем и Гонконгом. В Шанхае обнаружили также склад оружия у китайцев, служащих у германского подданного Нильсена, директора фирмы «Меркад», а затем был захвачен такой же склад и у самого Нильсена и др.

Так охватывала Германия своими малыми средствами войны глубокие тылы противников, стремясь к уравновешению сил на фронтах.

С усилением диверсионной деятельности в Германии был организован ряд школ, подготовливавших специалистов по разрушительной работе. В этих школах обучались бомбометанию, подрывному делу, организации поджогов, использованию различных химических соединений, отравлению людей и скота, технике секретной службы и т. п. Школы выпускали достаточное число подготовленных работников, которые приходили на смену погибшим, и диверсии продолжали развиваться. В Мексике был произведен «заговор», предпринятый с целью вовлечения ее в войну против США.[1] В Америке немцы взорвали и подожгли часть заводов и фабрик-заводов взрывчатых веществ «Этна», «Хойст и Дерик К.», «Дюпон», сталелитейный завод в Вифлееме и др.; была попытка разрушения Канадской железной дороги; наконец с целью вызвать панику и беспорядки был организован взрыв чикагских скотобоен и т. п. Благодаря налаженной агентуре и отличным связям с транспортными организациями, в целях заторможения погрузки и отправки военных припасов и оружия в Россию применялся способ разброски грузов по частям и их перепутывания, а иногда и утери. Поэтому в Архангельск или Владивосток прибывали орудия без замков, винтовки без затворов или без боевых пружин, которые поступали потом через несколько месяцев, также в разрозненном виде; отправлялись подводные лодки, в пути у них терялись некоторые части, без которых они не могли действовать, или же все судно с таким грузом «самовзрывалось» в море, а команда спасалась и т. п.

На ряду с такой деятельностью было организовано каперство — морское пиратство для уничтожения судов противника, о чем имеется интересная книга капитана Лукнера, крейсеровавшего в водах Атлантического и Тихого океана и потопившего не один десяток судов — английских, французских и американских.[2]

По показаниям агента Бинта, около Гамбурга был организован лагерь, в котором обучались около 800 молодых финнов, предназначавшихся для сформирования офицерских кадров в случае финляндского восстания против России. Это восстание частично под-

---

[1] Переписка берлинского Мининдела с аккредитованным при Вашингтоне послом была опубликована в США. Косвенные указания на это можно найти в книге *А. Вольского*, История мексиканских революций, Гиз, 1928, стр. 155 и др.

[2] См. *Старко*, Морской чорт. Р.-изд. отд. воен.-морск. сил РККФ, Л., 1926; *Лукнер*, Зов моря, изд. Брокгауз-Эфрон, 1926.

готовлялось и немецкими средствами. На юг России отправлялись особые агенты не только для подготовки взрывов, но и для организации стачек и забастовок.

Через Скандинавию практиковались диверсионные акты с целью организации сепаратистского восстания против России, порчи, уничтожения и различных объектов террора; на русско-шведской границе (Торнео—Хапаранда), через Торнео, при содействии русских чиновников, велись особые операции «торговли русскими кредитными рублями». [1]

Для поддержки восстания синфейнеров в Ирландии был снаряжен специальный пароход «Либава» с оружием, организаторы были отправлены на подводной лодке. [2]

Стоило Америке создать огромный склад горючего в Ля-Рошель, как для уничтожения его туда немедленно отправились агенты Германии во главе с сыном кайзера Вильгельма—Иоахимом. Он прибыл в Ля-Рошель под видом представителя Красного креста для обслуживания пленных Германии в лагере. Поджог был организован через пленных немцев при помощи особых химических составов, подбрасываемых к зданиям в «случайно оставленной» одежде. [3]

Для отравления и убийства людей и скота применялись мышьяк или стрихнин, трубочки с бациллами сапа,[4] взрывчатые вещества в виде плотничьих карандашей и др.; для обесценения русских денег печатались кредитные билеты 500-рублевого достоинства и т. д. и т. п.

В 1916 — 1917 гг. особенно участились террор и взрывы, напр., на Охтенских заводах, в Силостуне, Казани, Донбассе; в Севастополе взрывается броненосец «Императрица Мария», подготовляются взрывы мостов на Днепре и Волге, взрывается ряд интендантских складов и транспортов, железнодорожные станции и узлы связи, ценные склады заводов (напр. пожар на Балтийском заводе в Николаеве) [5] и др. То же самое наблюдалось в Америке, Франции и в меньших масштабах в Англии. Активность немцев в диверсионной работе показывает следующий факт, рассказанный капитаном Лукнером: пленные германцы в Девенпорте самостоятельно «умудрились испортить электрические зажигательные провода подводных мин после того, как те были освидетельствованы и приняты комиссией».

Одновременно с указанными операциями широко практиковалось распространение слухов с целью подрыва политической власти, расстройства отношений между Японией и Китаем, между Россией, Японией и Китаем, между всеми ними и Антантой и т. д., шла усилен-

[1] *Агафонов* Заграничная охранка, изд. «Книга» 1918, стр. 179 — 183.

[2] **Spindler, K.**, Das geheimnisvolle Schiff. Die Fahrt der «Libau» zur irischen Rebolution, 1921, Scherl-Berlin.

[3] **Russr S.**, True adventures of the secret service, pp. 41 — 50.

[4] *Л. Жорж*, Бактериология, как орудие войны, изд. Берже-Левро, Нанси-Париж-Страсбург, 1922.

[5] *Устинов*, Записки начальника контрразведки (1916 — 1920), Берлин, 1923.

ная работа по обесценению денег своих противников путем «выпуска эмиссии», то-есть фальшивых кредитных билетов, все это подкреплялось широкой агитацией о финансовых затруднениях в тылу противника, о развитии там революционных движений. В тех же целях происходило муссирование (устно, в печати, по радио, через агентуру противника и др.) слухов о силе германской армии и флота, их неисчислимых победах, большею частью вымышленных, чтобы подействовать на иностранные биржи (Америки, Англии и Австралии), затормозить фрахтование судов и внести панику в работу воднотранспортных организаций.

Вполне естественно, что в такой атмосфере и русские, и французские, и английские власти — военные и гражданские — не могли работать нормально и спокойно, всюду отыскивая немецких шпионов и агентов, против которых они должны были выделить значительные силы и средства. Приведем несколько характерных в этом отношении примеров.

В начале 1915 г. был пущен слух о снижении в Гирине (Маньчжурия) немецкого аэроплана, который якобы отправился в поле из прилегающей к Чжилийской провинции (Сев. Китай) местности Монголии, куда он был доставлен немцами из Тяньцзина в разобранном виде под видом товаров. Целью этого полета было разрушение Кругобайкальской железной дороги, вблизи которой авиаторы намеревались высадиться и произвести взрыв. Причина же спуска вблизи Гирина заключалась в необходимости пополнить запас бензина, который должен был доставить немецкий агент, проживавший в Гирине. По этому поводу завелась большая переписка (имеется в архиве русского Генерального штаба) между русским и японским консульствами, между штабами округов и пекинской миссией; были высланы особые агенты для проверки, тратились значительные средства, принимались тщательные меры охраны и... в результате это оказалось провокацией, не имеющей под собой ничего реального, о чем впоследствии гиринский консул и донес, характеризуя историю с летчиком, как «сплошной вымысел».[1]

В январе 1915 г. французская агентура сообщила русской агентуре о том, что в Ханькоу, под руководством немцев, функционирует нелегальное общество турецких подданных, поставивших себе целью — поднять против России мусульман Западного Китая. Несмотря на то, что из Ханькоу можно было добраться до мусульман Западного Китая лишь через несколько месяцев, так велико расстояние и так скверны дороги, — этот слух, ловко пущенный немцами в каналы антантовской агентуры, возымел свое действие, и русские, французские и др. военные власти приняли меры к выяснению и ликвидации названной организации. На самом же деле ничего подобного в Ханькоу не было, и Антанта затратила работу вхолостую.

В том же 1915 г. в июне английская морская агентура вместе с французской передала русской сведения о том, что на острове

[1] Его донесение от 8 августа 1915 г. № 686.

Путу (один из островов архипелага Чжу-сан, против Нинбо) немцами устроена база для подводных лодок, что туда свозятся в разобранном виде подводные лодки, там имеется штаб, бывает часто германский консул с драгоманом и бывшим офицером «Эмдена» Лаутербахом и др., что все это ставится в связь с предполагаемой русскими отправкой войск из Владивостока в Дарданеллы. В английской, французской и китайской прессе в это же время появился ряд статей и заметок о силе подводного флота Германии, о его неуязвимости и дерзких набегах, о быстром распространении немецкого влияния чуть ли не до Северного и Южного полюсов.

Снова началась работа в штабах, консульствах и миссиях, снова значительные расходы сил и средств Антанты, и... снова слухи оказались ложными. [1]

В 1917 г. 22 января русское Главное управление Генерального штаба послало по различным адресам шифровку: «По сведениям из верного французского источника, поступившим из парижского межсоюзнического бюро, германцами ведется в Китае деятельная антианглийская и французская пропаганда. Подготовляются военные экспедиции в Маньчжурию и Индокитай. Для этой цели переведено из Америки двадцать миллионов марок. Генерал Певнев. № 67006». Это было безусловно неверно, и ложь выяснилась очень скоро, о чем донес полковник Блонский за № 12 005. Подобных случаев вообще было немало.

В целях восстановления китайского населения — прежде всего маньчжурского — против русских властей, в начале 1915 г. стали усиленно распространяться слухи о том, что Россия, потерпевшая поражение на всех фронтах, не в силах больше продолжать войну, почему она заявила Англии и Франции о необходимости немедленного заключения мира. Несмотря на старания последних удержать ее от этого ложного шага, она уже просит мира у Германии, уступая ей значительную часть своей территории. Кроме того, вследствие недостатка различных предметов снабжения армии и населения Россия стала делать безграничный выпуск кредиток. Их уже выпущено на 10 млрд. и решено отпечатать еще на 100 млрд. для приобретения меди, железа, различных материалов, зерновых продуктов и т. п., почему все кредитки в настоящее время представляют негодный хлам, который не принимают нигде во всем мире, поэтому и китайцам нужно прекратить прием русских денег и дать отпор обману русских властей.

Россия обыкновенно нанимала китайцев для черной работы на своей территории, в качестве землекопов, шахтерских работников носильщиков тяжестей и т. п. Такой наем был произведен и во время войны. Немцы немедленно использовали этот случай и пустили в ход версию о том, что у России нехватает солдат для боев и что население не в состоянии выделять здоровых, годных бойцов в окопы,

[1] Рапорт пом. воен. агента в Шанхае от 14/VII и 16/VII—1915 г. №№ 178, 183 и др.; шифров. телегр. Огенквар-Петроград от 29/VI — 1915 г. №№ 632, 533; шифр. телегр. в штаб округа — Хабаровск, №№ 214, 216 и др.

поэтому под видом найма китайцев на работу русские отправляют их на фронт, в жестокие бои, где китайцы гибнут от голода, заразных болезней и меткой артиллерийской и пулеметной стрельбы немцев. Однако, мол, последние, в силу присущей им культурности, как только узнали, что китайские отряды прибыли на фронт обманом и насильно,«отказались расстреливать невинных страдальцев», а просто окружали такие отряды своей мощной кавалерией при посредстве аэропланов и забирали их в плен, где они — китайцы — чувствуют себя в данное время превосходно.

Были в ходу и другие слухи, как напр. об укреплениях, возводимых якобы русскими по Амуру и Сунгари, о сговоре Японии и России по поводу раздела Китая, о подготовке оккупации Маньчжурии и пр.

Таким образом Германия в мировую войну наиболее полно практиковала диверсионные акты экономического, политического и военного порядка, активные и пассивные, индивидуальные и групповые, умело применяя разнообразные способы, формы и методы организации, чем и достигла значительных результатов, заставив Антанту серьезно считаться с этой формой борьбы и даже учиться у себя.

Суммируя все данные о ходе диверсий в мировой войне, мы должны отметить, во-первых, увеличение значения диверсий в глубоком тылу противника, преимущественно диверсий экономического характера, направленных против промышленных предприятий, средств транспорта, складов и сырьевых источников, как наиболее действительно обессиливающих, истощающих и деморализующих противника. Во-вторых, возросшая по объему и роли работа по организации разного рода бунтов и заговоров также способствовала расстройству тыловой системы и разрушению элементов связности и устойчивости всех аппаратов государства. Остальные виды диверсий лишь сопутствовали первым и носили более или менее эпизодический характер.

С точки зрения методологии диверсионной работы — при всеобъемлющих задачах ее в области хозяйства, политики, быта и вооруженной силы — мировая война выявила необходимость систематической организации диверсионных актов, последовательно проводимых и постоянно увязываемых с оперативными соображениями и со всей конкретной обстановкой района действий, выбирая всегда наиболее жизненные и действенные объекты страны, но не размениваясь по мелочам и не увлекаясь легкими задачами, имеющими третьестепенное значение.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ДИВЕРСИИ ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Условия, способствующие росту масштаба диверсий. Англия, занимающая первое место в диверсионной деятельности. Диверсии империалистов друг против друга. Диверсии против СССР. Общая оценка диверсий как средства борьбы при современных условиях. Выводы.

Если «до мировой войны между всеми капиталистическими державами существовали самые тесные хозяйственные связи; весь мир, особенно вся Европа, представлял как бы один хозяйственный организм, быстро возраставший экспорт из одной европейской страны в другую (Англия и Германия, Германия и Россия, Германия и Франция и т. д.) укреплял зависимость между передовыми европейскими странами...», [1] то мировая война окончательно разрушила это пресловутое «мировое равновесие» и обострила экономическую борьбу между отдельными государствами и группами государств.

Пресловутая «стабилизация капитализма» не только не приостановила всех тех процессов, которые характеризуют последний этап развития капиталистического строя, но наоборот — резче выявила его противоречия, заострила социально-экономическую борьбу, в особенности когда мировой фронт империализма был прорван Октябрьской революцией и образованием СССР. Естественно, что борьба приняла еще более ожесточенный характер.

Упорная и энергичная борьба при помощи разнообразных средств — обороны и наступления — ведется постоянно между буржуазией отдельных стран, между СССР и мировым империализмом, между национально-освободительным движением отсталых стран и эксплоатирующими их капиталистическими державами. «Мирное время» — по существу та же война, но другими средствами, силами и способами, отнюдь не менее действительными, чем пушки и пулеметы, бешено заготовляемые сейчас империалистическими странами.

Вот почему В. И. Ленин еще в декабре 1922 г. в инструкции для нашей делегации, отправлявшейся в Гаагу, писал, что теперь, после мировой войны новая... «война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу, или между

---

[1] *Павлович, М.*, Итоги мировой войны, «Моск. рабочий», 1924, стр. 216. *Его же*, Мировая война 1914 — 1918 гг. и грядущие войны, Харьков 1923.

любыми крупными державами из-за колониальных споров, или из-за споров об их таможенной политике или вообще торговой политике» и т. д. [1] Отсюда и необычайный рост вооружений капиталистических стран, химизация, механизация и пр. в подготовке их вооруженных сил; отсюда и усиление значения диверсий в послевоенный период, как одного из средств подготовки к войне и ведения войны. В. И. Ленин в цитированном нами выше документе указывал, что «надо объяснить людям реальную обстановку того, как *велика тайна*, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны». Именно диверсии после мировой войны являются значительным элементом этой великой тайны, в которой рождается война, — на ряду с длинной цепью других элементов борьбы буржуазии, в целях осуществления ее захватнических стремлений.

Задачи диверсий остались прежние, но методы, средства и организационное оформление отшлифовались, стали более четкими, технически далеко шагнули вперед по сравнению с 1914 г., приобретая все более и более завуалированную, искусно скомбинированную форму. Темп диверсионной работы стал более энергичен и значителен, усилилась массовость диверсионных актов, их одновременность на крупных территориях, по заранее разработанному плану, с применением новых технических средств и более тесной увязкой их с конкретной обстановкой, причем более употребительными стали активные, а не пассивные, диверсии, в особенности — террор.

С другой стороны, стала более заметной тенденция рассредоточения руководства диверсионной работой, именно между политическими организациями и военными, причем больше влияния имеют гражданские органы, чем военные. Обособилась диверсионная работа самой буржуазии против рабочих в связи с ростом революционного движения, в особенности распространения «большевистской заразы». Эта работа ведется теперь специальными организациями провокаторов, содержимыми предпринимателями самостоятельно от правительственной агентуры. [2]

На первом месте по умелому использованию диверсий стоит Англия, которая особенно стремится к восстановлению своего поколебленного войной престижа первой державы в мире. На фоне конкурентной борьбы с Францией, Америкой, а теперь уже и Германией, несмотря на ее версальское ограбление, — Англия прилагает все силы к тому, чтобы удержать в своих руках морские пути, а через них и свои колонии, так как без них она не сможет ни укрепить своей материальной базы, ни бороться с рабочим движением у себя, а значит быть впереди или по крайней мере на одном уровне с другими великими державами в подготовке к войне.

По данным «Brassey's naval and shipping annual» [3] Великобри-

---

[1] «Коминтерн», 1924, № 2.

[2] *Сидней Говард и Роберт Денн*, Рабочий шпионаж в Америке, Гиз, 1927, стр. 115 и др.

[3] 1926 г., стр. 58.

тания нуждается в ввозе для себя наиболее важных предметов в следующих пропорциях:

Чай, кофе, какао, сахар и рис	100%
Мука	50%
Сыр и масло	65%
Зерновые хлеба	70%
Хлопок, шелк, медь, медная руда, пенька, сырой джут и никелевая руда	100%
Шерсть	93%
Цинковая и оловянная руды	98%
Свинцовая руда	94%
Железная руда	33%
Жидкое топливо для машин по обслуживанию угольных шахт (бункеров) для транспортных моторов и аэропланов	96%

Эти цифры наглядно показывают, насколько Англия зависит от своих морских путей сообщения и насколько для нее важна вся система обслуживания средств транспорта и его целесообразного использования, включая сюда оборудование портов, доки, верфи, каналы и др. В одном, напр., Лондоне доки имеют водную поверхность свыше 731 акров с набережной длиной свыше 33 миль, в Ливерпуле — 650 акров и около 42 миль; в Манчестере — 120 акров водной поверхности, 6 миль набережной при 250 кранах — электрических, гидравлических или паровых; Грэйт-Истерн — 1300 акров при 350 кранах и 180 специальных угольных площадках. То же самое в Соутгемптоне, Гулле, Иммингаме, Глазго и др. Все эти системы обслуживают индустрию Англии и являются главнейшим элементом укрепления материальной базы страны, и все они, при современном развитии воздушных сил, смогут быть уничтожены через три - четыре часа (путь с материка) посредством бомб с аэропланов, как утверждает это Спэннер.[1]

Помимо этих доков имеют значение и ближайшие к ним водные пути от европейского материка, напр. от Зеебрюгге, а также каналы, ведущие к докам. Спэннер называет всю эту систему «горлом страны», через которое только и может проходить пища для всего населения Великобритании. Уметь схватить за это горло, сжать его или перервать (а это возможно не только с воздуха, но и при помощи диверсионных актов) значит поставить Англию на колени, так как она окажется бессильной вести борьбу и будет поражена не на полях сражений и не массовой армией, а средствами малой войны в самый желудок. Так расценивают это и сами англичане, почему Спэннер в своей книге горячо ратует за принятие всевозможных мер по охране морских путей, доков и каналов и за усиление морского флота, авиации и др., т. е. за усиление вооруженных сил Англии, за их отбор и переорганизацию. Он не договаривает одного — что указанное положение вызывает необходимость для Англии усиления и своих диверсий, что она и делает, обгоняя в этом отношении все буржуазные государства.

---

[1] **Spanner, E. F.**, Armaments and the non-combatant, London, Williams and Norgate, 1927, pp. 219 — 221.

Английские диверсии применяются и против Франции, и против Италии, и против Америки и др. Районы диверсий — пограничные полосы, экономические центры, колонии, моря. В Сирии, напр., Англия использовывает повстанчество против французов, якобы не умеющих справиться с сирийцами, снабжает последних оружием, распространяет различные слухи и ведет тонкую работу по взваливанию всех обвинений в организации государственного переворота на «большевистских эмиссаров». По словам английского агента Лоутона — задача работы англичан в Сирии формулируется так: «Нам предстоит играть роль друзей французов, возбуждающих против них сирийцев, играть роль друзей сирийцев, науськивающих на них французов, играть роль своих собственных друзей, протягивающих руку к Сирии». [1]

Дело Марты Морэйль во Франции раскрыло, что англичане организовывали поджог и взрыв ангаров французских аэропланов; дело Гарибальди в Италии показало, что агентура англичан создавала целый ряд актов, провоцирующих Францию и Испанию на активные выступления или по крайней мере на порчу отношений, чтобы они не могли объединиться вместе, усилив фронт против Англии. Данные других агентурных дел в Италии и Франции выяснили, что английская агентура (между прочим агенты Лоутон и Мансвелль принимали здесь активное участие) организовывала террористические и разрушительные акты, налеты на пограничные посты, переходы через границу с обстрелом охраны и т. п. на границах Италии и Франции, опять-таки в целях разъединения и ослабления их.

Убийства и отравления политических и общественных деятелей, организация налетов и бунтов, устройство взрывов или поджогов фабрик, заводов, арсеналов, мостов, складов, порча оборудования на предприятиях, имеющих крупное оборонительное значение, подделка различных документов, выпуск фальшивых кредиток, опорочение и всяческое ослабление или замедление хода развития революционного движения; расстройство деятельности банков и промышленных предприятий и т. п. и т. д. — вот работа английской агентуры в Европе, Азии, Америке, Африке и Австралии.

Девонширская школа специально готовит активных работников для диверсий и активной разведки. «Осведомительная служба» на Доунинг-стрит 10 широко использует питомцев этой школы и имеет в каждой стране своих агентов, ведущих работу по обеспечению бесперебойной подачи питания в «горло» Великобритании...

Особенно неистовствует британский империализм против СССР, считая, что дальнейшее укрепление последнего есть распространение по всему миру «большевистской заразы», от которой трудно избавиться вооруженной силой и которая в один прекрасный день сможет охватить всех тех, кто сейчас стоит на страже «горла» страны и питает это горло продукцией своего труда.

Для диверсионной работы использовываются и румынская си-

---

[1] *Субботин*, Дипломатия или разбой, «Моск. рабочий» 1927, стр. 53. *Букар*, Основы английского шпионажа. (На франц. языке.) Париж, 1927.

гуранца, и польская оффензива, и латвийско-эстонская охранка и финские «дельцы», и белогвардейцы всех частей, разбросанные по всей Европе и Азии, и реакционные клики Китая и т. д. Каждый имеет и знает «свой маневр» и свою.... мзду за ведение такого маневра.

В период открытой интервенции диверсии выражались в формах организации восстаний и, главным образом, террора против крупных партийных и правительственных работников. Вооруженная классовая борьба провела резкую грань между буржуазией и пролетариатом. Вся промышленность была в руках рабочих, которые сами охраняли свои заводы и фабрики, и лишь пролетарская бдительность и самоотверженность спасали от проникновения туда агентов буржуазии. Поэтому империалистическая интервенция, связанная с русскими белогвардейцами до эсеров и меньшевиков включительно, в диверсионной работе должна была пойти по линии наименьшего сопротивления, то-есть ограничиться террором. Убийство Володарского, Урицкого, покушение на убийство В. И. Ленина и др. — все это факты одного типа и происхождения, но объяснявшиеся вначале якобы партийными причинами. Однако, как только прекратилась пушечная и пулеметная стрельба на фронтах, «партийность», напр. эсеров, быстро скатилась к тайным разведкам генеральных штабов Польши, Латвии, Финляндии, Англии, Франции, Японии и т. п., и идея террора — откровенная и циничная — в отношении СССР была усвоена по всей линии борьбы с ним.

В 1922 г. торгово-промышленно-финансовый союз белогвардейцев в Париже выделил специальную террористическую организацию. Во главе этой организации стали Нобель, Лианозов, братья Гукасовы, князь Белосельский-Беловерский и пр. В качестве исполнителей наметились — гвардейский штабс-ротмистр Эльвенгрен, сын подполковника, Строевой (сын генерала), артиллерист Болмасов, в качестве эксперта был приглашен Савинков, специалист по террористическим делам против большевиков. Бывший нефтяной король Нобель так объяснял задачу своим исполнителям: «Мы люди коммерческие. Нас интересует только активная борьба с большевизмом, и мы видим ее сейчас только в том, чтобы уничтожить всех главных руководителей этого движения. Мы привыкли смотреть на дело коммерчески. Нам важны факты. Сделайте хоть одно дело— наш кредит вам сразу вырастет и для дальнейшего». В этом соль террора, поставлённого теперь на биржевую ногу.

Другой агент империализма из этой же компании в одном из своих писем писал: «Способ, вне которого... нет спасения — это террор, террор, направленный из центра, но осуществляемый маленькими независимыми группами или личностями против отдельных выдающихся представителей власти. Цель террора всегда двояка. Первая менее существенна — устранение вредной личности, вторая — самая важная — всколыхнуть болото, прекратить спячку, разрушить легенду о неуязвимости власти, бросить искру. Нет террора, значит нет пафоса в движении»...

Средствами террора были удушливый газ, яд, револьвер и бомба. В первую очередь были намечены покушения на Крестинского, Бу-

харина, Радека и Чичерина, но все дела окончились неудачей. Тогда на помощь пришла «Secret intelligence service» — английская разведка, и дело оживилось и стало быстро развиваться. На латвийской и финляндской границах вырастают гнезда белогвардейцев, переправляющихся в СССР. Программа действий их расширяется. Теперь «было установлено два фронта — экономический и политический. Под фронтом экономическим понимали взрыв заводов, фабрик, мостов и пр., одним словом все то, что препятствует социалистическому строительству, что нарушает нормальное течение хозяйственной жизни страны. Намечался конкретно — взрыв волховского моста... и поджог какого-либо крупного завода... Под фронтом политическим разумелись нападения на ответственных советских работников, взрыв собраний, общественных и партийных организаций, редакций газет, исполкомов и пр.».[1]

Заграничные эсеры на ряду с такими операциями мечтали и о восстаниях. Они раньше хотели установить связь с остатками бандитских шаек в горах Черноморья, а затем приступить к подготовке очагов восстаний — северо-западного и южного, то-есть через Финляндию и Румынию, наконец — галицийского через Польшу. Эти планы были увязаны с задачами империалистических генеральных штабов и должны были из диверсионных актов превратиться в операции на флангах, обеспеченные возможностью иностранной помощи.[2]

Польский Генеральный штаб вместе с белогвардейцами строит свои «великодержавные» планы возврата к границам 1772 г. и высылает со своей территории в Минский район ряд групп и одиночек с целью разгрома советского государственного и хозяйственного аппаратов, террора и налетов на красноармейские части. Таковы были: отряды Ройцевича, Черного, майора Гомина, капитана Марцелло, ген. Адамовича и пр.,[3] агенты Савинкова, Балаховича и др., объединенных под флагом «Народного союза защиты родины и свободы».

На юге группа Безрукова, Крючкова и де-Тиллот приступила к организации взрывов органов ГПУ, Качинской авиашколы (точнее бензиновых баков, имевшихся при ней) и пр. Они взорвали пороховой погреб в Севастополе и удачно бежали из СССР, захватив в Черном море пароход «Утриш».[4]

Сюда же нужно отнести и группы монархистов-террористов так называемого кутеповского толка (захваченные в 1927 г. вместе с племянницей генерала Кутепова и др.) и группу белогвардейцев, бросавших бомбу в комендатуру ОГПУ в июле 1928 г., и т.п.

Из пассивных диверсий нужно отметить усилившуюся теперь форму фабрикации «фальшивок» и «червонцев», что особенно ярко

[1] *Кичкасов, Н.*, Белогвардейский террор против СССР, изд. НКИД, 1928, стр. 39 — 40.

[2] Работа эсеров за границей, по материалам парижского архива СР, Гиз, М., 1922.

[3] Борьба с бандитизмом в Белоруссии, Штаб войск Минского района, М. Секр., 1921, очерк 1-й, стр. 4, 5 и др., очерк 2-й, стр. 7 и др.

[4] *Де-Тиллот*, Взрыв порохового погреба, «Белое дело», кн. 3, изд. «Медный всадник».

раскрылось из дела Дружиловского, Шиллера, Карумидзе — Берлин, Литвинова — Париж и др. Из показаний Дружиловского выяснилось, что он с 1921 г. поступил на службу 2-го отдела польского Генерального штаба (разведка), был в Риге, Варшаве и Данциге. В Берлине он выполнял агентурные задания берлинского полицей-президента, иностранных правительств, контрразведок и т. п. С 1924 г. он приступил к изготовлению фальшивок и подложных документов Коминтерна и советского правительства.

По словам Дружиловского, первую фальшивку он изготовил при помощи некоего Гаврилова, уже работавшего по фабрикации фальшивок в Вене совместно с Якубовичем. Фальшивка эта представляла собой инструкцию Коминтерна для подготовки к выборам в Исполком Коминтерна, адресованную «Исполнительному комитету Северо-американских соединенных штатов». Этот документ был изготовлен по заказу представителя 2-го отдела польского Генерального штаба в Берлине, Пацерковского, направившего его с этим документом в американское консульство.

После первого удачного опыта Дружиловский занялся массовым изготовлением фальшивок, которые сбывал представителям иностранных контрразведок и правительств в целях вызвать разрыв заключенных с СССР договоров и дипломатических сношений, опорочить в глазах трудовых масс работу советского правительства, внести раскол в ряды рабочих организаций и вообще так или иначе ослабить СССР.

Шиллер, связанный с германскими монархистами, английскими генералами, польской разведкой и др. представителями аггрессии в отношении СССР, показывал на суде, что распространение фальшивых червонцев преследовало задачу подорвать финансовую мощь СССР; червонцы должны были явиться одной из действенных форм борьбы с советской властью. Распространение их предполагалось всеми способами. И Шиллер, успевший побывать в Пскове, Москве, Смоленске, Ленинграде, всюду оставлял за собой легкие следы фальшивых червонцев. В одну из своих поездок в Париж Шиллер установил связь с бывшим губернатором Мясоедовым, а этот самый Мясоедов оказался замешанным в международном предприятии по изготовлению советских червонцев. Наконец, в СССР Шиллер двинулся прямо из Берлина. Здесь он жил на одной квартире со своим начальником генералом Глазенапом, имел таинственные встречи с бывшим русским офицером, ныне шофером Трапезниковым, и с другим русским офицером, ныне владельцем ресторана Стольником, и со многими другими. Распространение червонцев не являлось основной задачей Шиллера и представляемой им группы монархистов. Сторонник массового террора и восстаний как одного из средств борьбы с советской властью, Шиллер думал окопаться на Украине или в другом районе СССР. Предполагалась пропаганда монархизма среди крестьянства, создание монархических ячеек на селе, организация повстанческих отрядов. [1]

[1] «Дело монархистов-фальшивомонетчиков», «Правда» январь 1930, №№ 20, 21, 22 и др

К диверсиям же мы относим и значительную долю «вредительства» типа, выявившегося на шахтинском процессе в Москве, как, напр., закупка заграницей несоответствующего оборудования для шахт, переход на эксплоатацию низкосортных угольных пластов, скрытие экономных шахтных проходок, вздувание накладных расходов, замедление темпа восстановительного процесса в хозяйстве, волокита в руководящей административно-производственной головке, соответствующий подбор работников по признаку саботажа и уменья «итальянить», установка устарелых типов машин под видом их соответствия уровню производства, невнимание к вопросам гигиены и охраны труда в шахтах с целью вызвать ропот и недовольство среди рабочих, понизить производительность их труда и расшатать трудовую дисциплину, захват влияния в профорганизациях и производственных органах с целью их разложения и постепенной подготовки «взрыва изнутри», бесхозяйственная организация всего комплекса производства для его официального охаивания и доказательства нерентабельности предприятий, чтобы передать их концессионерам, связанным с интервенцией, и т. п. Как известно, нити шахтинской организации вели к польскому Генеральному штабу, французскому и др. через бывших хозяев шахтинских рудников...

Именно в силу того, что эти действия вредителей связывались с интервенцией, связывались с войной в интересах буржуазии, изгнанной из СССР, — их и приходится квалифицировать как диверсии, а не простые акты головотяпства или уголовщины. Наиболее характерны в этом отношении позднейшие вредительства раскрытой контрреволюционной организации в промышленности и НКПС. Эти организации намечали особую систему мер для ослабления боевого снабжения Красной армии вообще и в период войны в особенности, делая ставку на «короткий удар со стороны Польши (конечно подкрепленной более «высокими» державами) с отрезом Украины и быстрым наступлением на Москву».

Один из главарей контрреволюционной организации Михайлов в своих показаниях [1] говорил:

«Само собой понятно, что организация наша не могла ограничиться для достижения своих целей одними мероприятиями, осуществляемыми лишь в мирный период. Мероприятия этого порядка по своей природе дают результаты, в значительной части имеющие преходящий, временный характер. Время по мере хода своего постепенно залечивает раны, нанесенные вредительством. Затянувшаяся постройка в конце-концов завершается. Заторможенные опыты и изыскания, хотя и с запозданием, тоже приходят к концу. Узкие места в производстве рано или поздно заполняются. Финансовый ущерб, причиненный умышленно при строительстве, в значительной своей доле имеет единократный характер. Даже сообщенные врагам секретные военные сведения в известной доле, иногда немалой, стареют и теряют ценность.

[1] *Г. Кржижановский*, Вредительство как оно есть, «Правда», 1930, № 42 и 43 от 12 и 13 февраля.

Поэтому организация попутно с текущим вредительством обдумывала и разрабатывала мероприятия, которые должны осуществляться в период войны и наносить ближайший и непосредственный ущерб работе промышленности уже в военной обстановке. Конечная цель всех этих мероприятий — *всеми доступными способами и средствами ослаблять техническую мощь армии*, а следовательно и ее боеспособность».

В отношении химической промышленности Деханов дал следующие показания:

«В военное время намечались удары, выводившие заводы на короткое сравнительно время путем неправильной работы на установке, напр. в химической промышленности. Пожары и взрывы — это была как крайняя мера, в роде взрыва мостов, но опять-таки для создания лишь или узкого места, или провала отдельной операции, но не всего завода в целом, чтобы завод мог быть восстановлен...

По Северохиму основными объектами были сернокислотные, особенно контактные, установки и азотнокислотные»...

Кроме того:

«Я предлагал, — показывал Деханов, — для химических заводов при приближении неприятеля производить панику путем пуска, напр., азотнокислотных газов, газов серной кислоты, создание паники путем стрельбы членами организации и т. п. и говорил, что, по моему мнению, на почве такой паники может объединиться более подвижной элемент, чем члены нашей организации, для активных выступлений»...

На остальных формах диверсионной работы, практикующейся и против СССР, и против других государств, мы не будем останавливаться, так как они не представляют собой ничего нового по сравнению с практикой мировой войны. Можно лишь указать на одну из комбинированных диверсионных форм (и то не новую) — когда задачи индивидуального террора объединяются с задачами разрушения различных сооружений, как это было, напр., в удачном деле взрыва железнодорожного моста (виадука) и поезда Чжан-цзо-лина, по всем данным организованного Японией с целью «наказать ослушника» своих приказаний и др.

Как основной вывод из рассмотрения современной практики диверсий нужно признать, что в мирное время диверсии идут: активные — главным образом по линии экономики и террора, пассивные — политики. Чем усиленнее и лихорадочнее идет подготовка к войне, тем шире и энергичнее диверсии, тем они многостороннее и искуснее — от едва заметного саботажа и чуть уловимой провокации до массовых убийств, взрывов и поджогов на огромных территориях, как-будто между собой не связанных.

Конечно диверсии мирного времени, это лишь кусочек того диверсионного плана, который будет осуществлен с началом войны. Вообще нужно отметить, что диверсии полнее и систематичнее будут проводиться в так называемый, предвоенный период, или период, «угрожаемый войной», затем в период мобилизации и сосредоточения армии и, наконец, в период ведения войны—по этапам насту-

пления, обороны, подготовки крупной операции и т. д. Такая установка имеется у всех генеральных штабов, почему вся подготовка мирного времени направлена на «расчистку путей» для организации полной и сокрушительной диверсии, связанной с оперативными планами войны. Диверсии мирного времени есть лишь этапы этой расчистки, лишь элементы подготовки и ведения будущей войны, а следовательно, не имеют самостоятельного значения и сплошь и рядом кажутся случайными, легковесными и отнюдь не грозными признаками войны и будущего поражения.

Уметь распознать направления в подготовке диверсии, их организационную сеть и схему по тем данным, которые нам дает практика мирного времени,— очень большая и сложная задача, решение которой требует специальных условий и средств, но которая должна быть разрешена до начала войны каждым генеральным штабом, чтобы не быть застигнутым врасплох и обеспечить бесперебойное осуществление своих планов мобилизации и развертывания армии и народного хозяйства.

Судя по характеру и темпу диверсионной практики XX в., мы должны ожидать: усиления диверсий перед самой войной — особенно в так называемые периоды «тревоги» или политического напряжения, в виде, прежде всего, взрывов и поджогов крупных промышленных складов сырья и полуфабрикатов, некоторых промышленных предприятий уникального типа, могущих быть использованными во время войны, складов дефицитного сырья и полуфабрикатов, а равно крупных портовых таможенных складов импортных материалов, порчи или уничтожения тем или иным способом различных силовых установок и энергетических источников, узлов сообщения и связи стратегического и общеэкономического значения, крупных баз-складов военного ведомства, различных устройств воздуххимобороны в глубоком тылу страны. На ряду с этим, — не говоря уже о пышном расцвете разного рода пропаганды и агитации,— возможны диверсии террористического характера, усиленное просачивание через границу отдельных группочек (одиночек), вербовка на местах из родственных классов исполнителей для тех или иных актов, при развитии пассивных диверсий всех форм и по всем линиям. Общая задача диверсий этого периода — *непосредственно ослабить и расстроить основную материальную базу мобилизации и подготовки страны к войне.*

Для нас вполне вероятно усиление диверсий при помощи белых как на западе — со стороны Румынии и Польши (главным образом), так и на востоке — со стороны Персии, Китая и Японии. Вполне возможно наконец, что выброска диверсионных белогвардейских банд, скажем, — в направлении Житомир — Киев, и будет началом войны для СССР, так как при современных обычаях буржуазии юридическое оформление войны — совершенно излишняя мелочь романтического порядка, не вяжущаяся с принципом внезапности.

На период мобилизации диверсии падут на ближние тылы, по экономическим центрам и складам, усиливаясь главным образом в отношении путей сообщения и связи, а равно и органов, снабжаю-

щих и обслуживающих армию. Здесь возможно ожидать применения авиации, водных средств, ядов, газов, массовых взрывов и поджогов, отравлений и убийств ответственных военных работников и т. п. В этот период диверсии принимают по типу своих объектов более военный характер, приближаясь к районам сосредоточения и развертывания вооруженных сил, чтобы потом — по окончании этого периода — снова уйти в глубокие тылы, в свои основные экономические районы работы.

Общая задача для диверсий периода мобилизации может быть сформулирована так: *расстройство основных процессов мобилизации — войсковой и хозяйственной—в целях внесения путаницы в работу, удлинения мобилизационных сроков и нанесения материального ущерба.* Отсюда и частные задачи:

1. Помешать эвакуации промышленных предприятий, складов с запасами сырья и материалов и т. п. приграничного района.

2. Затруднить вызов по мобилизации людей, лошадей и обоза;

3. Затруднить погрузку и выгрузку всяких предметов снабжения армии и эвакуируемых организаций, чтобы застопорить движение по железным дорогам.

4. Замедлить движение эшелонов и смять плановые графики, чтобы сорвать сроки мобилизации.

5. Дезорганизовать транспортные средства порчей или уничтожением паровозов, вагонов, цистерн, пароходов, авто и аэро и др.

6. Уничтожить объекты железнодорожного и водного движения — мосты, трубы, шлюзы, водокачки, блокпосты, стрелочные приспособления, переводные круги, депо, склады угля или нефти, электростанции и т. д.

7. Прекратить, хотя бы на время, связь — телеграфную, телефонную и радио.

8. Уничтожить базы, арсеналы, казармы, водопроводы, подачу света, хлебозаводы, предприятия военной промышленности и др.

9. Применить террор против военных и правительственных деятелей.

10. Дезорганизовать работу штабов и учреждений, проводящих мобилизацию.

При широкой практике активных диверсий, организуемых под определенным углом классовой борьбы, они всегда имеют тенденцию превратиться или в партизанство-повстанчество, или в партизанство войскового типа, иначе — опереться на массы и получить их поддержку — материальную и моральную. Поэтому осуществление такого рода диверсий неминуемо приводит к обострению борьбы и перегруппировкам вооруженных сил, что в мирное время равняется по существу проведению некоторых мобилизационных мероприятий, а следовательно созданию «casus belli», на что и рассчитывают наши враги, усиливая диверсии против СССР, то-есть провоцируя нас на войну.

Таким образом, диверсии как одна из форм малой войны являются необходимым элементом современной подготовки к обороне

страны и ведению войны. Следовательно, изучение их необходимо как с точки зрения противодействия им, так и с точки зрения умелого использования этого средства наравне с прочими средствами «большой войны», имея в виду диверсии — воздушные, сухопутные и морские, активные и пассивные по всем линиям развертывающейся борьбы...

Подведем итоги для окончательного выяснения характера и сущности малой войны:

1. Содержание и формы современной малой войны, это — выражение классовой вооруженной борьбы, по отношению к которой малая война есть лишь часть, отдельный момент, особая ступень в развитии. Иными словами, малая война — переходная форма классовой вооруженной борьбы, развивающейся во всеобщее вооруженное восстание для захвата власти и установления диктатуры восходящего класса, поэтому она естественна и закономерна как в «мирное», так и в военное время.

2. Малая война может возникать самостоятельно, в процессе своего развития перерасти или в большую войну, или во всеобщее (большое) восстание и может сопутствовать большой войне, развиваясь лишь в одних каких-либо своих формах; может совершенно замереть, перейдя в сферу пассивных диверсий и скрытых форм вредительства словом или делом, то-есть малая война не венчает борьбы сама по себе и не является единственной и решающей формой борьбы.

3. Малая война ведется по методам борющихся классов в меру их уменья и достижений, используя те средства, которыми располагает данный класс к моменту ее ведения или которые он сможет изыскать и организовать в самом процессе борьбы. Чем сильнее и могущественнее класс, чем он организованнее, тем разнообразнее и удачнее методы его борьбы, тем богаче его средства, тем полнее и быстрее он осуществляет свои задачи, а значит тем шире размах малой войны, тем глубже проникает она в массы, из среды которых черпает свои силы.

4. Основными формами малой войны являются партизанство и диверсии, причем первое осуществляется в форме партизанства-повстанчества и партизанства войскового типа.

5. Диверсии индивидуалистичны (одиночки, небольшие группы действующих), партизанство массово (отряды), но они вместе оформляют единый процесс вооруженной классовой борьбы на определенном отрезке времени и территории для данной общественной формации. Чрезвычайная законспирированность операций диверсионного порядка, их внешняя разобщенность друг от друга, организационная специфичность и др. не могут служить причиной для выделения их из общей суммы операций малой войны, так как социальная природа и цели диверсий (против кого, когда и кем они совершаются, почему и как реализуются, куда растут в своей сумме и каким темпом, чем связываются между собой и чем разнятся друг

от друга на общем фоне политико-экономической конъюнктуры борьбы и др.) тождественны с малой войной.

6. Партизанство и диверсии — звенья одной цепи, это наши учеты узловых моментов в развитии форм малой войны, поэтому диверсии переходят в повстанчество, и наоборот, партизанство войскового типа взаимосвязано с повстанчеством и диверсиями, повстанчество вырастает из отдельных актов до массового вооруженного восстания и затем до организации и операций Красной армии или же оно переходит в собственное отрицание.

7. Малая война чрезвычайно самобытна и динамична в своих формах и методах, рецепты и схемы гибельны для нее. Она растет творчеством масс в процессе борьбы, поэтому регулярное начало чуждо ей. Организация наличных средств и сил, определение объектов удара и способы действий и др. в малой войне строго соответствуют каждому моменту, каждому району (территории), каждой боевой задаче, каждому оперативному случаю, поэтому творческая и целесообразная импровизация в малой войне (во всех ее формах) — необходимейшее условие для ее ведения.

8. Таким образом окончательное определение малой войны по нашему мнению будет следующее:

Малая война есть совокупность вспомогательных, импровизированных (в противоположность однообразию и постоянству регулярных типов), активных действий борющегося за свои интересы класса (нации) для нанесения своему противнику непосредственного материального или иного ущерба всюду, где это возможно, и всеми доступными ему средствами в целях лучшей для себя подготовки решающих результатов на главных фронтах борьбы.

9. Ввиду всеобщей обостренности классовой борьбы малая война в данное время приобретает большой удельный вес в ряду средств массовой вооруженной борьбы и должна играть значительную роль в будущем, в смысле применения ее со стороны наших противников и, следовательно, нашего противодействия им. Последнее требует заблаговременной проработки вопросов теории и практики малой войны, соответствующего учета всех данных о действиях противников и разработки специальных планов отпора их работе; успех этой работы всецело зависит от того, насколько полно будут учтены и использованы преимущества и уровень современной техники, достижения в области организации и тактики, а также конкретная политическая и экономическая обстановка.

ИСТОЧНИКИ: [1]

1. *Агар*, кап., Морские операции в Балтийском море. (Описание нападения английских торпедоносцев на кронштадтскую гавань в 1919 г.) «Journal of the Royal service institution», 1928 г., ноябрь.

2. *Аггэр, Эр.*, (Agger, Ev.), Kriegsgeschichtliche Erinnerungen in Form von taktischen Aufgaben, Nagald, 1925.

3. *Агафонов, В. К.*, Заграничная охранка, изд. «Книга». Птгр. 1918 г.

4. *Азиат*, Русские шпионы в Германии, Берлин, изд. Готтгейнера. 1904 г.

5. *Азов, М.*, Горные партизаны (воспоминания), «Алтайская деревня», 1924 г., № 1.

6. *Айзенштадт, А.*, Борьба за Марокко, «Международная летопись» 1925 г. № 6 — 7.

7. *Айронсайд*, генер., Характер будущей войны, «Artillery journal», 1924 г., апрель.

8. *Алексеев, Н. Н.*, Из воспоминаний, «Архив русской революции» Гессена, т. XVII, 1926 г., Берлин.

9. *Алексеев, С. А.*, Гражданская война в Сибири и Северной области, «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев», Гиз, 1927 г., М.

10. *Алексеев, С. А.*, Начало гражданской войны, «Рев. и гражд. война в опис. белогвардейцев.» М. Гиз, 1926 г.

11. *Английский устав полевой службы* (временный), т. II, Ведение операций, изд. Шт. РККА, 1923 г.

12. *Алексеев, Ф.*, Боевые действия Парижской коммуны, сб. трудов ВНО при Военной академии, кн. 3, 1922 г.

13. *Анишев, А.*, Очерки гражданской войны 1917 — 1920 гг., изд. Военно-политической академии им. Толмачева, 1925 г., Л.

14. *Аноним*, (Anonym), Spitzel, Viva-Verlag, 1922 г.

15. *Аноним*, » Diplomatische Halbwelt, Seeverlagkonstanz, 1922 г.

16. *Антонов-Овсеенко*, Записки о гражданской войне, т. I и II. Гиз, М.

17. *«Антоновщина»*, сб. материалов, документов и воспоминаний, изд. Тамбовского губкома, «Коммунист», 1924 г.

18. *Арменго*, Некоторые уроки войны с риффами относительно авиации. (Quelques enseignements des campagnes du Riff en matière d'aviation, 1928 г.), Париж.

19. *Аросев*, Из воспоминаний, сб. «Октябрьские дни в Москве и районах».

20. *Аршинов, П.*, История махновского движения (1918 — 1921 гг.), Берлин, 1923 г.

21. *Астраханцев, А.*, Дневник партизана, борьба с Семеновым в 1918 г., «Дальистпарт», кн. 1, Чита—Владивосток.

22. *Астровы, А.* и *В.*, Крестьянское движение в революции 1905 — 1907 г., Гиз, 1926 г.

23. *Ауссем, О. Х.*, Николаевская на Амуре коммуна (1920 г.), «Пролетарская революция», 1924 г., № 5 (28).

---

[1] Подчеркнутые фамилии означают, что этих работ на русском языке не имеется.

24. *Б. А.*, История одного партизанского штаба, сб. «Гражданская война 1918 — 1921», т. I, изд. «Военный вестник», 1928 г., М.
25. *Бабахан, Н.*, Крымская повстанческая армия, «Революция в Крыму», 1924 г., № 2 (4), Симферополь.
26. *Бабин, Е.*, Империалистическо-партизанская война, «Революция и война», сб. 1-й, 1919 г., М.
27. *Баландин*, Воспоминания уральского партизана, «Пролетарская революция», 1926 г., № 8 (55).
28. *Балк*, Малая война, изд. «Военное дело», 1919 г., М.
29. Бандитизм на территирии ГСФСР. (Коллективный труд), «Красная армия», 1921 г., № 9.
30. *Баранов, А.*, Октябрь и начало гражданской войны на Урале, Истпарт Уралобкома, 1928 г., Свердловск.
31. *Баторский, М.*, Бандитизм и борьба с ним, РИО при РВС Зап. фронта, 1921 г.
32. *Белобородов, А.*, Из истории партизанского движения на Урале, «Красная летопись», 1926 г., № 1 (16).
33. *Бецкий, К.* и *Павлов, П.*, Русский Рокамболь (И. Ф. Манасевич-Мануйлов), «Книжные новинки», 1927 г., Л.
34. *Бислэй*, (Beaslai, Piaras) Michael Collins and the making of a new Ireland, in two volumes, George C. Harrar, 1926, London — Calcutta — Sydney.
35. *Блэкер Стюарт*, Механизированная война в Азии, «Journal Royal united service institution», 1929 г., февраль.
36. *Боевой путь* 30-й иркутской имени ВЦИК территориальной дивизии, изд. Комиссии по проведению «Месячника красной казармы», 1924 г., Екатеринослав.
37. *Болдырев, В.*, Директория, Колчак, интервенты, (Воспоминания), 1925 г., Н.-Николаевск.
38. *Болотов, С.*, Из истории «осиповского» мятежа в Туркестане, «Пролетарская революция», 1926 г., № 6 (53).
39. *Борисов, А.*, Вопросы управления в малой войне, «Война и революция», 1927 г., № 3.
40. *Борисов, В.*, Партизанская и народная войны, «Военное дело», 1918 г., № 7.
41. *Борисов, В.* Малая война, «Военное дело», 1918 г., № 8.
42. *Борисов*, Влияние партизанщины на исход операций против Колчака в 1919 г., «Военная мысль и революция», 1924 г., № 3.
43. Борьба за советы на екатеринославщине, сб. воспоминаний и статей, издан. Днепропетровского истпарта и Окружной комиссии по проведению 10-летия Октябрьской революции, 1927 г.
44. *Бош, Евгения*, Год борьбы, Гиз, 1925 г., М.
45. *Бочаров*, К роковым дням, очерк событий 1923 г. в Болгарии и тактика ВКП (т. с.), «Война и революция», 1927 г., № 10 — 11.
46. *Брагинский, М.*, Ведение военных операций в Марокко, «Военная мысль и революция», 1924 г., № 4.
47. *Бриммер, К. В.*, Первый период ликвидации антоновщины в Тамбовской губернии, сб. трудов ВНО ВАК 1921 — 22 гг., т. II, ВВРС, 1922 г.
48. *Брун, В.*, Ангарские партизаны, «Прол. революция», 1925 г., № 3 (38).
49. *Бузин (Бич), Д. С.*, О партизанско-повстанческом движении в низовьях р. Амура 1919 — 20 гг., сб. «Революция на Дальнем востоке», вып. I, Гиз, 1923 г., М.
50. *Бунегин, М. Ф.*, Революция и гражданская война в Крыму 1917 — 1920 гг., Крымгиз, 1927 г.
51. *Буревой, К.*, Колчаковщина, Гиз, 1919 г., М.
52. *Бухгенштуц*, Действия партизан в Марокко, «Revue d'infanterie», 1925 г., январь — апрель.
53. *Валентинов, А.* (офицер врангелевской ставки), Крымская эпопея, — «Арх. русск. революции» Гессена, т. V, Берлин.
54. *Валентэй, Иг.*, Тайны воздушной войны, изд. «Военный вестник», 1924 г., М.

55. *Венцов, С.*, Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним, «Красная армия», 1921 г., № 9.
56. *Ветошкин, М.*, Союзники и белогвардейцы на севере России, «Новый мир», кн. 1, 1928 г., М.
57. *Виллиам, Георгий*, Побежденные, «Арх. рус. революции» Гессена, т. VI, 1922 г., Берлин.
58. *Витолин, А.*, Крестьянское восстание в Южной Бессарабии, «Военный зарубежник», 1924 г., № 11.
59. ВКП (б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б), изд. 2-е, «Военный вестник», 1928 г., М.
60. *Владимирова, Вера*, Год службы «социалистов» капиталистам, Гиз, 1927 г., М.
61. *Волконский, П.*, Добровольческая армия Алексеева, Лондон, 1919 г.
62. *Вольский, А.*, История мексиканских революций, Гиз, 1928 г., М.
63. *Воронович, Н.*, «Зеленая книга», история крестьянского движения в Черноморской губернии, 1921 г., Прага.
64. *Воронович, Н.*, Меж двух огней, «Арх. рус. революции», т. VII, 1922 г., Берлин.
65. *Воспоминания* о борьбе за советы и гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде 1917 — 20 гг., Истпарт Архангельского губкома ВКП (б), 1928 г., Архангельск.
66. *Вотервилль* (de Watterville, H.), Waziristan 1919—1920, London. 1922 г.
67. *Вирт* (Wirth, Albrecht), Der Kampf um Marocco, 1925 г., München.
68. *Вуич*, Малая война, 1850 г., СПБ.
69. *Галле* (Halle, Felix), Wie verteidigt sich der Proletarier in politischen Strafsachen vor Polizei, Staatsanwaltschaft und Gericht, Viva - Verlag, 1924 г.
70. *Гершельман, Ф.*, Партизанская война, «Военный сборник», 1884 г., СПБ.
71. *Гинс, Г. К.*, Сибирь, союзники и Колчак, три тома, изд. о-ва «Возрождающаяся Россия», Харбин — Пекин, 1921 г.
72. *Говард Сидней*, Рабочий шпионаж в Америке, Гиз, 1927 г., М.
73. *Голечек, В.*, Чехо-словацкое войско в России, Прага, 1922 г.
74. *Голионко, В.*, Партия и советы в Хабаровске за период 1917 — 18 гг. (по личным воспоминаниям и документам ДВЦК), сб. «Дальистпарт», кн. 3, 1925 г., Владивосток.
75. *Голубев, А.*, Врангелевские десанты на Кубани, Гиз, 1929 г., М.
76. *Голубых, М.*, Уральские партизаны, «Уралкнига», 1924 г.
77. *Горов, М.*, Борьба крестьян в Болгарии, Гиз, 1928 г., М.
78. *Гатуев, Дз*, Августовское восстание, «Революционный восток», 1929 г., № 6.
79. Гражданская война, материалы по истории Красной армии, т. I, ВВРС, 1923 г.
80. *Гранкур, К.*, Тактика на Ближнем востоке, Гиз, 1928 г.
81. *Грасис, К.*, Три кита бандитизма, «Революционный фронт», 1920 г., № 17 — 18, Харьков.
82. *Грассэ*, Война в Испании, «Revue militaire générale», 1924 г., март — апрель.
83. *Граф, А.*, Крестьянское движение в Германии в прошлом и настоящем, Гиз, 1928 г., М.
84. *Григорьев, А. В.*, Чумайское восстание, сб. Томского истпарта «Год борьбы».
85. *Громов-Мамонов*, Партизанское движение в Западной Сибири, сб. Сибирского истпарта, № 1-й.
86. *Грушин*, История жиляевского восстания, 1922 г., Оренбург.
87. *Грушин*, Борьба с колчаковщиной в Кустанае, «Пролетарская революция», 1926 г., № 9 (56).
88. *Гуковский, А.*, Французская интервенция на юге России, «Пролетарская революция», 1926 г., № 6, 7, 8.
89. *Гурко-Кряжин, В.* Восстание в Сирии, «Новый восток», 1925 г., № 10 — 11.

90. *Гусев, С. И.*, Уроки гражданской войны, изд. Рио УКРПУРА, 1921 г., Харьков.

91. *Гусев, С. И.* На внутреннем фронте (Сызрано-Сингелеевское восстание), «Военная мысль», изд. РВС Вост. фронта, 1919 г., № 3.

92. *Гутман*, Под властью анархистов, «Русское прошлое», 1924 г., № 5, Берлин.

93. *Гутман-Ган, А.*, Два восстания, «Белое дело, летопись белой борьбы», кн. 3, изд. «Медный всадник», 1927 г., Берлин.

94. *Деникин, А. Н.*, Очерки русской смуты, т. IV, кн-во «Слово», 1925 г., Берлин.

95. *Денстервилль*, ген., Поход на Кавказ и Персию, мемуары, изд. «Советский Кавказ», 1925 г., Тифлис.

96. *Денинг* (Dening, B.), Modern problems of guerilla warfare, «The army Quarterly», 1927, Vol. XIII.

97. *Джон* (John Price Jones), The german spy in America, 1921 г.

98. Die März, Unruhen 1921 und die preussische Schutzpolizei», оф. изд.

99. *Димма*, Приемы борьбы вооруженных сил германской республики с революционным пролетариатом в 1918 — 1923 гг., «Военная мысль и революция», 1923 г., № 5.

100. *Дингли, С.*, Борьба крестьянства Индонезии, Гиз, 1927 г., М.

101. *Дисбах*, О методах и организации обороны Швейцарии, «Война и революция», 1926 г., № 9.

102. *Добраницкий, М.*, Зеленые партизаны, «Пролетарская революция», 1924 г., №№ 8 — 9 (31 — 32).

103. *Добророльский, С.*, Техника в малой войне, «Война и революция», 1925 г., № 5.

104. *Добрынин*, Борьба с большевизмом на юге России, 1921 г., Прага.

105. *Додэ, Леон*, Перед войной, изд. Березовского, 1913 г., СПБ.

106. *Доможиров*, Эпизоды партизанской войны, «Военный вестник», 1922 г., № 5 — 6.

107. *Дрейер, В.*, Двухлетняя борьба красного севера с белым югом, 1921 г., Берлин.

108. *Заварзин, П. П.*, Работа тайной полиции, 1924 г., Париж.

109. *Запорожский, П.*, Белогвардейское восстание (в Семипалатинской губернии в 1918 — 1920 гг.), «Коммунист» от 23 февраля 1924 г.

110. *Зарубин*, В отряде Кравченко, «Пролетарская революция», 1925 г., № 3 (38).

111. *Звонарев, К. К.*, Агентурная разведка, два тома, 1929 г., М.

112. *Зуев, Д.*, Ферганское басмачество (1918 — 1920), «Гражданская война», т. III, ВВРС, 1924 г., М.

113. *Зуров, Л.*, Даниловы (белые партизаны), «Белое дело», кн. 2, Берлин, 1927 г.

114. *Иванов, Н. Н.*, О событиях под Петроградом в 1919 г., изд. «Русское творчество», Берлин.

115. *Ивин, А.*, Красные пики, 1927 г., М.

116. *Игнатьев, В.*, Некоторые факты и итоги 4-летия гражданской войны, Гиз, 1922 г., М.

117. Из документов партизанского движения в Сибири, «Сибирские огни», № 1.

118. *Ильюхов, Н.* и *Титов, М.*, Партизанское движение в Приморьи, «Прибой», 1928 г., Л.

119. Инструкции по организации мелких местных партизанских отрядов, утверждены командующим Московским сектором т. Гусевым, 1919 г.

120. *Ипатович и Яковлев*, Порча и разрушение сооружений, 1902 г.

121. *Искра Атаман* (И. Лохвицкий), То, что было... Берлин, 1922 г.

122. *«Историк и современник»*, сборники, издававшиеся в Берлине за 1922 — 1924 гг., 6 тт., в них интересные для темы работы:

Дорошенко, Д., Война и революция на Украине;
Герасименко, Н., Махно;
Филипов, А., На юге России. и др.

123. *Истпарт*, Декабрьское восстание в Москве в 1905 г., сб. № 3 под ред. Овсянникова, 1919 г., М.

123а. *Истпарт*, Революция на Дальнем востоке, вып. 1, Гиз, 1923 г.

124. » *Баш. Обкома РКП*, «Революционное прошлое». 1923 г. Уфа.

125. » *при Уралобкоме РКП(б)*, Колчаковщина, сборник, 1924 г. Екатеринбург.

126. *Истпарт ЦК ВКП (б)*, Борьба за Урал и Сибирь, сборник, 1926 г., М.

127. *Какурин, Н.*, Боевые действия крупных войсковых частей в маневренной войне, опыт тактического исследования, ч. 2, Воен. академия, 1924 г. (на правах рукописи).

128. *Какурин, Н.*, Организация борьбы с бандитизмом, «Воен. наука и революция», 1922 г., № 1.

129. *Калинин, И.*, Русская Вандея, Гиз, 1925 г.

130. *Калихоревский*, Андреевский конфуз, «Армия и революция», 1921 г., № 4 — 5.

131. *Каратыгин, П.*, Партизанство, изд. УВО, 1924 г., Харьков.

132. *К-в, В.*, Ферганский район, «Воен. мысль», 1921 г., № 1, Ташкент.

133. *Керхнаве*, ген. — Bandenkrieg und Bandenbekämpfung im serbischen Okkupationsgebiet, «Militärwissenschaftliche und technische Mitteilungen», 1929 г., январь-апрель.

134. *Киаи Самин*, Восстание на Яве и Суматре, «Коминтерн», 1927 г., № 13, 14.

135. *Кийков*, Из былого Урала, изд. Башоблбюро истпарта РКП, 1923 г.

136. *Кильчевский, А.*, Думенко и Буденный, Константинополь, 1920 г.

137. *Кичкасов, Н.*, Белогвардейский террор против СССР, изд. НКИД, 1928 г., М.

138. *Киш* (Kisch, Egon Erwin), Der Fall des Generalstabschefs Redl, Verlag «Die Schmiede», 1925 г.

139. *Клембовский, В.*, Партизанские действия, 1925 г., изд. 2-е, 1919 г. Птрг.

140. *Клембовский, В.*, Тайные разведки, изд. Березовского, 1911 г., СПБ.

141. *Клышейко, Ф.*, Действия курсантов в Тамбовской губернии с 5 мая по 20 августа 1921 г., «Воен. знание», 1923 г., № 1 — 2.

142. *Клаузевиц*, Война (теория стратегии), два тт., 1902 г., СПБ.

143. *Ковган, П.*, Записки неуча, изд. «Вольное казачество», Харбин, 1927 г.

144. *Кожиков, И.*, Борьба за советскую власть у ворот Монголии, «Прол. революция», 1926 г., № 10 (57).

145. *Козловский, Е.*, За красный Туркестан, Редизд. АЗВО, 1926 г., Ташкент.

146. *Колесников, Н. В.*, Франция или Германия?, т. I, 1921 г., Владивосток.

147. *Колосов, Е.*, Сибирь при Колчаке, воспоминания, материалы, документы, изд. «Былое», 1923 г., Птрг.

148. *Колосов, Е.* Как это было, «Былое», № 21, 1923 г.

149. *Колосов, Е.*, Крестьянское движение при Колчаке, «Былое», № 20, 1923 г.

150. *Колуэл* (Callwell, C. E. (colonel)), Small wars, thier principles and practice, General staff-war office, third edition, 15 plans, 559 pp. 1906 г., London.

151. *Константинов, М.*, Омские события при Колчаке, «Красный архив», 1924 г., № 7, 1925 г., № 8.

152. *Коппи*, полк., Операции итальянских войск в Либии, Сев. Африке, в 1927 — 28 гг., «Journal Royal united service institution», 1929 г.. февраль.

153. *Косогов, И.*, Участие конницы в партизанской войне, Гиз, 1928 г., М.

154. *Костарев, Н.*, Мои китайские дневники, «Прибой», Л., 1928 г.

155. *Костяев, Ф.*, Интервенция на юге России, Кавказе и в Туркестане 1918 — 1920 гг., сб. «Кто должник», Авиоизд-во, 1926 г., М.

156. *Котов, Н.*, Одно из восстаний на Украине в 1918 г., «Гражданская война» 1918 — 1921 г., т. I, 1928 г., М.

157. *Котов, Н.*, Тактика крестьянских восстаний. «Гражд. война», т. II, изд., «Воен. вестник», 1928 г., М.

158. Красные партизаны Одесщины, Истпарт Одесского окркома КП (б) У, 1927 г.

159. *Красные повстанцы*, сб. под ред. Губарева и Москатова, изд. Тагистпарта окружкома ВКП (б), 1927 г.
160. Красная голгофа, Благовещенск, 1920 г.
161. Красная книга ВЧК, два тома, 1920 г., Гиз.
162. *Кроль, Л.*, За три года, 1922 г., Владивосток.
163. *Кубанин, М.*, Махновщина, Истпарт ЦК ВКП (б), «Прибой», 1927 г., Л.
164. *Кудрявцев, Н.*, Борьба с Булак-Булаховичем, «Революция и война», 1920 г., № 3.
165. *Кук, А.* Канва агентурной разведки, изд. Шт. РККА, 1921 г.
166. *Кутяков, И.*, С Чапаевым по уральским степям, Гиз, 1928 г., М.
167. *Le Queux*, German spies in England, 1921 г.
168. «The coast artillery journal», 1926 г., № 4—5. (уроки марокканской войны).
169. *Лагздин, Э.*, На гурьевском заводе, сб. Истпарта Сиббюро ЦК РКП (б), № 1, 1923 г., Николаевск.
170. *Ладоха, Г.*, Очерки гражданской войны на Кубани, изд. Куб.-черном. обл. ком. ВКП(б).
171. *Лебедев, В.*, Борьба русской демократии против большевиков, записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири, Книгоизд-во «Народоправство», 1919 г., Нью-Йорк.
172. *Лебедь*, Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины, Гиз Укр., 1921 г.
173. *Левидов*, К истории союзной интервенции в России, изд. «Прибой», 1926 г., Л.
174. *Левин, И.*, Германские капиталы в России, изд. 2-е, 1918 г., Птгр.
175. *Лелевич, Г.*, Стрекопытовщина, Истпарт, Гиз, 1924 г., М.
176. *Ленин, В. И.*, Собрание сочинений, тт. VI, VII, VIII, XVII и др.
177. *Леонидов, В.* Эсеробандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним, «Рев. и война», 1922 г., № 14—15.
178. *Леонтович, Владимир*, Первые бои на Кубани, воспоминания, изд. «Молодая Россия», 1923 г., Мюнхен.
179. *Леттов-Форбек*, Мои воспоминания о восточной Африке, 1927 г., М.
180. *Лехов, П. В.*, К истории приамурской организации РКП, «Дальистпарт», кн. 1, 1923 г.
181. *Лисовский, П.*, На службе капитала, эсеро-меньшевистская контрреволюция, «Прибой», 1928 г., Л.
182. *Лоуренс, Т.*, Восстание в пустыне, «Москов. рабочий», 1929 г., М.
183. *Лубин*, Краткий очерк истории партизанской повстанческой конницы, «Воен. наука и револ.», 1922 г., № 1.
184. *Лукнер*, Зов моря, изд. Брокгауз-Эфрон, 1926 г., Берлин.
185. *Львов, В.*, Кубанская армия ген. Пржевальского, «Кр. армия», 1922 г., № 12.
186. *Лямин, Н.*, Операции Красной армии против белых на территории Китайской республики (против банд Бакича), «Воен. мысль», 1921 г., № 3.
187. *Ляпуар, Поль*, Немецкое шпионство во Франции, изд. Березовского, 1910 г.
188. *М. Д. В.*, Ганджинское восстание и его ликвидация, «Война и революция», 1928 г., № 2.
189. *Майский, И.*, Демократическая контрреволюция, Гиз, 1923 г., М.
190. *Макаров, П.* Адъютант генерала Май-Маевского, «Прибой», 1929 г., М.
191. *Макреди* (Macready, Nevil, General), Annals of an active life in two volumes, London. Hutchinson, 1926 г.
192. *Максаков, В.* и *Турунов, А.*, Хроника гражданской войны в Сибири 1917/18 г., Гиз, 1926 г.
193. *Максименко*, Из истории партизанской борьбы в Донбассе в 1918/19 г., «Летопись революции», 1925, № 4.
194. *Макушенко, Н.*, Операции против банды Махно с 9-го по 16-е июня 1921 г., «Армия и революция», 1922 г., № 3—4.
195. *Мальт, М.*, Деникинщина и крестьянство, «Прол. революция», 1924 г. № 4 (27).

196. *Мальт, М.* Деникинщина и рабочие. «Прол. революция», 1924 г. № 5 (28).
197. *Маргулиес, Владимир*, Огненные годы, материалы и документы по истории гражданской войны на юге России, 1923 г., Берлин.
198. *Маркелов, В.*, Воспоминания из партизанского движения на Д/В (1921 — 1922 гг.), сб. «Революция на Д/В», вып. I, 1923 г.
199. *Марушевский, В.*, Год на севере (август 1918 г. — август 1919 г.), «Белое дело», № 2 и 3, изд. «Медный всадник», 1927 г., Берлин.
200. *Мельников, Ф.*, Отряд Черерева, сб. «Былое Урала», 1924 г., № 4.
201. *Метелев, А.*, Кубанское крестьянство в борьбе с корниловщиной, «Прол. революция», 1926 г., № 4 (51).
202. *Микулин, В.*, Рейд 8-й кавалерийской дивизии, «Рев. и война», 1922 г., № 6.
203. *Милютин, В.* (редактор), Аграрная революция. Т. II. Крестьянское движение в 1917 г., изд. Ком. академии, 1928 г., М.
204. *Молотов, Константин*, Контрреволюция в Сибири и борьба за советскую власть, 1921 г., Саратов.
205. *Мокроусов*, 90 дней в горах Крыма, «Револ. в Крыму», 1924 г., № 2.
206. *Мох, Г.*, Постоянная армия и милиция, биб-ка «Просвещение», СПБ.
207. *Мстиславский, С.* Поездка в Нежин, из воспоминаний о деникинщине на Украине, «Былое», 1924 г., № 26.
208. *Набоков, В.*, Испытания дипломата, изд. «Северные огни», 1921 г., Стокгольм.
209. *Надежный, Д.*, На подступах к Петрограду, Гиз, 1928 г., М.
210. *Николаи, В.*, Тайные силы, изд. РУ, 1925 г.
211. *Николаи, В.*, Германская разведка и контрразведка в мировой войне, изд. Ру штаба командующего всеми вооружен. силами Укркрыма, 1921 г.
212. *Николаи, В.*, Нападение с тыла (действия партизанского отряда 6-й дивизии красных на фронте против Юденича), «Красный стрелок», 1922 г., № 2, изд. ВВРС, М.
213. *Новицкий, Н.*, Малая война, лекции, 1865 г., Одесса.
214. *Норман, Роберт*, Разрушение и опустошение во время войны, 1927 г., Париж.
215. Die Militärische Nachrichtendienst und die Bekämpfung der Spionage in Frankreich, Geheim. Berlin, 1908 г.
216. *Мэркер* (Maercker), Von Kaiserheer zur Reichswehr, Verlag Köhler, Leipzig, 1921 г.
217. *ОВНО ВАК*, Сборник воспоминаний, книги 1 и 2, М.
218. *Огородников, Ф.*, Бой за местные предметы, изд. У. В. — Уч. З. Запфр. 1921 г.,
219. «Первое пятилетие» сб. «Октябрьская революция», Гиз Украины, 1922 г., Харьков.
220. *Онуфриев*, Гражданская война на Урале, «Уралкнига», 1925 г.
221. *Орлинский, А.*, Бандитизм и борьба с ним, «Армия и революция», 1921 г., № 2 — 3.
222. *Орлов, Н. А.*, Усмирение польского восстания в 1831 г., в 1863 г., «История русской армии и флота», т. VI, изд. «Образование».
223. *Орр*, Вторжение Леттов-Форбека в португальскую восточную Африку в 1917 г., «Army quarterly» 1926 г., октябрь — декабрь.
224. *Ортега, Диего*, Аграрный вопрос и крестьянское движение в Мексике, Гиз, 1928 г., М.
225. Отдельные операции малых отрядов, 1920 г., М.
226. *Павлов, П.*, Выводы из опыта борьбы с Махно, «Армия и революция», 1921 г., № 2 — 3.
227. *Парфенов, П. С. (Алтайский)*, Борьба за Дальний восток, «Прибой», 1928 г.
228. *Парфенов, П. С. (Алтайский)*, Уроки прошлого, гражданская война в Сибири 1918—20 гг., Харбин, 1921 г.
229. *Парфенов, П. С. (Алтайский)*, Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 г., «Пролетарская революция», 1922 г., № 7.

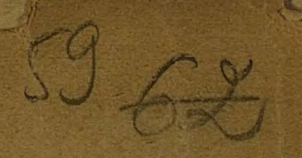
230. *Паутина*, Система германского шпионажа, изд. Португалова, 1915 г., М.
231. *Петров*, Два года тому назад.
232. *Петроградская* контрразведка накануне революции, из воспоминаний сотрудника, «Былое», 1924 г., № 26.
233. *Пече, Я.*, Боевые дружины в Латвии в 1905 г., «Прол. революция», 1926 г., № 3 (50).
234. *Платонов, А.*, Странички из истории эсеровской контрреволюции, военная работа эсеров заграницей в 1920/21 г., изд. «Красная новь», 1923 г., М.
235. Повстанческое движение в Алтайской губернии в 1920 г. (1/V — 1/X), изд. штаба помглавкома по Сибири, 1922 г.
236. *Погорелов*, Восстание друзов, «Война и революция», 1925 г., № 5.
237. *Погорелов*, Курдский вопрос, «Война и революция», 1925 г., кн. 3.
238. *Подшивалов, И.*, Гражданская борьба на Урале 1917 — 1918 гг., 1925 г., М.
239. *Позднеев, Д.*, Проникновение японцев в Монголию, рукопись.
240. *Познер, С.*, Боевая группа при ЦК РСДРП (б), статьи и воспоминания, 1905 г., материалы и документы, 1927 г., М.
241. *Покровский, М.* (редактор), От января к октябрю 1905 г., т. II, 1925 г., М.
242. *Покус, Я.*, Борьба за Приморье, Гвиз, 1926 г., М.
243. *Полевой*, Рейд конницы Мамонтова, «Воен. дело», 1919 г., № 26.
244. Положение о мелких партизанских отрядах, изд. шт. войск Московского сектора, 1919 г., М.
245. Польский устав полевой службы, 1921 г., изд. РУ, 1923 г.
246. *Поляк, А.*, Действия 5-й красной армии от р. Тобол до оз. Байкал, сб. «Трудов ВНО при Воен. академии», кн. 3, 1922 г., М.
247. *Попов, А.*, Нападения на железные дороги, телеграфы и различного рода склады с целью порчи их и разрушения, изд. Березовского, 1904 г.
248. *Преображенский*, Партизанство Сибири, «Красн. армия Сибири», изд. ЗСБВО, 1923 г., № 3 — 4.
249. *Преображенский*, Работа и провал партийных организаций в дни колчаковщины, сб. «Великий Октябрь», 1922 г., Н.-Николаевск.
250. *Примаков, В.*, Борьба за советскую власть на Украине, «Сборник статей 1918 — 1923», ВНО ВАК ВВРС, 1923 г., М.
251. *Примаков, В.*, Рейды червонных казаков, сб. «Трудов ВНО» при Воен. академии», 1922 г., кн. 2.
252. Пролетарская революция на Дону, сб. 1-й, изд. Донской комиссии по истории рев. движения и РКП, 1922 г.
253. Путь к Октябрю, сб. МК РКП, вып. I, изд. «Моск. рабочий», 1923 г.
254. Пять лет советской власти, изд. Сиббюро ЦК РКП, 1922 г., Н.-Николаевск.
255. Работа эсеров заграницей, по материалам парижского архива с.-р., Гиз, 1922 г., М.
256. *Рагозин*, Партизаны степного Баджея, записки участника, 1926 г., М.
257. *Раковский, Г.*, В стане белых, Прага, 1921 г.
258. *Раковский, Г.* Конец белых, от Днепра до Босфора, Прага, 1922 г.
259. *Раковский, Х.*, Борьба с бандитизмом, Харьков.
260. *Раковский, Х.* Борьба за освобождение деревни, Харьков.
261. *Резанов, А.* — Немецкое шпионство, 1915 г., Птг.
262. *Ремпель, Л. И.*, Повстанцы в Крыму, к истории Крымской «зеленой» советской повстанческой армии 1920 г., Крымгосиздат, 1927 г.
263. *Ричардсон*, Народная война во Франции в 1870/71 г., «Army quarterly», 1926 г., октябрь — декабрь.
264. *Родзянко, А. П*, Воспоминания о Северо-западной армии, 1920 г., Берлин.
265. *Ромер*, Будущая война, «Беллона», 1927 г., июнь.
266. *Руднев, В. В.*, Махновщина, Истпарт Украины, Харьков, 1928 г.
267. *Руссель* (Russel), True adventures of the Secret service, 1924 г.
268. *Рыбаков, М.*, Махновские операции в 1920 г. «Красн. армия», 1922 г., № 12.

269. *Рыбаков, М.*, Действия летучего корпуса т. Нестеровича, сб. «Трудов ВНО при Воен. академии», кн. 4, 1823 г., М.
270. *Рымшан, М.*, Рейд Мамонтова, август—сентябрь 1919 г., Гвиз, 1926 г., М.
271. *Рыскулов, Т.*, Из истории борьбы за освобождение Востока (восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.), «Новый восток», 1924 г., № 6.
272. *Самарский*, Партизаны Волги, 1925 г., М.
273. *Сапожников, Н.*, Ижевско-воткинское восстание, «Прол. революция», 1924 г., № 8 — 9.
274. *Сахаров, К. В.*, Белая Сибирь (внутренняя война 1918 — 1920 гг.), 1923 г., Мюнхен.
275. Сборник воспоминаний к 4-й годовщине РККА. 1918 — 1922 гг., М.
276. *Сарториус* (Sartorius, F. Polizeimajor), Die Schutzpolizei und ihre Gefechtsgrundsätze, 1922 г., Darmstadt.
277. *С. В. (Северцев, В.)*, Роль организации в народных движениях, «Вперед» 1905 г., № 8.
278. *Свечин, А.*, Стратегия, изд. «Воен. вестник», 1927 г.
279. *Свечников, М.*, Союзническая интервенция на севере Советской России с 2 июля 1918 г. по 1 октября 1919 г., сб. «Кто должник?», 1926 г.
280. *Свечников, М.* Рейды конницы и оборона железных дорог, Гиз, 1928 г.
281. *Святицкий, Н.*, Реакция и народовластие, изд. т-ва «Народ», 1920 г., М.
282. *Семенов, Г. (Васильев)*, Военная и боевая работа партии с.-р. за 1917 — 1918 гг., 1922 г., Берлин.
283. *Сергеев, П.*, Операции против Махно с 26 июня по 6 июля 1921 г., «Армия и революция», 1921 г., № 1.
284. *Серышев, С.*, Вооруженная борьба за власть советов на Д/В, сб. «Рев. на Д/В», вып. 1, Гиз, 1923 г.
285. *Сеф, С.*, Партийная организация Крыма в борьбе с Дениким и Врангелем, «Прол. революция», 1926 г., № 10 (57).
286. *Сидоров, П.*, Курганское восстание в январе 1921 г., «Прол. революция», 1926 г., № 6.
287. Система и тактика борьбы с бандитами-партизанами, 1921 г., М.
288. *Смоленский, С.*, Крымская катастрофа, 1924 г., Берлин.
289. *Смоленцев, П.* Китайская Красная гвардия, «Война и революция», 1926 г., № 3.
290. *Соколов-Страхов*, Зимняя кампания в Карелии в 1921 — 1922 гг., 1927 г., М.
291. *Солодовников, Борис*, Сибирские авантюры и генерал Гайда, 1923 г., Прага.
292. *Спиридович, А.*, Партия с.-р. и ее предшественники, 1918 г., Птгр.
293. *Спэннер*, (Spanner, E. F.), Armaments and the non-combatant to the «Front-line troops» of the future, London, Williams and Norgate, 1927 г.
294. *Старк, Я. И.* и *Димма, Г. Г.*, Материалы по рурскому вопросу, изд. Шт. РККА, 1923 г.
295. *Старко*, Морской чорт, Гиз, 1925 г., М.
296. *Столярский, С.*, Роль воздушного флота в операции ликвидации восстания в Кронштадте, «Вестн. возд. флота», 1922 г., № 14.
297. *Строд, И.*, Унгерновщина и семеновщина, «Прол. революция», 1926 г., № 9 (56).
298. *Сунь-Ят-Сен*, Записки китайского революционера, Гиз, 1926 г., М.
299. *Субботин, А.* (Eater), Дипломатия или разбой, «Моск. рабочий», 1927 г., М.
300. *Тарасов, Н.*, Война в Карелии, «Сб. трудов ВНО при Воен. академии», 1922 г., кн. 3.
301. *Тайзен*, Французские военные действия в Марокко, «Militär. Wochenblatt», 1926 г., № 30. См. *того же* № 28 — ст. «Die Kämpfe in Marocco» и «Kampfwagen in Marocco».
302. *Тарри* (Tarrit, Cap.), Применение партизан в Марокко, «Revue de cavalerie», 1923 г., Март — апрель.
303. *Тиллот, Г.*, Взрыв порохового погреба, «Белое дело», кн. 3, 1927 г., Берлин.

304. *Тиссо, Виктор*, Прусская тайная полиция, «Москов. книг-во».
305. *Тихомиров, П.*, Уроки болгарского восстания, сентябрь 1923 г., М., 1924 г.
306. *Тодорский, А.*, Красная армия в горах, 1925 г., М.
307. *Торникрофт* (Thornycroft, John), A short history of the coastal motor boots during the Great war and subsequently in the Kronstadt, Archangel and Caspian sea expedition of 1919, London, 1920 г.
308. *Тохай* (Tohay, F.), The secret corps, 1925 г.
309. *Третьяков, С.*, Чжунго, Гиз, 1928 г., М.
310. Три года борьбы, Октябрь 1917 г. — октябрь 1920 г., 1920 г., Омск.
311. *Троцкий, И.*, Вандейская война (литогр.), 1921 г., Тамбов.
312. *Троцкий, Л.*, Как вооружалась революция, т. т. I и II, 1923 г., М.
313. *Тухачевский, М.*, Война классов, Гиз, 1921 г., М.
314. *Тухачевский, М.* Борьба с контрреволюционным восстанием, «Война и революция», 1926 г., № 7, 8, 9.
315. *Убик*, Авиация в малой войне. «The field artillery journal», 1928 г., Октябрь.
316. Уличный бой, сб. статей, под ред. Муратова, Гвиз, 1924 г.
317. *Уорд, Джон*, Союзная интервенция в Сибири 1918/19 г., Гиз, 1923 г.
318. *Уповалов, И.*, Рабочее восстание против советской власти, «Заря», 1923 г., № 5, Берлин.
319. *Урицкий, С.*, Кронштадтский мятеж, «Сб. трудов ВНО при Воен. академии», 1922 г., кн. 3.
320. *Устинов, С. М.*, Записки начальника контрразведки (1915 — 1920), изд. Майера, 1923 г., Берлин.
321. *Фавицкий, В.*, Зеленая армия в Черноморье, «Прол. революция», 1924 г., № 8 — 9.
322. *Фаусек*, Авиация на ферганском фронте в 1919 — 22 гг., «Вестн. возд. флота», 1922 г., № 14.
323. *Фишер* (Fischer, Wilhelm), Die feindliche Handels-und Industrie Spionage und der wirtschaftliche Landesverrat, Stuttgart, 1922 г.
324. *Фишер*, Der Spionage, Spionen und Spioninnen, 1920 г.
325. *Фон-Виддерн* (von Widdern), Der kleine Krieg und der Etappendienst, 1906 г., Berlin.
326. «Vom Bürgerkrieg», Heft № 9.
D. *Ivon Yones*, Der Arbeiteraufstand in Südafrika.
Heft № 10, Der Kapp-Putsch in Wupperthal.
» № 13, *Ludwig*, Der bewaffnete Aufstand in Krakau.
» Die Gefechtsgrundsätze der Reichswehr.
Heft № 1 (20), 3 Jahrgang, Die Kampfschulung der Schutzpolizei gegen das revolutionäre Proletariat.
Heft № 6/7, 3 Jahrgang. — Die Partisanen der deutschen Kontrrevolution.
327. *фон-Винклер*, Оружие, руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в., 1894 г., СПБ.
328. *Франкс*, майор, Об ускорении механизации в Индии, «The journal of the United service institution of India, 1928 г., октябрь.
329. *Франтишек* и *Штейдлер*, Наше наступление в России в 1918 г., изд. «Памятники войны», 1923 г., Прага.
330. *Фрейер*, Аграрное движение в Пенджабе, «Коминтерн», 1925 г., № 1.
331. *Фуллер*, Сухопутный бой у Манилы (филиппинские повстанцы). «Infantery journal» 1925 г., февраль.
332. *Филимонов*. Разгром Кубанской рады, «Архив русск. революции» Гессена, т. V, Берлин.
333. *Филиппов, С. Т.*, Боевые действия на Закаспийском фронте (1918 — 1920 гг.), 1928 г., Ашхабад.
334. *Центроархив*, Партизанское движение в Сибири, Гиз. 1926 г., М.
335. *Центроархив*, Последние дни колчаковщины, сб. документов, Гиз, 1926 г.

336. *Чуев*, Славгород во время революции, «Известия Омского губкома», 1922 г., № 4, Омск.
337. *Шевцов, И.*, Как я взял Майкоп, «Прол. революция», 1922 г., № 7.
338. *Шеманский, А. Д.*, Болота подвели, «Воен. вестник», 1922 г., № 5 — 6.
339. *Шестаков, А.*, Восстание в Средней Азии в 1916 г., «Историк-марксист», 1926 г., № 2.
340. *Шехаев, Б.*, Боевая жизнь 16-й стр. Ульяновской имени Киквидзе дивизии, 1926 г., М.
341. *Шипек, А.* и *Добычин, В.*, Финская авантюра в Карелии, изд. шт. арм. войск Карельского района, 1922 г., секр.
342. *Ширямов, И.*, Тетюхинское восстание (1919 г.), «Пролетарская революция», 1925 г., № 4 (39).
343. *Шмидт*, Оккупация Украины в 1918 г. и повстанчество, рукопись.
344. *Шпехд.* Разрушение Вестфальского королевства в 1813 г., СПБ.
345. *Шпилев*, Из истории партработы в Сибири при Колчаке, «Прол. революция», 1928 г., № 1 (72).
346. *Шмит* (Schmitt, Polizeihauptman), Der Einsatz der Schutzpolizei im Aufruhrgebiet, 1929 г., Berlin.
347. *Шпиндлер* (Spindler), Das geheimnissvolle Schiff. Die Fahrt der «Libau» zur irischen Revolution, 1921 г., Berlin.
348. *Штаб войск Мин. района*, Борьба с бандитизмом в Белоруссии, 1921 г., 1 и 2 очерки, секр.
349. *Штерн, С.*, В огне гражданской войны, 1922 г., Париж.
350. *Шульгин.* 1920 год, «Прибой», 1926 г., Л.
351. *Шумяцкий, Б.*, Спорные вопросы новейшей истории Персии (Хоросанское восстание), «Рев. восток», 1927 г., № 1.
352. *Хэльдэн* (Haldan, Aylmer L.), The insurrection in Mesopotimia 1920, 1922 г., Edinburg.
353. *Эйдеман, Р.*, Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом, изд. шт. ВНУС Украины, 1920 г., Харьков.
354. *Эйдеман, Р.*, Повстанчество и его роль в современной войне, «Армия и революция», 1922 г., № 3 — 4.
355. *Эльцин», В.*, Крестьянское движение в Сибири в период Колчака, «Пролет. революция, 1926 г., № 2, 3 (49, 50).
356. *Энгельс, Ф.*, Статьи о войне 1870 — 1871 гг., ВВРС, 1924 г., М. *Его же.* Антидюринг, и др.
357. *Энгельс, Ф.*, Бакунисты за работой, изд. «Знание», 1906 г.
358. *Эно*, Восстание в Шампани, «Le militant Rouge», 1927 г., № 12.
359. *Эрдэ*, Этапы гражданской войны на Украине, «Всемирная иллюстрация», 1924 г, № 9 — 10, (погодный очерк повстанческого движения).
360. *Эсбах*, Последние дни махновщины на Украине, «Война и революция», 1926 г., № 12.
361. *Эспе*, Год в стане Колчака, Казань, 1919 г.
362. *Якобсон*, Омское восстание против Колчака, «Известия Омского губкома», 1922 г., № 4.
363. *Яковенко, В.*, Записки партизана, Гиз, 1925 г., М.
364. *Янель, К.* Скрытые вооруженные силы и большая армия Германии, 1929 г. М.
365. *Яременко.* Дневник коммуниста, записки из подполья, 1924 г.
366. *Яцко, А.*, Борьба с бандитами Махно в Гуляйпольском районе в апреле 1920 г., «Сб. труд. ВНО ВАК 1921/22 г.», т. II, ВВРС.
367. *Яцук, А. Н.*, Помощь авиации действиям партизан, ВВРС, 1921 г., М.
368. *Яцук, А.* Тактика воздушного флота, ВВРС, 1924 г.
369. Архивные материалы генерального штаба б. царской армии.
370. Периодические издания: «Правда», «Известия» и др.
371. ***Everitt, Nicholas***, Britisch Secret service during the Great war. London, 1921 г., Hutchinson.
372. *Фрунзе, М. В.* — Сборник сочинений. 3 тома.

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В КНИГОЦЕНТР

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4; тел.: 2-65-31, 1-91-49 и 5-50-80;

ЛЕНИНГРАД, Гостиный двор, помещ. 52—54.

И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ КНИГОЦЕНТРА

Для достижения максимальной полноты и срочности в обслуживании книгой частей РККА.

КНИГОЦЕНТРОМ ОРГАНИЗОВАНЫ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ МАГАЗИНЫ,

снабженные полным ассортиментом уставов и наставлений РККА и всех изданий других военных издательств:

В МОСКВЕ — Красная пл., 2-й Дом РВС СССР, Маг. № 10.
„ Арбат, 21. „ № 14.
В ЛЕНИНГРАДЕ — Пр. 25 Октября, 20 и 4.
В РОСТОВЕ-на-ДОНУ — ул. Энгельса, 73.
В ХАРЬКОВЕ — ул. Свердлова, 14.
В КИЕВЕ — ул. Воровского, 36.
В СМОЛЕНСКЕ — Б. Советская, 12.
В МИНСКЕ — Советская, 41,
В ТИФЛИСЕ — просп. Руставелли, 34.

МОСКВА, 64, Книгоцентр, „Книга Почтой".
ЛЕНИНГРАД, „Военфизкультткнига Почтой", пр. 25 Окт., 20.
РОСТОВ-на-ДОНУ, Книгоцентр, „Книга Почтой",
КАЗАНЬ, Книгоцентр, „Книга Почтой",
а в пределах УССР — ХАРЬКОВ, Книгоцентр, „Книга Почтой", ул. Свердлова, 14,

высылают немедленно по получении заказа
книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке.

Книги высылаются: при заказе до 1 руб. — только по получении стоимости (можно почтов. марками); при заказе свыше 1 руб. — по получении задатка в размере 25% стоимости заказа.

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ БЫСТРОЕ И АККУРАТНОЕ

Каталог „Оборона СССР и Красная армия" высылается по получении 25 к. почтовыми марками.